

Олег Николаевич Верещагин

Перекрёсток двенадцати ветров

http://zhurnal.lib.ru/w/wereshagin_o_n/perekrestok.shtml

Аннотация

Уильям Голдинг - жалкий трусливый лжец. НАШИ мальчишки - не такие. Перед вами - зелёное море тайги, хунхузы, золото Колчака и современные пионеры-герои. А вообще-то всё без шуток...

Верещагин Олег Николаевич

Перекрёсток двенадцати ветров

Лично мне всегда казалась странной убеждённость многих авторов современных детских книг в том, что Россия кончается за МКАДом...

Автор.

*Создателям фильма известно, что взрывы в космосе не слышны.
(Дж.Лукас - критикам фильма "Звёздные войны".)*

Если какое-то событие не упоминается в наших новостях - наша профессиональная задача внушить зрителям, что оно никогда не происходило.

Слова директора одной из новостных компаний США.

Настоящий казак.

Гром шарахнул последний раз - и тучи, рассасываясь буквально на ходу, стремительно полетели с ветром куда-то за Становой хребет. Ощущение было такое, что налетевший шквал только и старался полить закусочную "Загляни, дружище!".

Высыпавшие из своего высоченного экскурсионного автобуса пожилые японцы, восхищённо лопоча, всюду фотографировали чёткий край тучи, подсвеченный утренним солнцем над отрогами дальних гор. В самом деле было красиво - Сентяпин и сам засмотрелся и даже благодушно скользнул взглядом по трём бичам¹, заговорщически кучковавшим-ся за дальним столиком, хотя в обычное время не преминул бы разогнать их отсюда куда подальше. Пусть их... День начинался хорошо и обещал быть хорошим - туристы из Японии, как правило, не скупилась и искренне восхищались любой ерундой, если подать её, как экзотику. Похоже было, что они собираются задержаться, а значит, непременно позавтракают.

- Пап, ну чего, накрывать? - шёпотом спросила из-за спины дочка. Сентяпин покосился на неё; за спиной чада в боевой готовности застыли две другие официантки, вчерашние школьные подружки.

- Накрывай, - кивнул он. - Скажи на кухню - человек... - он прикинул на глаз, - человек тридцать. Пусть с запасом делают.

- Ясененько... - дочка окинула туристов взглядом и покачала головой:

- Нет, ну какие же пожилые японцы страшные...

- Поговори мне, - буркнул Сентяпин, но мысленно с ней согласился. Помесь черепахи с обезьяной... Но с другой стороны, они никогда не напивались, всегда были вежливы и не

норовили бить посуду и уносить с собой солонки, чем грешили "свои".

Не переставая щёлкать фотоаппаратами, туристы постепенно потянулись в нарочито грубо рубленое помещение закусочной, церемонно кланяясь хозяину и что-то восхищённо бормоча друг другу. Сентяпин сохранял невозмутимое выражение лица, хотя ему всегда смешно было наблюдать, как "западники" трепетно относятся к фальшивой экзотике, которой щедро сдабривали их маршруты по Дальнему Востоку и их собственные гиды, и владельцы закусочных, "постоялых дворов", и продавцы сувениров вроде лаптей и матрёшек... Да пусть их. У них на родине тоже, небось, покатываются, продавая "новым русским" самурайские мечи, выточенные из рессор в слесарной мастерской по соседству...

Несколько "самураев" продолжали бродить по автостоянке и среди столиков под открытым небом, и Сентяпин не спешил уходить. Во-первых, они могли попросить накрыть им здесь. А во-вторых, среди бичей он различил знаменитого Ваську Ханыгу, который дважды продавал туристам (первый раз штатовцам, а второй - тем же японцам) эксклюзивное право фотографировать восход солнца на Зейском Море². Хозяин закусочной не хотел, чтобы нечто подобное в третий раз повторилось в его заведении.

Неожиданно оживившись, японцы устремились к дальнему концу площадки, стрекоча блицами, как кузнечики - что-то привлекло их внимание. Сентяпин повернулся в ту сторону и усмехнулся, оттолкнувшись плечом от косяка.

Кажется, лето начиналось по-настоящему...

К закусочной на своём высоченном рыжем Угадае неспешно подъезжал Рат.

Сентяпин не видел его с марта, но снова подумал, что при желании мальчишка позированием заработал бы больше, чем он - своей закусочной. Но дело в том, что Рат ничуть не позировал. Он так жил. Японцам редкостно повезло - они наткнулись на нечто неподдельное... впрочем, сами они сочли это продолжением той же экзотики "a la russ"³ и были в полном восторге.

Рат, подъехав к ограде, одним движением набросил повод на верхнюю перекладину между кривоватых жердей и лениво соскочил наземь, неуловимо перебросив левую ногу через конскую холку. Очевидно, дождь его как-то не застал - и он, и Угадай были сухие. Как всегда, мальчишка был одет в выцветший камуфляж, сапоги - порыжевшие, но из хорошей кожи и хорошего пошива, за голенищем правого торчала нагайка - и густо-зелёный берет, из-под которого выбивался пышный пшеничный чуб. Хотя предполагалось, что в Зее он сдаёт экзамены, Рат где-то успел здорово загореть, синие глаза казались очень яркими и большими... и Сентяпин в который раз подумал: "Как он на отца похож..."

Рат неспешно поправил конскую сбрую, вынул изо рта Угадая трензель, потрепал по чёлке, поцеловал в нос (японцы зашлись от восхищения), небрежно закинул краем потника приклад ружья в самодельном чехле (из закусочной выскакивали успевшие туда войти - как спецназ по тревоге), потянулся, достал ладонями (не пальцами!) начинающий парить под лучами солнца асфальт и неспешно пошел к крыльцу, не глядя по сторонам.

- Брысь, - сказал за спину, не поворачиваясь, Сентяпин, знавший, что официантки торчат там. За спиной зашуршало.

- Извините, - самый старый из японцев, успев за это слово трижды поклониться, задержал Рата. - Ми хотери бы зната, сикокко ми дорожны за фотография вас вам. Извините.

Рат со спокойным удивлением посмотрел на японца сверху вниз и пожал плечами:

- Баловство... - после чего обогнул японца и оказался у крыльца.

Сентяпин широко улыбнулся. Он и сам не знал, с чего и почему его всегда тянет улыбнуться при виде Рата. Может быть, всё потому же - что мальчишка очень похож на отца?

- Отучился? - он крепко, без скидок на возраст, пожал протянутую ладонь. - Как?

- Нормально, - Рат облокотился на грубые перила, с пояса тяжело свис длинный нож в

расшитых бисером самоделковых ножнах.

- Поступать в августе поедешь?

- Угу.

- Дорога-то как?

- Дожило два раза. Медведя видел.

- И чего ты верхом едешь? - на этот вопрос Рат и отвечать не стал, да Сентяпин и не ждал ответа. Угадай Рат держал в городе у знакомых матери и добирался с каникул и на каникулы только на нём. - Зря ты с них денег не взял. Не обеднеют, а дома будут всем рассказывать, как настоящего казака фотографировали.

- Баловство, - повторил Рат.

- Ну а пока-то что делать будешь? Полтора месяца... Давай ко мне, хочешь - официантом, а хочешь...

- Нашёл я работу.

- Господи, опять золото мыть, что ли?

- Нет... - Рат оттолкнулся от перил, деловито сказал: - Бабка-то моя сколько задолжала, за год, Виктор Валерьевич?

- Да ерунда... - начал Сентяпин, но под спокойным взглядом мальчишки досадливо вздохнул и буркнул:

- Четыре тысячи. С копейками, - Рат продолжал смотреть, и хозяин закусочной уже сердито сказал: - Четыре двести пятьдесят пять, доволен?! Для ровного счёта - четыре. Не чужие.

- Не чужие, - согласился Рат, доставая из набедренного кармана пухлый кошелёк из хорошей кожи. Достал четыре тысячные бумажки, потом - ещё две сотенных, полтинник и пятирублёвую монету. - Спасибо вам, что помогли ей.

- Ратмир, откуда столько? - почти испугался Сентяпин, заметивший, что в бумажнике не только - и даже не столько! - рубли, сколько разноцветная путаница евро. - Ратмир?!

- Аванс за работу. - спокойно ответил мальчишка и больше ничего не стал объяснять, хотя Сентяпин ждал продолжения. Вместо этого Рат вздохнул и сказал: - Ну, если мы с тобой в расчёте, то мне надо продуктов купить. И ещё кое-чего в запас. Пошли, подберём.

- Рат-Рат... - покачал головой Сентяпин и качнул головой: - Пошли, ладно...

...Обратно они вышли через полчаса. Рат нёс за плечом большой новый рюкзак, а в руке - два объёмистых пластиковых пакета. Остановившись на крыльце, повернулся к хозяину:

- Вы, Виктор Валерьевич, если что - уж отпускайте бабке, что попросит. Приду - расплачусь.

- Разговора нет, - кивнул Сентяпин. - Я и заеду в случае чего, завезу. Ну, удачи... А знаешь, Рат... - он помедлил. - Я про тебя плохое подумал. Когда деньги увидел. Извини.

Мальчишка ничего не ответил - только коротко усмехнулся и зашагал, не оглядываясь, к коню.

Сентяпин, собиравшийся войти внутрь, задержался - Рат проходил мимо столика бичей, и один из них, выбравшись, нагнал мальчишку. Сентяпин хмыкнул.

- Молодой человек, окажите материальную помощь в денежном выражении страждущим братьям, - изысканно-витиевато потребовал бич. Рат обогнул его, как столб, и тот немедленно впал в агрессию: - Ах, ты, ще... - начал он, схватившись корявыми пальцами за рукав камуфляжа; его приятель полез из-за стола.

- Не замай, - сказал мальчишка, повернувшись. - А ты сядь.

Сентяпин хмыкнул снова. Он не видел глаз Рата, но мог поспорить, что и более решительных людей, чем бичи, откинуло бы в сторону. Пальцы соскользнули с рукава. Встававший плюхнулся обратно и сделал вид, что просто хотел устроиться поудобнее. Окончательно разрядил конфликт вынырнувший из-за угла закусочной Васька Ханыга - он с ходу оценил ситуацию, слегка спал с лица и зашипел друзьям:

- Да вы чего, мужики, вааще?.. Это ж Ратка Перваков, вы чего, вааще?.. - и улыбнулся

Ратмиру остатками зубов: - Доброго утречка, Ратмир Вячеславович, с каникулами вас!

- Доброе утро, - Ратмир сноровисто грузил покупки на Угадаю. Потом - не касаясь стремян - взлетел в седло и пустил коня рысью по сохнувшей дороге...

...Японцы ели пельмени со сметаной и солянку с грибами. Судя по всему, им нравилось, но тот старик, который обращался к Рату, увидев Сентяпина, поднялся из-за стола и, вежливо поклонившись, обратился теперь к хозяину:

- Пожаруйста, изавините, уважаемый.

- Да-да? - Сентяпин принял любезный и предупредительный вид. - Вам что-то подать?

- Нет, пожаруйста, - японец поклонился. - Я хотер спрашивать о этот марьчик. Это очена короритный марьчик. Настоящий казак. Мой отеца рассказывар о казак в война - тот война, начаре прошрый века. Марьчик - настоящий казак. И очена самостоятельный и - как это? - бушидо, гордый, как воина. Такой марьчик сейчаса редко. Я показывать в Ниппон его фотография свой внука и говорить им: вот русикий казак, пример. Но я бы хотер знать о нём чуть-чуть, пожаруйста, изавините. Вы бы не могли говорить дря меня об этот марьчик?

- О Рате? - Сентяпин указал рукой на стул. - Садитесь, пожалуйста. Я расскажу. Хотя это печальная история.

Ратмир Перваков по прозвищу "Рат".

Я хорошо знал его отца, Славку Первакова. Вы точно угадали, они казаки. Да ещё какие - настоящие, природные, амурские. Их род тут чуть ли не с семнадцатого века живёт...

У Славки был старший брат, на два года старше, Владимир. Так вот он уехал из до-ма, даже школу не окончил. Сбежал, можно сказать. Отец у них - дядька Никифор - крутой был мужик. Вот так всех в семье держал. Сыновей, правда, любил - они у него поздние были оба, но всё равно - под ним, конечно, жить было нелегко. Сам он был крепко верующий, из староверов, Советскую Власть - знаете, конечно, какая у нас тогда была власть - очень не любил. Я его хорошо помню, как он на праздники выходил: волосы, как у лешего, а на груди рядом - три "Славы" за Великую Отечественную и четыре "Георгия" за Первую мировую, полный бант. Славка-то хотел военным стать, а дядька Никифор ему и говорит: если бы враг напал, я б тебя сам благословил, а так - нечего безбожникам служить. Срочную отслужишь, как отдай - а там всё. И ведь недавно это было, в конце семидесятых... Славка школу заканчивал, я с ним. Он больше и не заговаривал про это, чтобы отца не злить. Ну а там армия. И попали мы в Афган - ну как попали, сами попросились. А узнали, что мы из охотничьих семей, послали нас учиться в спецназовский центр. А потом год мы по горам мотались. Видели всякое. Мне на всю жизнь хватило. А Славке - нет. Он на войне как будто ожил, что ли... "Духи" - ну, афганцы - его "Белый Шайтан" называли. Он ведь срочник был, а ему доверяли группы в рейды водить, как офицеру... и сколько за него духи обещали - не поверите. С четырьмя нулями в долларах. Мы всё смеялись: "Вот ты разбогател!"

Кончилась у нас срочная, он мне и говорит: "Я, Вить, - говорит - это я Виктор, Ви-тя, - домой, - говорит, - не вернусь. Попрошусь учиться на офицера." Я ему: "Да ты что, отец тебя проклянёт." А он мне: "Ну и пусть будет, как будет." И не поехал на дембель...

А я вернулся. Дядьке Никифору все рассказал - думал, он меня со всем моим опы-том, как цыплёнка задавит. Но он ничего, поблагодарил даже. А потом вынес из дома все фотографии Славки, вещи его... сложил в кучу посреди двора и сжёг. Жена его - мать Славки, Ратова бабка - за него уцепилась, кричит - он её, как тряпку, в двери бросил, не глядя. А как догорало всё - как закричит, да страшно так, даже эхо в тайге отозвалось: "Проклинаю! Не будет тебе ни удачи, ни счастья, ни долгой жизни..." - да около костра замертво упал. Как в сказке.

Славка на похороны не приехал. Владимир - тот приехал, как узнал, непонятно, но приехал, а Славка - тот вообще как пропал. И объявился только аж в 97. Не один - с женой, с Леной, и с Ратмиром - ему тогда семь лет было. До майора успел дослужиться - сперва в Советской, потом уже в Российской армии служил. А в Первую Чеченскую что-то он там

натворил - по-моему, "чехов", которые оружие побросали, сам расстрелял. Посадить не посадили, но со службы выкинули...

Стал он жить тут, у нас, в посёлке, у матери - та-то до обморока рада была, тем более, что и здоровье у неё, как муж умер, совсем никуда стало. Работы тогда тут не было совсем, я ему предлагал со мной в долю, только дело у меня на ноги встало... да он сказал: "Ты, Вить, не обижайся, но я казак и офицер, торговать не умею." Ратмир в интернате учился, в Зее, школы-то у нас уже двенадцать лет, как нет... Но жили они дружно, неплохо жили. Как апрель - собираются и в тайгу, и он, и Лена - она тоже лесовичка бы-ла, только не из наших, а из северян, откуда-то из Карелии... Золото мыть. Рат отучится - и к ним. Бабка его охала - мальчишке десяти лет нет, а он по тайге за двести, за триста километров родителей искать отправляется. А ему хоть бы что. Я его как-то спросил: "Не страшно тебе в тайге?" Он так посмотрел удивлённо и плечами пожимает: "Нет." Я уж Славке говорил: "Дундук ты, Слав, он же пропадёт у тебя так, что делать будешь?" А тот тоже мне: "Не пропадёт."

Вот так и жили - пять лет. У нас тут раньше много где золото добывали, мыли, по-том поистощилось всё, но всё равно, найти можно... Рат в августе вернётся, а они до октября в тайге. И вот не сказать, чтоб им очень уж везло - но и не то что не везло. Что намоют - на одежду, на еду на год, туда-сюда... Жили-то почти лучше всех в посёлке, а запасов не делали. Апрель подходит - они как украли - последнее как раз добирают. При-пасы закупят - и в тайгу...

Весной, три года назад, в 2002, как обычно, заходит ко мне Славка. Они у меня затоваривались, я им и по заказу что надо привозил... Забрал, что было нужно, а потом вдруг и говорит: "Был у меня, Вить, отец - он от меня отказался. Была страна - отняли."

Была служба - отобрали. Остались вон - Ленка и Ратка. И либо будем мы, Вить, поллюдс-ки жить - либо гори оно всё огнём." Засмеялся и ушёл.

Через полтора месяца приходит ко мне Рат. Слово за слово, пошёл, как обычно, в тайгу. Ещё через неделю прибегает обратно - и всех на ноги поднимает: лагерь брошен, родители пропали! Ему сперва не поверили - мол, отошли куда-то, а ты панику поднял. Но потом всё-таки пошли с ним. Порыскали - точно, брошен лагерь, давно брошен, ещё в мае. Тут уж искать взялись серьёзно. Власти - те не очень, кто для них пропал-то? А наши, местные, аж до конца августа по тайге рыскали. Никого. Ну, по правде сказать, случай-то не первый - тайга... Кого вот так находили, а кто и с концами... Тут и зэки беглые бывают, и свои сволочи, и хунхузы⁴, и звери, да и просто всякое могло случиться. Я сам, по чести сказать, как раз про "всякое" и думаю. Я Славку в деле видел. С ним чтобы справиться - армия нужна, да и Лена женщина была непростая...

Только Ратке что с того? Папа с мамой пропали! Другой бы мальчишка в слёзы, а он в тайгу. Первую четверть в интернате коту под хвост пустил, только в ноябре обратно выбрался - уже по снегу и по морозу. "Не нашёл, - говорит. А потом: - Погибли они." И снова - ни слезинки... Это двенадцатилетний-то пацан!!!

...Бабка, конечно, над ним опекунство взяла, ну да это ещё посмотреть, кто над кем... До июня они дожили, он набрал для неё продуктов в долг, а сам к одной артели самопальной пристроился, опять золото мыть - кто мальчишку одного на такую работу отпустит? Только лучше бы один - там что? Пьянки, драки, да мат. Я так и думал - перело-мится пацан. Говорю ему: "Плюнь, у меня работай." А он мне: "У меня отец был казак и офицер - и я сам казак. И ни торговать, ни прислуживать не умею." Ушёл, вернулся в августе - с золотом. Я потом краем расспрашивал, как там было. Пробовали, конечно, на нём ездить, а он чуть что - за нож, да не в шутку и без злости, вот что самое-то страшное - спокойно так. Короче, не только обидеть не смогли, но к концу сезона и сами как-то очеловечились немного, что ли... А он и на будущий год так же... А в прошлом году нанялся каких-то новых русских водить по турмаршрутам - он паспорт получил, мог уже официально зарабатывать. Они тоже вроде вас - извините, прибалдели от него.

В этом году тоже работу нашёл - наверное, опять с туристами, вон, аванс взял... А потом собирается в Суворовское училище поступать. Он, между прочим, девять классов без единой тройки окончил. Правда, колебался - как ему с бабкой быть, болеет она у него часто. Ну, я обещал присмотреть. В конце концов, мы с её сыном год на камнях спина к спине спали, а это, знаете...

Короче, будет Рат офицером. Жаль только, что у нас так: сегодня орден на грудь, а завтра за решётку. Я ему говорил, да он только бровями водит...

... - Это есть весима печареная история, - японец покачал головой. - Печареная и... как это русики?.. За-хва-ты-ва-ю-сияя.

- Это кому как, - буркнул Сентяпин. - Мальчишка один, как перст, на белом свете.

- О да, - японец вздохнул. - Ми это понимаем. Черовеку крайне трудно без бризких. Я бы... - он полез в карман аккуратного пиджака, - я бы крайне хотер помочь марьчику. Я весьма небедный черовек. Мозет быти вы передавайте ему эти деньги? - он отсчитал пять сотенных еврокупюр и протянул с вежливой улыбкой хозяину закусочной. - Не средует говорить ему, от кого. Это, - и японец вдруг очень чётко выговорил, хотя это стоило ему очевидных усилий, - несправедливо, когда так бывает.

- Он не возьмёт, - убеждённо сказал Сентяпин. - Просто так он деньги не возьмёт ни у кого - ни как подачку, ни как помощь.

- Жарь, - японец помедлил, положил деньги на стол. - Тогда я убедитерно просить вас - вы будете передавать эти деньги старая зенщина, его бабуска. Под... под предрог. Вы придумать предрог и передать, когда марьчик уходит в рес. Скажите ей, - он вдруг печально улыбнулся, - сто это от одного тозе старого узкоглазого, который быр сордатом и потеряр и веру, и страну... - японец помедлил снова и тихо закончил: - Да и семью. Я визу мои внуки раз в год. На праздник. И сын - торько на праздник. К чему мне денги? Я умру - и... - японец вежливо улыбнулся и сказал: - У вас крайне вкусная еда. Брагодарю вас.

Скакал казак через долину.

В трёх километрах от "Загляни, дружище!" от шоссе уходила в лес грунтовка до самого посёлка, но Рат знал, что она делает петлю до моста, и в результате набегает лишних пятнадцать километров. Поэтому он повернул в лес сразу за домиком - и уже около часа ехал по тайге.

Человеку непосвящённому тайга показалась бы одновременно безжизненной, но и полной шумов, враждебной - трудно было даже представить себе, что всего в нескольких километрах по асфальту проносятся автомобили. Под широкими лапами кедров царил вечный полумрак. Солнечные проплешины среди кусочков лиственного леса казались скорее тревожными, чем весёлыми. Вечно неизменным и вечно меняющимся выглядел лишён-ный каких-либо особых примет пейзаж - затягивающим своим зелёно-чёрным однообра-зием. Пели невидимые птицы, в тенях крались странные шорохи, и даже журчание скрытого в ложбине ручейка казалось загадочно-враждебным.

Но для Рата это был привычный и естественный мир - как для городского подростка привычны людные улицы и пахнувший асфальтом и бензиновым выхлопом воздух. Он никому никогда не говорил об этом, но в Зее - небольшом вообще-то городке - всегда страшно тосковал по этим кедрам, падам, холмам с голыми вершинами, увенчанными кварцевыми коронами, по горам Станового хребта над горизонтом... Если что-то и могло бы его остановить, удержать от поступления в Суворовское - так это мысль, что придётся на-долго расстаться с тайгой, горами и небом над всем этим. Рат очень жалел, что сейчас нет настоящей кавалерии. Впрочем, он читал в одной книжке, что мысль о "призыве" на воинскую службу лошадей бродит где-то в генеральских головах, и мечтал, что, может быть, будет ещё служить в модернизированной кавалерии, как когда-то дед - казачий офицер Первой Мировой - служил в обычной.

Деда живым Рат никогда не видел, конечно, но отец всегда говорил о нём - своём отце -

с любовью, уважением и сожалением...

Мальчишка пригнулся, пропуская над головой толстенную ветвь. На таких любят лежать желтоглазые рыси и, хотя они вовсе не так склонны прыгать на человека, как пишут и показывают, такая мысль вполне может придти в голову лесной кошке... Ему вспомнились отец и мать - такие, какими он видел их последний раз, когда уезжал с весенних каникул: они стоят на протаявшей земле возле плетня и, опершись на верхнюю слегу, с улыбкой смотрят, как он седлает Угадаю. Говорят, что дети быстро забывают, но Рат помнил именно это необычайно ярко и безо всяких фотографий...

...Когда он пришёл на место лагеря, то сразу понял, что в нём уже очень давно не было людей, но сперва не обеспокоился, а просто начал искать записку или какое-то указание - куда идти. И даже когда не нашёл, то как-то не сразу заволновался. Просто не хватало злой фантазии - представить, что с ними и вправду могло что-то случиться. То, что было потом - чёрное отчаянье (именно чёрное, этот цвет всплывал в памяти первым делом), слёзы (их никто не видел, но...), сумасшедшую надежду, переходившую обратно в отчаянье (так, что останавливалось сердце, и он думал, что сейчас умрёт - и радовался этому), свои метания по тайге, по всем местам, какие только приходили на ум... и наконец - понимание того, что ни мамы, ни отца больше никогда не будет.

Никогда. Не. Будет.

Когда он осознал это, то вернулся в посёлок. Тщательно зарядил недавний отцовский подарок - штуцер-"вертикалку" - патроном 16-го калибра с медвежьим зарядом картечи. Зашёл в холодную баню, белую внутри от инея по стенам. Сел на полку, разулся и, сунув стволы в рот (боком, иначе не проходили), положил палец ноги на спуск. И нажал его.

Через минуту его уже тошнило в углу. Рвота пахла (или ему казалось) ружейной смазкой, и этот запах выкручивал внутренности новыми и новыми приступами. Двенадцатилетнему мальчишке повезло - он забыл переставить переключатель курка, сработал верхний - незаряженный нарезной - ствол... Ужас от пережитой на миг собственной смерти был так велик, что он, вывернувшись наизнанку, потерял сознание. Там, в бане, и нашла его бабка...

Нет, он жил не через силу. В конце концов, он - то, что осталось от мамы и отца, и если бы он застрелился, то навсегда, без возврата, ушли бы и они. Но такие вот приступы тоски накатывали нередко. И во время них Рату вопреки всей очевидности не верилось, что родители мертвы. Ему легче было бы поверить, что его просто бросили - мало ли по- чему так бывает, пусть; лишь бы они были живы! Но он понимал: никогда бы его не бросили, а значит...

... - Привет, Рат.

Рат выругал себя - Ксанка стояла перед самой мордой Угадаю, и тот уже тянулся к знакомой девчонке мягкими губами. Замечтался, блин... Ксанка улыбалась - нипочему, просто так, глядела на сидящего в седле Рата и улыбалась - тоненькая, но крепкая, невысокая, смуглая, с чуть раскосыми голубыми глазами и чёрными волосами, заплетенными в тугую косу, падавшую на камуфляжную грудь. Ксанка Барджиева была буряткой на три четверти, русский у неё только один из дедов. Она и Рат вместе учились в интернате, только Ксанка - годом младше, поэтому она торчала дома уже недели две.

- Привет, - буркнул Рат, соскакивая наземь и отводя конскую морду от ладони девчонки. - Пр, Угадай... Ты чего здесь?

- Тебя встречаю, - засмеялась Ксанка.

- С тебя станется... - Рат хлопнул коня по шее. Ксанка снова засмеялась. В интернате она была тихой, незаметной - не робкой, нет, просто тихой. В тайге она менялась. Рат нередко думал, не ощущает ли она то же, что и он: "мой дом - тайга"? Спросить бы...

- Грибы смотрю, - уже серьёзно ответила Ксанка. - Первая волна пошла. Вон там белых целая россыпь, я всю корзину набила, а они всё не кончаются... Подвезёшь?

- Садись, - пожал плечами Рат.

- Нет, я просто рядом пойду... Пошли за корзиной?

- Пошли...

...К посёлку они выбрались со стороны огородов. От тайги огороды отсекала река - один из множества мельчайших притоков Зеи, неширокий, но глубокий поток с холодной чёрной водой и быстрым течением, оригинально названный когда-то кержаками.⁵ Чёрная.

Речек и речушек с таким названием в окрестностях было штук пять...

При виде чёрной быстрой воды Рата охватило непреодолимое желание выкупаться - показалось даже, что он только об этом и мечтал с прошлого лета.

- Ксан, - быстро попросил он, - отведи Угадаю домой, скажи бабушке - я приехал, скоро буду. Я купаюсь и приду.

- Давай, - согласилась девчонка, легко вспрыгивая в седло (Угадай недовольно фыркнул, но больше никак не проявил возмущения.) - Ххай-ии!!! - взвизгнула Ксюха и галопом помчалась в сторону мостков, до которых было метров сто по берегу.

- Грибы не растеряй! - заорал вслед Рат и беспричинно засмеялся. Потом, поглядывая на чёрную воду, быстро разделся и, вытянув руки над головой, разбежался, рванулся в воздух, а через миг бесшумно вошёл в омут, где сплетались невидимые ледяные струи...

...А уже в полукилометре от него неслась через огороды нахлёстывающая коня ладонью девчонка, полупевшая-полувывкрикивавшая:

- Скакал казак через долину,
Через далёкие края,
На сильном коне он своём
Вороном...
Семью он родную
Навеки покинул...

Работа на лето

Старые ходики с подвешенной к ним гирькой, висевшие над довольно новой видео-двойкой LG, исправно показывали половину третьего ночи. Керосиновая лампа, подвешенная на кронштейн, отбрасывала чёткий круг света на низкий потолок, собранный из широких некрашенных досок.

Электричества опять не было - где-то то ли сняли провод, то ли оборвался. В принципе можно было перейти на ветряк, равномерно крутившийся над домом, но Рат ничего не имел против керосинки.

Все и всё давно спали. Одетый в спортивные штаны, оббив босыми ногами могучие ножки табурета, Рат снаряжал патроны. Как всегда в таких случаях, его лицо было очень сосредоточенным, брови чуть сошлись к переносице, а нижняя губа выпятилась. Стол был абсолютно чист, ничего лишнего, кроме необходимых принадлежностей. Справа стройным рядом замерли пластиковые гильзы 16-го калибра, слева - лежали на боку снаряженные патроны: отдельно с дробью нескольких номеров, отдельно с медвежьей картечью, отдельно - с похожими на фрезу плосковерхими пулями Блондо, полностью утопленными в гильзе; каждый - помечен своим значком. Как и большинство местных охотников, Рат не доверял заводским патронам и предпочитал снаряжать их сам, тщательно отвешивая бережно хранящийся в стеклянных банках с винтовыми крышками порох, отмеряя дробь и картечь, осаливая пыжи и используя при снаряжении разные мелкие, но улучшающие результат хитрости, накопленные поколениями таёжников.

Остальное снаряжение было аккуратно разложено на длинной скамье напротив кровати. Ничего лишнего или вызывающе-шикарно-модернового, только проверенные вещи, надёжные и послушные хозяину. Из нового был только бинокль - двенадцатикратный.

- Ста штук должно хватить, - пробормотал Рат, закидывая руки за голову и потягиваясь всем телом. - Половину пули, тридцать с дробью, двадцать с картечью, куда ещё?.. Ну-ка... - он выдвинул ящик стола, достал пять плоских магазинов и яркие коробочки мелкокалиберных патронов к верхнему стволу.⁶ Снарядив точными движениями пальцев все магазины, Рат подумал и положил рядом с ними одну из коробочек - на сто патронов.

Но вместо того, чтобы вернуться к снаряжению патрон, мальчик подпёр голову рукой и задумался...

... - Не ходил бы ты, Ратка.

- Я задаток взял, - Рат, отодвинул пустую тарелку. - Спасибо, ба... Вкусно.

- Сколько задаток-то? - бабушка Зина с любовью смотрела на внука. С тех пор, как умер гораздо более старший, но горячо любимый муж, старший сын после похорон опять пропал неизвестно куда, а младший с невесткой погиб в тайге, внук остался последним для неё светом в окошке. Учёбу, означавшую для неё тоскливое одиночество с болезнями, она ещё терпела, но с тоской думала о том, что скоро Ратмир уедет учиться совсем далеко и мог бы хоть последнее лето побыть с нею... Но с другой стороны - её пенсии не хватило бы даже на еду...

- Три тысячи, - ответил Рат. - За месяц...

- Немного, - вздохнула бабушка. - Я задолжала больше... ты уж прости...

- Отдал я долги, - словно бы нехотя буркнул Рат.

- С задатка-то от трёх тысяч?

- Ты, ба, не поняла, - Рат достал бумажник и поочерёдно выложил из него радужные плотные купюры-евро: десять сотенных, четыре полусотенных и пять десятков.

- Это ж эти... - старушка ахнула. - Это ж евреи!

- Евро, ба, - поправил Рат, усмехнувшись. - Я потратил много, а эти тебе оставляю. Ты тут не жмись... Вторую половину получу - поедешь в санаторий. В Крым. Полечишься как следует...

- Ой, Ратка! - баба Зина закачала головой. - Это ж больше ста тыщ, за что такие деньги?!

- Дурное дело нехитрое, - ответил мальчишка, наливая себе компот из запотевшей банки. - Им деньги легко достаются, они и не считают. Заработано - не прошено, не крадено.

- Ой, Ратка, - старушка продолжала качать головой, - а если в худое дело попадёшь?

- Своя голова на плечах, - тоном, дававшим яснее ясного понять, что разговор окончен, хотя и не грубо, отрезал мальчишка...

...Рат бесцельно передвинул по столу гильзу, вздохнул. Бабушке что - она всю свою жизнь жила за мужчинами и делала то, что они скажут, привыкнув к мысли, что они умней, а всё ими решённое - справедливо... Но ведь он же не всё ей рассказал.

Не всё. Совсем не всё...

...Он только что сдал биологию, последний экзамен за девятый класс, и соображал у окна в вестибюле интерната, что ему надо сделать в первую очередь, чтобы поскорей заполнить обходной лист и сорваться домой. Пробежавший мимо младшеклассник, сын директрисы, круто затормозил:

- Рат, там тебя внизу какой-то дядька спрашивает!

- Какой дядька? - удивился Ратмир, но удивление его разбилось о спину мальчишки, который уже с середины второго лестничного пролёта крикнул:

- Да не знаю я-а!!!

Ратмир вышел наружу, в жаркий июньский день, переваливший за половину.

На противоположной стороне улицы стоял легковой автомобиль. Рат не очень разбирался в марках, но хорошо было видно, что автомобиль дорогой и зарубежный. Облокотясь на полированную крышу, спиной к интернату стоял одетый в такие же, как автомобиль, шмотки, рослый человек. Когда дверь за спиной мальчишки коротко щелкнула, человек обернулся... и Рат споткнулся.

Но это был не отец, как в какую-то безумную секунду показалось мальчишке. Человек около автомобиля был похож на отца, но - не отец. Каким-то чутьём Рат в следу-ющую секунду сообразил, что видит своего дядю - Владимира Никифоровича, о котором слышал, но которого не видел ни разу... да и отец с ним виделся последний раз только на похоронах деда Никифора.

Скорей всего, мужчина тоже узнал мальчика, потому что, как-то неуверенно-радостно улыбаясь, пошёл через дорогу навстречу Рату. Ратмир тоже шёл, испытывая смущение, неловкость и смутное недовольство - сам не понимая, почему.

Они встретились на середине проезжей части. Синие - отцовские - глаза мужчины обежали фигуру рослого мальчишки, со смущённым вызовом глядящего на него (почти не снизу вверх). Потом мужчина сказал:

- Узнал.

- Да, - кивнул Рат.

- Я тебя тоже, племяш... - он огляделся. - Пойдём в машину, что ли... нет, пойдём вон туда.

Они прошли полсотни метров до небольшого сквера. Владимир Никифорович первым опустился на скамейку. Рат сел рядом, рассматривая лицо дяди - в самом деле очень похожего на отца. Тот молчал, постукивал по колену сцепленными пальцами, потом тихо сказал:

- Как же так... Славка-то? - Рат пожал плечами. - А ты неразговорчивый... - Рат повторил то же движение. - Обиделся?

- За что? - искренне удивился Рат.

- Ну... Не мог я приехать. Я и не знал ничего, я только тут узнал, у вас в Зее. Думал - на встречу с братом еду, а сам на похороны, и то не попал... - он снова пристукнул пальцами, сказал тоскливо: - Вот так всё нескладно... вся жизнь, что у меня, что у него, только порозному...

- У отца была хорошая жизнь, - спокойно и жёстко сказал Рат, взглянув в глаза дяде.

- У вас - не знаю. А у отца - хорошая.

- Ты с мамой живёшь? - не стал продолжать тему Владимир Никифорович.

- С мамой? - удивился Рат, но тут же понял: - Да, с бабушкой.

- Как она?

- Болеет. С тех пор болеет.

- Что ж ты меня не пригласишь? - Владимир Никифорович встал, прошёлся перед скамейкой. Рат жёстко ответил:

- Двадцать лет её не видели, и ещё потерпите. Или вы и адрес забыли?

- Я приеду, - мужчина потёр висок. - Я... обязательно. Но не сейчас. Я не могу сейчас. Мне надо... дела.

- Я пойду? - Рату стало скучно.

- Подожди, куда же ты?! - в голосе Владимира Никифоровича прозвучал настоящий ужас - даже не испуг. Рат вновь пожал плечами, встал, но мужчина перехватил его. Если бы он просто схватил - Рат начал бы вырываться. Но дядя взял его за локти и поставил между колен лицом к себе - как отец. И Рат обмяк. От этого, а ещё от того, какими тоскливыми были знакомые глаза. И от понимания, как мучается этот человек от того, что ничего уже нельзя поправить, вернуть... и от того, что снова делает то, о чём потом будет жалеть. - Ратка, поехали со мной, - вдруг сказал он. Рат удивился:

- Куда?

- Со мной! - горячо сказал Владимир Никифорович и заторопился - наверное, ему показалось, что Рат задумался. - Со мной... ко мне, у меня сын твой ровесник...

- А бабушка? - углом рта усмехнулся Рат.

- Да, конечно... - мужчина вдруг обвис на скамейке, руки с локтей мальчишки соскользнули.

- Конечно, конечно... ты имеешь право меня ненавидеть...

- Я вас не ненавижу, - терпеливо пояснил Рат.

- Что же мне для тебя сделать? - дядя вздохнул, снова потёр лоб. - Скажи, что? - Рат уже в который раз поднял и опустил плечи. - Подожди... Я правда приеду, я клянусь, а пока... - он быстро полез в карман пиджака, рванул его, тихо выругался, спеша что-то достать. - Ратмир, ты... вот, ты не думай, для меня это ничего не значит...

Рат увидел в руке у дяди деньги. И сказал, снова взглянув ему в глаза:

- Для меня - тоже. Тем более - я их не заработал, а подачек не беру... До свиданья.

Если соберётесь - мама будет рада вас видеть.

- Рат, - потерянно сказал мужчина. - Рат... мы же родная кровь... ты же мне...

Мальчишка молча уходил. И не остановился, когда мужчина нагнал его и пошёл рядом, но и не ускорил шага.

- А ты работаешь? - спросил он.

- Летом подрабатываю, - ответил Рат.

- Стой! погоди! - Владимир Никифорович схватил племянника за плечо.

- Постой, Рат. Не хочешь брать деньги - не бери. А заработать хочешь?

- Машины мыть или гамбургеры продавать? - с отчётливым презрением спросил Рат. И дядя с удивлённым уважением спросил:

- А ты... неужели в тайге подрабатываешь? - Рат кивнул. - Моешь? - снова кивок. - Да... кто такую жизнь повидал, тот машины мыть не станет...

- А вы? Тоже ведь с этого начинали, или нет? - не удержался Рат. Он ожидал обиды, но мужчина невесело хмыкнул:

- Ну что ж я... Я послабей оказался... Чёрт с ними, с машинами, с гамбургерами. Вот что, - он словно бы решился на что-то очень важное. - А если я тебе предложу работу... ну, по профилю, что ли?

- По профилю? - переспросил Рат. - В каком смысле по профилю? Золото мыть?

- Да нет... Ты туристов не водишь?

- В прошлом году водил.

- Вот! - обрадовался Владимир Никифорович и почти просительно заглянул в лицо Рату. - Если я попрошу тебя поводить моих... знакомых по здешним местам? И хорошо заплачу. Ну как?

Рат задумался. Если бы новообретённый дядя стал навязывать ему деньги или снова предлагать работать подметайлой - он бы просто ушёл, уже не оглядываясь. И забыл об этой встрече. Но водить туристов - почему бы и нет, и не всё ли равно, у кого брать заказ? А тут даже искать клиентов не надо...

- Давайте поговорим, - кивнул Рат. - Я, может быть, соглашусь...

...Ратмир раздражённо щёлкнул по банке с "сунаром"⁷. Отец правильно говорил - самые печальные и чёрные мысли, самые глубокие сомнения приходят к тому, кто не спит под утро. Но он же говорил - решил - так не перерешай, сказал - выполняй. И всё-таки Рат снова засомневался, стоило ли ему браться за это дело...

Нет. Не за дело.

За этого клиента.

Под крылом самолёта...

"Финист"⁸ постепенно снижался, но лететь оставалось ещё не меньше получаса, как объявил высунувшийся из кабины пилот. Пассажиры вежливо позевали - интерес, который был в начале, когда под плоским прямым крылом раскинулись бесконечные волны таёжной зелени, а самолётик начал ввинчиваться в воздушные просторы, давно сменился скукой и желанием поскорее прилететь на место.

Это было вполне естественно - все трое пассажиров относились к самому нетерпеливому племени на свете: они были подростками. Хотя, пожалуй, трудно было бы найти на свете более разных людей, чем эта троица - даже странно, что они оказались в одном самолёте, салон которого был обставлен почти роскошно - явно не серийная модель, да и пилоты носили форму, отличавшуюся от формы больших компаний; знак некоторого тщеславия владельца самолёта.

В хвостовой части самолёта аккуратной, если так можно выразиться, грудой лежали туристические принадлежности - новенькие, дорогие. Сразу перед ними, вытянув ноги в умопомрачительных кроссовках (на подошве в четыре пальца, со светящимися полосками и незавязанными шнурками), сидела одетая в новенький германский камуфляж девчонка лет четырнадцати с волосами цвета наваристого борща. Голова девчонки ритмично подёргивалась, но это была не болезнь Паркинсона, а всего лишь плеер. Губы её, накрашенные чёрной с блёстками помадой, украшал кислотно-розовый пузырь жвачки, глаза скрывались за синюшными от теней веками.

Кресло наискось от неё занимал парень на год постарше, тоже одетый в камуфляж, но отечественный. Коротко стриженный, рыжий и слегка веснушчатый, он один всё ещё смотрел в окно, по временам, когда солнце било в лицо, щуря зелёные глаза и морща переносицу. Рукава камуфляжа были закатаны выше локтей и открывали крепкие, жилистые руки с чистой, загорелой, как и на лице, кожей.

И наконец, ближе всех к кабине пилотов, в самом опасном месте⁹, занимал третье из четырёх кресел салона ещё один мальчишка, ровесник первого, тоже камуфлированный в немецкое. Он держал на пятнистых коленях включенный ноутбук, но не пользовался им - ладони лежали на клавиатуре, глаза, всё лицо и сама поза юного пассажира выражали недовольство, словно у него разом болит живот, зуб и неудобно сидеть. Если бы кто-то из жителей таёжного посёлка или учеников-учителей зейского интерната вдруг увидел этого мальчишку, то первым делом спросил, наверное: "Рат, ты что?!" А вторым - понял бы, что это никакой не Рат, хотя мальчишка был очень на него похож. Вот только Рат никогда не носил в левом ухе витой "заклёпки", но и никогда не причёсывал так тщательно свои волосы. В общем, можно спутать по отдельности, а если поставить рядом или просто присмотреться - становилось ясно, что это разные ребята...

- Под крылом самолёта о чём-то поёт зелёное море тайги, - задумчиво произнёс рыжий, отрываясь от созерцания пейзажа за иллюминатором. Облитая борщом девчонка выверенным движением отключила сидюшник и, открыв зелёные глаза, уточнила:

- Чё сказал?

- Да ничего, - рыжий потянулся. - Песня такая была, говорю. Под крылом самолёта о чём-то поёт зелёное море тайги. Красиво.

- Отстой, - отреагировала девчонка. - Я думала - приплыли, наконец. Ваще скука задолбала.

- Свет, - не поднимая глаз от лежащих на клавиатуре рук, сказал похожий на Рата, - самолёты летают, а не плавают.

- А я не Света, а Синти, сто раз повторять?! - взъерошилась девчонка.

- Да хоть сто один, Светой и останешься.

Рыжий коротко рассмеялся, и "Синти" обратила свой гнев на него:

- А ты ваще молчи! Если б не я - тобой бы тут и не пахло!

- Да я и не претендовал, - спокойно пожал плечами рыжий. - Я тут, между прочим, тебя охраняю, а так давно бы уже в военно-спортивном лагере был.

- Кому ты упёрся, охранник! Пятнадцать лет накатило, а он всё в войнушку играет, дуб!

- Не в войнушку, а в войну, - рыжий опровергал устоявшееся мнение о людях с его цветом волос, как об агрессивных и вспыльчивых. - Это первое. А второе - не играю, а учусь. А третье - мне и тут нравится, если честно.

- Тут - это в самолёте? - по-прежнему не глядя ни на кого, спросил второй мальчишка.

- Тут - это под крыльями. По-моему - здорово.

Глаза поднялись.

- А по-моему - глушь и дикость.

- Это ты, Егор, из-за отца говоришь, - рыжий был серьёзен. - Или тебя тоже Джорджем называть?

- Лучше Жорой... При чём тут отец? Мне просто тут не нравится.

- Тут - это в самолёте? - усмехнулся рыжий.

- Тут - это в России, - просветил его Егор, закрывая ноутбук. - Я не виноват, что на отца накатил ностальгия по этой стране неудачников.

- Чего ж не отказался? - рыжий продолжал усмехаться.

- Материальное давление. Ультимативные условия, - коротко бросил Егор.

- Ну-ну... Только ты словами не бросайся так широко, а то ведь в лоб отскочит.

- Думаешь, я боюсь? - поинтересовался Егор. - Да и ты знаешь, что я прав. Тут остались только хронические неудачники, бездельники, дикари, да ещё упёртые вроде вашего со Светкой отца. Да и у тех дети вон - Синти всё больше. А такие, как ты - вообще реликт.

- Это ты в нашем лагере не был, - заметил рыжий.

- Ну, значит, будет ещё одно поколение упёртых. Выбьют вас в бессмысленных войнах, и все. И слава богу.

- Лихо ты размахнулся, - спокойно сказал рыжий, но веснушки у него на лице выступили чётче. - Это тебе в твоей школе объяснили?

- Это и ежу понятно, Саша.

- Мальчишки, не ссорьтесь, - забыв про жаргон, умоляюще попросила Светка. - Всё равно же каникулы, ведь правда? - помедлив, мальчишки кивнули. - Может ещё и нормально будет, мы же не знаем?

- Поляну не сечём, - слегка насмешливо сказал Егор и вздохнул: - Да-а, не так я собирался отдохнуть в этом году...

- Кончай ныть, - уже раздражённо предложил рыжий Саша. - Лучше расскажи, как во всё это ты попал - я же толком ничего не знаю. Свинти... Светка... то есть, Синти прибегает, глаза горят, уши хлопают...

- Придурок!!! - заорала Светка и, видя, что Егор не собирается за неё заступаться, погрузилась в оскорблённое молчание в тональности "все пацаны - сволочи и козлентии". Егор, не обращая внимания на её возмущение, продолжал:

- ... кричит: "Егор меня с собой в вояж зовёт по просторам нашей родины!" А потом отец меня вызывает и говорит: "Поедешь с этой дурой и будешь её беречь, как свой бумажник"...

- Ну, вообще-то я... - Егор вздохнул. - Я собирался спокойно отдохнуть в приличном месте... - Сашка хмыкнул и покачал головой. - Уже настроился... Вдруг примчался папаша - весь в ностальгических воспоминаниях. Опомился... - в голосе Егора неожиданно прозвучала настоящая злость. - "Давай, - говорит, - сынок, на историческую родину, ближе к городу Магадан, там климат хороший и комары некормленные." Я сначала думал, это у него возрастное, пройдёт. Потом смотрю - нет, серьёзно, и никакие обращения к разуму не действуют... Попробовал воспротивиться - он на меня экономически надавил. Что же мне - на бензоколонку или вон в какой его магазин идти работать? Пришлось согласиться на месяц физической и моральной пытки... А уж вас со мной как конвой сосватали.

- Не повезло тебе... Жора, - серьёзно сказал Сашка. - Кто нас хоть там ждёт-то? В смысле - встретят?

- Не хватало, чтоб ещё и не встретили, - буркнул Егор. - Нашёл папаша какого-то замшелого проводника из местных - туроператор, блин... Дед какой-нибудь в кирзовых сапогах и в папаше...

- Подлетаем! - крикнули из кабины, и пассажиры схватились за поручни кресел, а Светка взвизгнула коротко и пессимистично - машина круто легла на крыло, под которым уже

не море тайги пело, а виднелся какой-то ровный луг со строением, похожим на сарай, в своём дальнем конце. Нужно было обладать немалой интуицией, чтобы понять: перед вами аэродром. Сашка понял это первым - нечто подобное он видел не раз, хотя и не до такой степени запущенное. Оповестить остальных о своём открытии он не успел - "финист", мягко подсакивая на каких-то кочках, замедлял ход по полю. - Можно расстегнуть ремни и курить! - так же весело объявил пилот. - Мы на месте, аэропорт Де Голль готов принять гостей Франции!

- Это не смешно, - сухо сказал Егор, вставая и направляясь в хвост за вещами. Светка ринулась за ним; Сашка, сделав шаг к кабине, поблагодарил:

- Спасибо.

- Не за что, - пилот подмигнул, а его сосед вздохнул:

- Намучаешься ты со своим другом здесь, парень.

- Вообще-то он мне не то чтобы друг, - сказал Сашка и тоже пошёл за вещами...

...Похоже было, что прибытие спецрейса - едва ли тут каждый день приземляются частные самолёты! - никого на аэродроме не колыхало. Сашка украдкой наблюдал за Егором - как тот отреагирует на отсутствие делегации с цветами и плакатами? Тот не реагировал никак, разве что помогла волочь Светке её рюкзак. Светка смотрела на Егора с не-мым обожанием. Около сарая (на нём висел-таки плакат - точнее, большие буквы гордой до невозможности надписи "АЭРОДРОМ"), до которого было не меньше двухсот метров по траве, кто-то сидел.

- Могли бы машину подогнать, - неуверенно сказала Светка, обратив внимание на окружающие реалии. Егор ответил:

- Ага, самой последней в здешних краях модели - додж три четверти¹⁰. Вон её из-за сарая пароконная запряжка тянет. Пошли, чего болтать.

Сашка не разделял их скептицизма. Ему нравились такие места - где тишина, бесшумное гудение горячего воздуха и легко дышится. Другое дело, что в таком месте и он ни разу ещё не был. От окружающего веяло полным безлюдьем и такой дикой, первобытной глушью, что Сашке стало не по себе. Со всех сторон лётного поля в небесную белизну карабкался по откосам пологих холмов густой лес без признаков человеческого жилья. На холмах то тут, то там что-то нестерпимо сверкало в лесных проплешинах.

От травы пахло сухой пылью и сеном. Горячий воздух даже немного мешал дышать. Человек, сидевший около "здания аэропорта", наконец поднялся, но навстречу не спешил - стоял и смотрел на приближающихся "столичных гостей".

- Если это наш проводник, то он едва ли старик, - вдруг сказала Светка. - По-моему, он вообще совсем того - молодой.

Как обычно с ней бывало в минуты волнения или восхищения, она забыла "фильтровать базар" и с жаргона перешла на вполне правильный русский язык. Сашка мысленно согласился с сестрой - встречавший их в самом деле был очень молод. Ну просто очень. Сашка сказал бы, что это просто мальчишка, если бы такое допущение не было нелепым.

- Так, ещё новости, - процедил Егор, и Сашка изумлённо понял, что глаза его не обманули. Перед ними в самом деле стоял возле щелястой стены мальчишка - их ровесник, одетый в пригнанный камуфляж и (!) сапоги, но не кирзовые, а с мягкими даже на вид голенищами. Однако ещё через секунду Сашка понял, что не это самое поразительное, нет. И это его понимание подтвердил выдох Светки:

- Это как?!

Около сарая, носившего столь гордое название, стоял второй Егор Перваков.

Родная кровь.

От реки через огороды тянуло прохладой. В траве недалеко от крыльца сидел, посвёркивал глазами, соседский кот. Сидя на перилах, Рат смотрел в небо сбоку от крыши, качал босой ногой, усмехался и шевелил бровью.

Очень трудно решать... Точнее - легко решить, а вот потом не раскаиваться в решении - это задача не мальчика, но мужа, как говорит их литератор из интерната. Вот то, что он отправил бабку ночевать на другой конец посёлка к старой подруге - это как? Сказал, что места не хватит... А ей, может, больше никогда не придётся повидать второго внука (или первого - кто же всё-таки постарше, и насколько?)?

Нет. Рат тряхнул головой. Ничего хорошего не вышло бы из этой встречи, это точно, это стопроцентно... Бабушка - она простая, радушная, наивная. А этот... братец - штука непростая. Рат таких знал и не любил. Но они не были ему двоюродными братьями - "братанами", как раньше говорили... Неужели дядя Владимир правда думает, что он, Рат, сможет как-то повлиять на родственничка?

Да ну ещё, думать о нём, сердито оборвал себя Рат. Он - проводник, они - туристы, как в прошлом году. Тогда на него тоже сперва посматривали свысока (правда, из-за возраста), а потом всё было нормально.

Но те туповатые и в общем-то добродушные и неплохие "новорусские" из Благовещенска не были ему двоюродными братьями, чёрт побери!!!

Шаги были неслышными, но Рат ощутил присутствие человека за спиной и, не поворачиваясь, по запаху дезодоранта понял - Егор. У девчонки, которая требовала, чтобы её называли "Синти", парфюмерия пахла, конечно, не так. А рыжий Сашка вообще ею не пользовался.

- Спать неудобно? - спросил он, не поворачиваясь. Егор - тоже босиком, в штанах от камуфляжа, встал рядом и, не ответив на вопрос, задал свой:

- Ты не куришь? - Рат покачал головой. - А я закурю.

Егор достал пачку каких-то сигарет, щелкнул зажигалкой - вполне умело - и затянулся с наслаждением. Оперся грудью и руками на перекладину оградки. Затягивался снова и снова, стряхивал пепел в траву. Позвал: "Кс," - но кот бесшумно поднялся и канул в темноту, покачивая хвостом.

Рат ждал. Не разговора, а когда Егор докурит и уйдёт - ему хотелось побыть одному и подумать. Но Егор, щелчком отправив окурочек куда-то в ночь, повернулся лицом к Рату, оперся о перекладину локтем.

- Значит, ты мой двоюродный брат.

- Значит, так, - Рат невольно повторил его позу. Теперь они стояли лицом к лицу, внимательно разглядывая друг друга - очень похожие и всё-таки очень разные.

- Очень приятно, - голос Егора был неприятным. - Надо будет сказать папе, что он меня крайне порадовал. И чего ты хочешь?

- Я? - Рат искренне удивился. - Ничего... Подожди, а что ты имеешь в виду?

- Деньги? Какое-то место где-то в ВУЗе? Ну, что? Вообще-то надо пользоваться случаем - раз уж в папочке взыграли атавизмы...

- Не понимаю, - Рат подумал, что лучше всего уйти, но воли не хватило.

- Чего тут непонятного? Родная кровь, всякая такая ерунда... Это только русский так может - всего добиться в жизни самому и постоянно стыдиться, что не помог какому-нибудь неудачнику только за то, что он с тобой был в родстве. На Западе эту чушь давно забыли - наживи своё и не зарься на чужое.

"Интересно, он знает, как близок к тому, чтобы оказаться в траве со сломанным носом?" - спокойно подумал Рат, не сводя глаз с Егора.

- И много ты нажил? - поинтересовался он равнодушно. И, не дожидаясь ответа, продолжал: - Можешь не беспокоиться. Никакая доля никакого наследства мне не нужна и ни на какие протекции я не рассчитываю... видишь, какое умное я слово знаю - протекции?.. Так вот. Твой отец мне заплатил за то, чтобы я устроил тебе экскурсию по тайге. Это моя работа. Можешь считать меня африканским проводником при белом господине, мне нас...

ть. А что я твой двоюродный брат... так не заговори ты об этом - я бы тем более промолчал. Не было вас с отцом - и не надо. Пережили бы. И я, и бабка... которая ему мать. Это у вас ещё атавизмом не считают?

Для Рата это была длинная речь. А для Егора - скорей всего неожиданная. Вряд ли он был дураком - не мог не понять, что Рат искренен, и уже с середины его глаза стали удивлёнными. Когда же Рат замолчал, Егор вдруг спросил:

- Это правда, что наш дед был героем войны?

- Обеих войн. И ещё гражданской, - добавил Рат, - хотя там какой героизм... Он у атамана Семёнова служил, а когда тот ушёл в Китай в 21-м, дед с ним не согласился и остался. Его чуть не расстреляли, но потом оставили... Разве тебе это интересно?

- А что? - с вызовом спросил Егор. - Не верится?

- Нет, - честно признался Рат. И удивлённо отшатнулся - Егор вдруг подался к нему, покраснел так, что было заметно в темноте, задышал тяжело и вытолкнул:

- Слушай, ты... ты же ничего не видел... в своей... - круто повернулся и метнулся к двери.

- Осторожно, поро... - начал Рат, но опоздал. Егор коротко вскрикнул, сложился вдвое и сел около входа, схватившись за левую ступню. С разбегу и со злости он махнул большим пальцем по высокому порогу - обитому войлоком для зимнего тепла, но всё равно больно, а главное - Рат это понимал - обидно при нём. Егор поднял лицо - на глазах блеснули слёзы - и, мазнув по двоюродному брату, так и не слезшему с перил, злым взглядом, захромал в дом.

Рат шёпотом выругался и стукнулся затылком в опорный столб навеса - посильней, чтобы стало больно. Отец говорил ему: "Если идёшь в тайгу не один - смотри, чтобы не было обиженных или злых. Не вернуться можно."

Рат уже не раз убеждался, что всё, сказанное отцом, было справедливо.

После утра будет день.

Ратмир тренировался с грушей - шестидесятикилограммовым мешком, набитым опилками и вздёрнутым на толстенный сук. Он встал полчасика назад и лупил грушу уже минут десять, не глядя по сторонам и ни о чём не думая - в голове была неприятная, прокисло-пригорелая каша из мыслей и образов. Ноги давно ломило от росы, но всему остальному было жарко.

- Тяжёлая?

Он крунулся на пятках. Увлёкшись, перестал следить за окружающим, а рыжий Сашка подошёл бесшумно. Одетый в одни спортивные трусы, тоже босиком, он стоял в паре шагов, шурился и смотрел без насмешки или превосходства. Рат смерил его взглядом, про себя отметив, что Сашка такого же роста, но накачанней, и не по-культуристски, а по-настоящему.

- Шестьдесят кэгэ, - тяжело дыша, сказал Рат.

- Можно? - Рат кивнул, и Сашка подошёл ближе...

- Хха! Хха! Хха! - Ратмир шевельнул бровью. Рыжий раскручивал своё тело в стремительном и безжалостном круговороте ударов руками и ногами - груша ощутимо раскачивалась и подпрыгивала, проминаясь. Помучив снаряд с минуту, Сашка отскочил в сторону.

- Кикбоксинг? - спросил Рат - наугад, если честно - и не промазал, Сашка кивнул:

- А ты чем занимаешься?

- Боксом. Меня еще отец начал учить - боксу и самбо, но в интернате только боксёрская секция, самбо я так, самоучкой вспоминаю... - Рат помедлил и предложил: - Попробуем в пол-контакта?

- Давай, - немедленно согласился Сашка, принимая стойку, а в следующий миг бросаясь вперёд скользящим шагом, неуловимым и молниеносным. Рат отскочил, затанцевал

на расставленных ногах, потом так же бросился навстречу, в клинч¹¹, и выбросил попеременно левый-правый кулаки: прямым в челюсть и хуком¹² под рёбра. Сашка уклонился от прямого нырком, принял хук на предплечье, метнулся вбок и выбросил вверх в сторону, в голову Рату, правую ногу, а когда Рат поднырнул под неё, то сделал кувырок назад через плечо, уходя от прямого в рёбра - и из полусидячего положения пяткой почти достал бедро Рата, заставив того отскочить. Мальчишки рванулись было друг другу навстречу снова, но потом остановились. Сашка первым протянул руку:

- Мир?

- Мир! - Рат охотно вляпал по его ладони. Они всё-таки ещё немного померялись силами, сжимая каждый руку другого, потом Сашка спросил напрямик:

- А Егор - он тебе брат?

Рат кивнул, но уточнил:

- Двоюродный.

- Двоюродный? - Сашка вроде бы удивился, потом признался: - А я думал, что родной, только это... - он замялся, и Рат уточнил:

- Только от разных женщин? Вроде как отец нас бросил или на стороне меня нагулял?

- Ну... да. Ты не обижайся...

- Ерунда. Нет, это наши отцы были родные.

- А твой - он кто?

- Был военным, потом золотоискателем.

- А сейчас он в тайге?

Рат посмотрел в небо:

- В тайге. Он пропал три года назад. Он и мама.

- Как... пропал?

- Очень просто. Ушли и не вернулись... А твой отец тоже военный?

- Да, майор вэдэвэ. Он в Рязанском преподаёт.

- Майор? - Рат покосился на Сашку, и тот кивнул:

- Да, майор. Я понял, чего ты... Правда, все его ровесники давно уже полковники. Это с девяносто третьего получилось, когда в Москве бои были. Он тогда был капитаном в нарофоминском десанте. Им сказали идти... а он говорит - я по своим стрелять не стану. Ну, ему так сразу ничего не сделали, а потом везде затирать начали. Так и получилось... Это уже вот недавно его в Рязанское перевели, один старый друг похлопотал, а то бы так...

- А с Егором у тебя чего общего?

- Он тебе не нравится? - Рат пожал плечами. Сашка улыбнулся: - Не нравится, я вижу.

Да он не очень-то и виноват... Его отец - ну, дядя Володя - испортил. Может, и не хотел, а испортил. Он как рассуждал: я в глуши - ты извини - жил и вырос, лбом и плечами дорогу пробивал, так пусть сын живёт на всём готовом. Ну и с рождения разные гувернантки-маркитантки, - Рат засмеялся, - потом в школу в Англию отправил. А там ведь как - там про Россию слова хорошего не услышишь, а сюда на каникулы приедет - что он видит? Что отец богатый и знакомые его такие же, а остальные кое-как перебиваются - значит, тупицы и неудачники. Взрывы постоянно, войны какие-то, разборки. Ну и постепенно он, Егор, совсем...

- Да я не про него, - перебил Рат, - я про тебя. Ты-то как с ним познакомился?

- Так я и говорю. Всё с его и с моего отцов началось. Они в 96 в чеченском плену познакомились. Дядю Володю аж в Ставрополе похитили, они по всей России людей вообще безнаказанно воровали. А моего батю уже под самый занавес в плен взяли - точнее, сдали, один иностранец, которого ему сопровождать приказали. Их вместе держали... А дядя Володя, он, что хочешь про него говори, всё равно смелый. За него выкуп требовали, а моего батю обменять хотели, только они сбежали. Часового в яму как-то заманили, пристукнули,

потом тех, кто в доме был, положили всех и рванули через горы. А отец Егора ногу сломал. Ну, мой батя его на себе попёр, и вышли всё-таки к своим... Вот так и полу-чилось, что они с тех пор друзья, а я у Егора единственный приятель "не из ихних"... А ты кем хочешь стать? - поинтересовался Сашка, и Рат охотно ответил:

- Офицером. Я в суворовское в этом году поступать буду.

- Я тоже офицером. Только я после одиннадцатого пойду в Рязанское, как батя.

- Светка?... - начал Рат, и Сашка кивнул:

- Как кошка. Она дура настоящая, хоть и учится неплохо. Думает, когда подрастут, Егор на ней женится и увезёт в светлое будущее на Тихоокеанском побережье сэшэа. И будет она Синти Первакова. Не, Синти Фёст.

- А ты Алексом Фёстом быть не собираешься, значит?

- Я же говорю - я собираюсь быть Алексом из десанта... - мальчишки присели на большую, отполированную сиделками коряжину около сарая, и Сашка продолжал: - Хотя в нас вообще-то зарубежная кровь есть на самом деле - одна из прабабок ирландка была.

- Че-го?! - недоверчиво вытаращился Рат. Сашка кивнул серьёзно:

- Не, правда, настоящая. История случилась в Великую Отечественную. Тот прадед - он был на одном сторожевике наводчиком. На Северном Флоте. Сторожевик - так, из прибрежного рыбацкого корабля переделан. Шесть глубинных бомб, два крупнокалиберных пулемёта... Экипаж - пять стариков, пять пацанов... Про караван RQ-17 слышал?

- Кино смотрел и книжку читал.

- Ну вот... А их же много было, таких караванов... Вообще это нечестно: мы кровь проливали, а союзники нам бензин, тушёнку и порох... Но люди-то на кораблях нам по правде помочь хотели и были герои, а про всякую политику не думали - и сколько их немцы топили... А там вода такая, что больше пятнадцати минут человек не выдерживает. Мне батя рассказывал - ему дед говорил: иногда выловят человека, он живой ещё, а игла - укол сделать - в кожу не входит. Лёд... Да, ну так вот. Болтались они однажды у берега, ловят SOS - рядом совсем! Обогнули остров, а там подлодка немецкая всплыла и по английскому транспорту из пушки лупит, чтобы торпеды не тратить. А англичане, наверное, не захотели умирать за просто так, дали полный ход и раздавили лодку корпусом, она не успела погрузиться. На транспорте какое-то горючее было - рвануло так, что только пятна на воде остались... Ну, наши всё-таки пошарили там - никого нету - и пошли к берегу, в бухту... Прадед мой потом плавник на берегу собирал, для костра. И слышит - вроде кто-то кричит. Он туда-сюда - человек в море, недалеко от берега, плавает, цепляется за что-то. Пока за остальными бежать, за лодкой... Он и рванул на выручку вплавь. Вытаски-вал - думал, юнга. А у костра раздевать начали - девчонка. Помощник кока с английского корабля. Я там не знаю точно, как дальше у них было, только она в России осталась... Ну и всё...

Мальчишки помолчали, глядя по сторонам. Рат взял с полочки, прибитой к стенке сарая, ремень с ножнами, проверил кожу.

- Покажи нож, - попросил Сашка. Рат протянул ножны рукояткой вперёд, Егор достал из них глубоко утопленный (почти до верха рукояти) нож с рукоятью из светло-жёлтого рога и сероватым лезвием, похожим на тело щуки. - Самодельный? - Рат кивнул. - Можно кинуть?

- Давай, - согласился Рат. Они поднялись, отошли подальше. Сашка прикинул нож на руке, перехватил удобнее, осмотрелся в поисках мишени... и вдруг мощным, красиво-неуловимым движением метнул его.

Пролетев не меньше десяти метров, нож с коротким безжалостным стуком воткнулся в косяк сарая на высоте полутора метров - даже не задрожав после этого, намертво.

- Здорово, - сказал Рат удивлённо. - Я так не умею. У меня почему-то далеко не летит.

Так втыкается... но близко.

- Меня отец учил, - Сашка подошёл к сараю, с усилием, раскачав, выдернул нож.

- А тут у вас кто?

- Живность, - Рат подошёл тоже. - Мой Угадай, корова, свиней две, куры...

- Ты верхом хорошо ездешь? - завистливо спросил Сашка.

Рат пожал плечами:

- Конечно.

- А я совсем нет, - признался Сашка. - В седле сидел, но это в прокате, где на лошадях просто катаются... А ружьё, у тебя на стене висит, оно что - твоё? - Рат кивнул. - Врёшь, не может быть! - Рат снова пожал плечами, потом улыбнулся и сказал:

- Дам.

- Что? - не понял Сашка.

- Ну, ты хотел спросить, дам ли я пострелять. Дам.

На крыльцо выбралась Светка, одетая в умопомрачительную майку до колен с портретом ДиКаприо. Знаменитая бездарность на майке выглядела изрядно помятой и перекошенной, словно с тяжкого похмелья. Светка отдалённо походила на ДиКаприо - очевидно, со сна, потому что какое-то время мерила взглядом обоих мальчишек, щурясь и покачиваясь. Потом сказала:

- Игры юных терминаторов... Доброе утро.

- И тебе того же, медвежонок Пух, а по четвергам - вдвойне, - приветствовал сестру

Сашка. Та привычно буркнула:

- Балбес... - и потащилась в сторону будочки, краем выглядывавшей из-за сарая.

- Ну что, завтракать пора, - Рат зашагал к дому.

- Я подниму Егора, - вслед ему сказал Сашка. Ещё несколько раз - уже без энтузиазма

- лягнул мешок и заторопился следом. Окликнул: - Рат, а что потом будет?

- Когда? - уже с крыльца спросил тот. Сашка пожал плечами:

- Ну. После утра.

- День, - отозвался Рат.

Сборы и хлопоты.

Егор не спал. Он расхаживал по комнате, где Рат разместил мальчишек и улегся сам, уступив Светке свой "кабинет" - большой, непривычной глазу горожанина из-за дощатых пола и потолка, подобранных из широченных некрашенных плах. На полу лежали плетёные половики, большие кровати вдоль стен сверкали добротной никелировкой и солидными дореволюционными шарами на спинках. В простенках между окон висели заключённые в общие рамки подборки фотографий. На высокой резной тумбочке устроился дико выглядевший под прикрывавшей его кружевной салфеткой "домашний кинотеатр" LG.

- Ты знаешь, а он не такой уж замшелый, этот парень, - не оборачиваясь, сказал Егор.

- Я в ту комнату, где он Светку положил, заглянул - это его комната, кажется. Там компьютер, ещё один телевизор-"двойка"... Книг и дисков полно, и не разные там детективы или игрушки...

- Дурак ты, Егор, - спокойно и откровенно сказал Сашка. - Если бы у меня был такой брат - хоть двоюродный, хоть какой...

- Не лезь не в своё дело, - отрезал Егор, подходя к другому простенку, где на стене наискось висела сабля в потёртых чёрных ножнах с яркими, начищенными скрепами. С рукояти сабли, чем-то похожей на голову хищной птицы, свисал старый, поблёкший чёрно-оранжевый темляк, вышитый металлической нитью.

- Георгиевское оружие! - вырвалось у Сашки, который моментально забыл о разговоре.

- Наградное за храбрость? - вроде бы безразлично спросил Егор. Сашка кивнул и подошёл к фотографиям.

Он не видел, как Егор, подняв руку, быстро оглянулся и провёл кончиками пальцев по темляку. Лицо его дрогнуло и на миг странно скривилось, но, когда Сашка оглянулся, Егор уже был прежним - равнодушно-насмешливым.

- Смотри, это, наверное, твой дед, - Сашка указал на снимок - чёрно-белый, невероятно чёткий и ясный - сидящего на стуле с высокой спинкой и гнутыми ножками молодого мужчины в казачьей форме - поставив между колен всё ту же саблю и подбоченившись

левой рукой, он смотрел из-под сдвинутой набекрень мохнатой папахи, что называется, "орлом" - с вызывающей лихостью и опасным огоньком в глубине глаз. Усы мужчины бы- ли закручены на концах, густой светлый чуб стоял надо лбом, как пружина. Позади высился здоровенный цветок в кадке, с мясистыми листьями. - Какой же это год? Может, ещё до Первой мировой...

- Во время неё, - Егор указал на подпись в углу снимка: "Фотография г-на Либманъ въ Варшаве. 1914 годъ." - Ничего дед... Даже интересно.

- Есть идите! - завопила Светка откуда-то из глубин дома. Егор отозвался:

- Да идём, идём...

...Стол был накрыт шикарно - пельмени со сметаной в большой миске, красная рыба, большие ломти хлеба, ещё одна миска - с черемшой и огурцами, нарезанное копчёное мясо, здоровенный запотевший глиняный кувшин с квасом, тарелки с желтоватым маслом и небольшими пряниками. Светка уже сидела за столом и, урча, лопала пельмени, макая их в сметану.

- Огурцом заешь, может, полегчает, - серьёзно посоветовал Сашка, садясь к столу.

Светка захрюкала и под столом лягнула брата ногой. Его с непонятной усмешкой остано-вился у края стола, обеими руками взявшись за резную спинку старого стула. Рат почти в такой же позиции стоял у другого конца. Он переоделся в джинсовые шорты и по-прежнему был босиком.

- Садись, ешь, - кивнул он на стол и сел сам, ловко оббив ногами ножки стула. Егор сел, не спуская с двоюродного брата непонятного взгляда. Напряжение разрядила, сама о том не думая, Светка:

- Вкусно, - жалобно сказала она. - Я потолстею...

- Не потолстеешь, - усмехнулся Рат, ножом нарезаая мясо и ножом же отправляя его по кусочкам в рот. - Это я тебе обещаю.

- Он тебя, как скво¹³ у Джека Лондона¹⁴, заставит весь груз тащить, - сказал Егор.

Рат спросил:

- Читал Джека Лондона?

- Естессно... - и снова вмешалась Светка:

- А вот это, - она ткнула в пряники, - это у вас в магазине такие продаются?

- Это кедровый сбой, - Рат улыбнулся уже по-хорошему. Светка с умным видом закивала. - То, что остаётся после отжима масла из кедровых орехов, - пояснил Рат. - Масло это, кстати, тоже не сливочное.

- Да ну? - Светка подозрительно уставилась на масло.

- Точно тебе говорю. Орехи я сам бил.

- ? - глаза Светки стали недоумёнными.

- Наш таёжный хозяин говорит, - Егор улыбался, - что он ходил по тайге со здоровенной колотушкой и добывал кедровые орехи, чтобы тебя порадовать, Синти.

- Ладно тебе... - попросила Светка. - Всё и правда вкусно - отпад! Даже не верится, что мальчишка готовил...

- Да тут и готовить-то нечего, - возразил Рат. - А ты умеешь готовить?

Светка замялась. Зато нехорошо обрадовался Сашка:

- А как же! - кивнул он. - Хлопья молоком заливать - раз! - он загнул палец. - Сникерсы и мороженое открывать - два! Пиццу в микроволновку ставить - три! Яичницу уже не получается...

- Фуфломёт! - взвилась Светка, но тут же вздохнула и сникла: - Правда не умею...

- Дичь свежевать она тоже не умеет, - Егор всё-таки взялся за пельмени.

- Дичь не свежуют, - без обиды пояснил Рат. - Её щиплют и потрошат, а свежуют и разделывают зверя.

Сашка засмеялся. Рат, откинувшись на стуле назад, спросил:

- Ладно... Так куда мы отправимся? Мне, собственно, всё равно, я ведь проводник.

Вопрос был неожиданным и адресованным Егору. И лично для Сашки его ответ стал таким же неожиданным:

- Я бы хотел побывать на Становом хребте, - сказал он. Рат изумлённо посмотрел на него:

- Это очень далеко. Почти двести километров... если по прямой, а по прямой тут только птицы летают. Так что все четыреста. Туда и обратно - восемьсот. Это кладь два месяца.

- Меня не интересуют "туда" и "обратно", - отрезал Егор. - Мне хочется побывать на Становом. Ты знаешь те места?

- В принципе да...

- Ну и отлично. Там можно где-нибудь сесть? Самолёт в моём распоряжении.

- А, самолёт... - Рат хмыкнул. - Конечно можно, белый господин. Вылет сегодня?

- А чего тянуть?

- Тогда надо собираться, вот чего, - Рат встал.

- Здравсьте... а Рат дома? - все обернулись на голос. Ксанка - в старых джинсах и кедах, в широкой рубаше - стояла в дверях, чуть настороженно и смущённо глядя на незнакомых ребят и девочку. Глаза её расширились - она увидела Егора: - Ой... а...

- Ксан, привет, - Рат потёр висок. - Это мои... клиенты. Егор... Сашка... Света...

- Привет, - кивнул Сашка, с интересом рассматривая смуглую, но синеглазую девочку.

Светка смерила её взглядом и высокомерно вздёрнула нос. Егор в её сторону больше не смотрел. Ксанка вздохнула и спросила Рата:

- Я хотела тебя в лес позвать, а ты, значит, уходишь...

- Да, ухожу, - кивнул тот. - Я тебя ещё как раз попросить хотел, ты за скотиной пригляди, ага?

- Ага, конечно... А ты надолго?

- Да я не знаю...

- Ну, пока... Всего хорошего, - она обращала последние слова к остальным.

- Твоя девочка? - спросил Сашка, когда шаги Ксанки затихли за калиткой.

- Что?... - Рат поморщился. - Нет... а что?

- Ничего. Красивая.

- Красавица, - согласилась Светка. - А главное удобно - парень хоть пей, хоть с другими гуляй - она через свои щёлки всё равно ничего не увидит. Она хоть русская? Или из чурбанария сбежала?

- Русская и бурятка, - Рат вдруг неприязненно посмотрел на Светку. - И, между прочим, ты ошиблась. Буряты - это буряты. Русских тут раньше мало было, совсем. Почему, думаешь, эти края китайцы не захватили? Потому что буряты за "белого царя" горой стояли. Это они так русских царей называли. И ты, Свет, пожалуйста, - он с силой выделил это слово, - помни, что это и их земля тоже.

И вышел, оставив Светку с раскрытым клювиком и вылезшими из орбит глазами.

- Получила? - с удовольствием спросил Сашка и повернулся к Егору: - А тебя куда понесло на Становой? Что ты там не видел? Назло папе - раз ты так, то уйду в тайгу и заблудюсь, пусть меня волки скушают?

- Сашенька, не лезь не в своё дело, - улыбнулся Егор. - Наслаждайся путешествием.

- В такой компании насладишься, - проворчал рыжий мальчишка. - Пошли вещи собирать...

...Сборы оказались делом нелёгким. Рат позволил всем троем собрать рюкзаки, после чего распотрошил их и повыкидывал треть вещей.

- Мы не на пикник идём, не на вылазку в загородный лес и даже не в поход по центральной полосе, - объяснил он. - И не обижайтесь. Просто поймите: мы идём в тайгу. Это не лес, это - тайга. Там, куда мы отправляемся, люди бывают раз в год, да и то проходом,

есть места, где их вообще не было никогда. Там волки, медведи, рыси, тигры - и все они, я вам точно говорю - не знают, что человек царь природы... - Рат передохнул после долгой речи и присел возле рюкзаков. - Я буду говорить, вы будете собирать, а если чего нету - возьмёте у меня. Если что говорю оставить - оставляете. Итак...

...В результате у каждого оказались упакованы в рюкзак:

- две пары нижнего белья;
- спортивный костюм;
- свитер (при виде этого предмета Светка жалобно сделала брови домиком);
- тонкая брезентовая накидка;
- три пары носков;
- одеяло;
- ложка, миска, кружка;
- куча разной мелочи вроде иголок и ниток.

- Я не поняла, - взбунтовалась Светка, - а спальник?! В спальнике теплее, чем под одеялом!

- Теплее, - кивнул Рат, выбросивший из её рюкзака фирменный купальник из лямочек и чашечек с треугольничками (Светка проводила его обречённым взглядом.) - Лежишь в тепле, потом надо быстро вскочить - и... - он выдержал паузу.

- Так, ну а палатка? - это уже Егор включился, без подтырок, на самом деле удивлённо.

- У нас канадка, она весит всего два кило...

- Это пять банок сгущённого молока, - сказал Рат. - На черта нужна палатка, если... ладно, сами увидите. В общем, не берём... - он оглядел всех и засмеялся: - Да поймите же, в тайгу надо с собой брать побольше продуктов - и из остального только то, что нельзя найти на месте. Ну я объясняю. Вот у вас отличные приспособления для костра. Титан. Производство Германии. А зачем они? Вот тренога, тросик, крюки... Всё это есть в лесу.

Та же палатка. За десять минут можно сделать шалаш - лучше любой палатки. Вот аптечка - вещь хорошая, я же не предлагаю её оставить и лечиться народными средствами... хотя они и неплохи. Вот топоры - по штуке каждому, я же не говорю - давайте их оставим и сделаем каменные. Но фонарики-то вам зачем?

- Ладно, убедил, - буркнул Егор, выглядевший обескураженным.

- Вот и давайте раскладывать продукты, - улыбнулся Рат. - Консервы - это самая основная тяжесть...

...Егор и Светка всё ещё возились с рюкзаками, когда Рат кивком вызвал Сашку на улицу. Прикрыв за собой дверь, он сказал негромко:

- Я так понял - ты в военном клубе занимаешься?

- Ну, у юных десантников, - согласился Сашка, - а что?

- Пошли, - Рат зашагал к одному из сараев, на ходу объясняя: - Я когда про тайгу говорил - я не пугал. Там всякое бывает, даже со взрослыми... Мне кажется, дядя... Владимир Никифорович забыл, что такое тайга. Нас четверо, я свою вертикалку возьму... - он запустил руку под навес крыши и достал большой свёрток промасленной тряпки. - А ты это возьмёшь. Это деда, еще с Первой мировой.

- Что... ну, блин!

В руках у Сашки оказалась лаковая, хотя и вся поцарапанная, кобура. Он безошибочно нашёл защелку - крышка отскочила.

- Это же маузер! - Сашка достал и поднял стволом вверх прославленное старыми художественными фильмами оружие. - Настоящий!

- Ну да, - подтвердил Рат. - А вот патроны... Ты его пока спрячь, а потом наденешь. Я покажу, как с ним обращаться. А половина отряда с оружием - это уже всё-таки...

- Хорошо, - Сашка убрал пистолет и, закрывая крышку, взглянул на Рата. - Слушай... - он помедлил. - Почему ты... как бы... Ну, вот наши ровесники, я многих знаю, они выпивают, матерятся так, что уши вянут, с девчонками крутят - всё хотят взрослыми казаться. А ты... Ты вроде и правда взрослый.

- Ты Пикуля¹⁵ читал? - спросил Рат. Сашка кивнул. - "Честь имею!" помнишь? Какой там у главного героя девиз был?

- "Лучше быть, чем казаться", - вспомнил Сашка. - Это из Библии, по-моему... Так значит, и ты считаешь...

- Конечно, - бесстрастно ответил Рат. - И ты, мне кажется, думаешь так же...

...Распоряжение лететь пилоты восприняли совершенно спокойно. Старший из них только уточнил:

- Вы уверены, что там найдётся, где приземлиться?

- Абсолютно, - твёрдо ответил Рат, поскольку ответа ждали именно от него. Пилот пожал плечами:

- Ну что ж, мы можем лететь в любой момент. Прогноз благоприятный, за час будем возле хребта.

- Отлично, - кивнул Егор. Он вообще выглядел очень оживлённо, и это даже радовало.

Рат скомандовал:

- Таскаем вещи... Я сейчас приду...

... - Улетаешь, значит... - бабушка вздохнула. - Ну что ж...

- Ксанка за тобой присмотрит. И Виктор Валерьевич, да вон и баба Катя, - он кивнул старой подруге бабки, которая энергично закивала.

- Да уж чего за мной присматривать... - покачала головой старая женщина. - А то и не ходил бы...

- Пойду, обещал, - решительно сказал Рат. И, повернувшись, зашагал по улице, уверенно ставя ноги...

...Члены экспедиции ждали около "финиста". Егор, глядя снизу вверх, неожиданно спросил:

- Послушай, это правда, что тут много золота?

- Да, - коротко ответил Рат. Подумал и, подхватив с травы рюкзак, добавил: - Старики говорят так: "Золото мыть - голосом выть."

- Старики... - усмехнулся Егор. - Ты-то мыл. Мне отец рассказывал.

Рат молча пожал плечами. Зато Сашка неожиданно ответил:

- Слушай... Жора. Отвяжись от человека с разной хренью, я тебя прошу. У него папы-бизнесмена нету. Он как может, так и зарабатывает. Думаешь, ему, - он кивнул на невозмутимо карабкающегося в самолёт Рата, - приятно разных дундуков по тайге водить? А он водит, потому что бабку кормит. Твою тоже, между прочим, твоего отца мать! Не ворует, газетами на улице не торгует - ноги сбивает и комаров кормит за деньги, которые тебе папа на карманные расходы даёт!

Странно, но Егор не обиделся. Он выслушал всё это и спокойно ответил:

- Ничего ты не понимаешь, Саш.

На дне зелёного моря...

- Ничего не понимаю... - старший пилот бросил взгляд на приборы. - Давление падает... и откуда это молоко?

- Попробуем залезть выше? - предложил его напарник. - Где мы вообще?

- То-то и оно... - пилот пощёлкал ногтем по стеклу прибора. - Компас показывает прошлый год. Смотри, как стрелка прыгает... Пожалуй, действительно полезем вверх. Как там в салоне?

- Да что им сделается, - буркнул второй пилот. - У них в этом возрасте мозги вообще на опасность не реагируют. Себя вспомни...

... - Ну и туманище... - Светка зачарованно прилипла к иллюминатору. - Или это облака?.. Ра-ат?..

- Чёрт его знает... - Рат сидел в кресле очень прямо, и Егор насмешливо спросил:
- Летать боишься?
- Нет, - серьёзно отозвался Рат, хмурясь. - Просто... что-то не то.
- Да ладно тебе, великий следопыт, - Егор потянулся, посмотрел на часы. - Полчаса в воздухе. Ещё столько же.

- Такое ощущение, что за нами кто-то наблюдает, - неожиданно сказал Сашка. - Плохой взгляд.

- Ещё один следопыт, - Светка отклеилась от окна. Сашка отметил про себя, что она почти совсем забросила жаргон. Вслух же он возразил:

- Я точно говорю.

- Это китайские зенитчики, - Егор достал из бортовой кассеты старый журнал. - Сейчас шарахнут ракетой...

- Тише! - Рат вдруг вскочил, его лицо окаменело. - Вы слышите?! Слышите же?!

- Что? - Сашка крутил головой. - Что?

Но Рат бросился опрометью в кабину, отталкиваясь ладонями от стен. Послышался его крик:

- Садитесь! Куда угодно, но садитесь скорей! Иначе конец!!!

Сашка, Егор и Светка никак не успели отреагировать - из багажного ящика, распахнув дверцу, упал какой-то живой комок - все шарахнулись, Светка завизжала, а этот комок, распрямившись и дрожа, тоже закричал:

- Это ОНА!!! ОНА идёт!!!

- Вниз, вниз!!! - вторил из кабины Рат.

- Ксанка?... - изумлённо протянул Сашка, вставая.

И в этот момент самолёт запел.

Это было жутко и красиво. "Анннннннн..." - тянули металлические борта с какой-то угрозой, свирепой и радостной. "Нанннннн..." - отзывались пол и потолок. Между двумя бортами проскочила длинная тонкая искра, синяя, как расширенные, остановившиеся глаза Ксанки, уцепившейся за пол. Дикий звук повысился и скользнул куда-то внутрь голов, причиняя невыносимую боль. Скользнув на пол, Сашка успел увидеть, как из кабины вывалился Рат - белый, как творог. Его синие в странном свете, наполнившем салон, губы, произнесли:

- Падаем... верховка... - и его бросило вперед, прямо на Сашку...

...Позже Рат не мог восстановить по порядку, что с ним было. Сашка, инстинктивно выставивший вперед руки, оказался под ним, они вместе покатались по салону - хвост резко задрался... Что-то кричали две (?) девочки; Егор пытался встать, его швыряло на стены и пол. В иллюминаторы ломилась синяя тьма, прошитая серебряными нитями. Потом в салон ворвались рёв и свист, был страшный удар, метнувший обоих мальчишек об стену - и в салон, бурля и кипя, со стороны носа рванулась белая вода. Время обрело какую-то последовательность и логичность только в этот момент.

- Наружу, быстро! - крикнул Рат, отгребая пену, вскипавшую вокруг. - Дверь, быстро!

Рюкзаки! Сашка! Егор, девчонок! - он увидел Ксанку, волокущую Светку на себе. Самолёт под ногами жутко проваливался куда-то. Егор выбил дверь аварийным рычагом - и оттуда тоже рванулся тугой поток, плотный, как будто из жидкого металла. - Наружу! - левой рукой подхватив своё ружьё, правой Рат помог Ксанке выбраться наружу - там на миг мелькнуло яркое небо, потом надвинулись водяные стены, похожие на колодец наоборот, с хлопком сомкнулись - и Рата отшвырнуло от входа, но сильный толчок помог ему преодолеть этот напор. Оттолкнувшись, он рванулся в сторону - и, через плечо посмотрев вниз, с ужасом увидел зелёную глубину, тонущий самолёт с разбитым носом... из двери всё ещё рвался воздух... а потом выбрался Сашка - он плыл, бешено работая ногами и прижав к бокам прямые руки. Без рюкзаков, и Рат не мог его винить. Самолёт проваливался, и при виде той глубины, куда он уходил, мальчишку охватил ужас. Он рванулся вверх, к свету, уже не помня себя и ни за что не отвечая, стремясь только к одному - выбраться, увидеть небо и

вдохнуть воздух...

Он отлично умел плавать, но мальчишке показалось - прошла вечность, прежде чем он оказался на поверхности и, с хрипом втянув воздух, судорожно вскинул над голо-вой руку с ружьём. Сапоги и пояс тяжело потянули ко дну, но берег, зелёный и шумный, был близко, и Рат заставил себя плыть, какой-то частью сознания понимая: произошло если и не самое страшное, то очень страшное и вещи бросать нельзя. Впереди плыли трое - Ксанка (да откуда же она туту?!), Светка (плыла сама) и Егор.

Пилотов не было. Впрочем, Рат понял, что их не будет, уже когда увидел смятую кабину - а сейчас его взгляд упал на срезанные косо верхушки деревьев на берегу, и он понял, что пилоты скорей всего погибли еще в воздухе.

Неподалёку вынырнул Сашка, отбросил со лба ставшие чёрными волосы и начал крутиться в воде, то и дело ныряя. Рат понял, что он хочет сделать и крикнул:

- Не тронь ботинки, плыви так!

- Тяжело! - вполне хладнокровно отозвался рыжий.

- Плыви, я помогу, нам ещё идти! - рявкнул Рат и до него полностью дошла эта мысль, но он запретил себе её обдумывать сейчас. - Давай сюда!

- Я сам! - коротко ответил Сашка и поплыл к берегу - с усилием, но быстро.

Девчонки уже выбрались на берег, следом вылез Егор. Рат обратил внимание, что и он и Светка в одних носках - умопомрачительные кроссовки Светки и надёжные дорогие "гриндерсы" Егора пошли на дно... Оба повалились на узкую полоску песка, а Ксанка вошла в воду и принялась тянуть Рата за руку, когда тот уже стоял на ногах. Рат зло оттолкнул её:

- Уйди, дура... умалишённая... ты как тут оказалась?!

- Я хотела... с тобой... - Ксанка была мокрая, как мышь, и глаза тоже мокрые. Рат процедил:

- Идиотка...

- Где Пал Палыч и Коля?! - прокричала Светка, вставая и прижав кулаки к груди. Рат не сразу сообразил, кто это, но потом понял и ответил:

- На дне, вместе с самолётом...

Светка открыла рот и села обратно на песок, зато поднялся и пошёл в воду Егор. Рат поймал его за плечо:

- Ты куда?

- Я нырну... - заторможенно сказал Егор. - Может, они ещё живы, я хорошо ныряю...

- Тут не меньше пятидесяти метров, - спокойно сказал Рат. - А они погибли еще в воздухе - видишь, деревья поломаны? Мы не достанем ни их, ни рюкзаки.

- Они погибли? - спросила Светка. - Ратмир, они погибли?

- Они погибли, но мы живы, - Рат сел на песок и начал выливать воду из сапог.

- Что вообще произошло? - Сашка сел рядом, и Рат увидел у него на боку кобуру "маузера".

- Вытащил? - спросил он, кивая на оружие. Сашка пожал плечами:

- Я сперва рюкзак зацепил, а потом чувствую - не вытяну... Так что случилось?

- Верховка, - Рат потряс сапог. - Перепад давления в горах и в низине, потом - вот такой ураганище... Местные это чувствуют, да и ты вон почувствовал. Это вообще загадочная вещь... А нам повезло.

- Повезло?! - неверяще спросила Светка. - Это - повезло?!

- Конечно, - Рат снял пояс. - Мы живы, вот и везение.

- Где мы? - Егор так и стоял у кромки воды. - Куда мы попали?

Только теперь Рат как следует осмотрелся и почувствовал, что в душе шевельнулся страх. Широкая - метров двести - река текла между пологим левым берегом и отвесным правобережьем, вздымавшимся на высоту пятиэтажного дома. Но и этот берег тоже плавно поднимался к горному хребту. И везде, сколько хватало глаз, волнами, переливами и нагромождениями стоял лес, зелёный и чёрный. Казалось, что пятеро ребят и в самом деле

находятся на дне зелёного моря, но не песенного, романтического и поющего, а настоящего, страшного, таящего в своих глубинах чудовищ и жуткие тайны. Прозрачное, без намёка на тучи, небо висело высоко-высоко над головами.

И было тихо. Так тихо, что становилось слышно, как бурлит вода на невидимом перекате.

- Давайте разведём костёр и высушимся, - Рат поднялся на ноги. - И тогда решим, что нам делать...

... - Пассив, - Рат повернул свои сапоги каблуками к огню, проверил траву, которой набил носки, чтобы они не ссохлись. - У нас нет вещей. Это раз. Нас не найдут, когда будут искать. Это два.

- Почему? - Светка дрожащая возле самого огня, вскинула огромные глаза.

- Есть же спутники, спасатели...

- В кино, - отозвался Егор, пытавшийся в чёрт-те какой раз позвонить по сотовому, заключённому в непромокаемый футляр. Ветерок с реки отгонял комаров, висевших над кустами серой пеленой.

- Не в этом дело, - покачал головой Рат. - Мы - пять микробов на футбольном поле. И даже не это главное... - он ещё раз провёл тряпочкой по затвору разобранного ружья. - Мы пролетели половину расстояния до Станового. Потом нас подхватила верховка. Она несла нас минут десять. КУДА? - он подождал и пояснил в молчании: - Я не знаю, где мы. И никто не будет знать. Если бы ещё самолёт остался лежать на земле... А так - даже поломанные верхушки деревьев никто не заметит. Может, нас найдут сегодня. А может - ни-когда.

- У тебя же карта в кармане! - встрепелась Светка. - И компас у Рата в часах!

- Свет, - Сашка усмехнулся печально, полируя рукавом майки ствол маузера, - карта и компас годятся только тогда, когда ты знаешь, где мы изначально. А мы не знаем.

- Но вот же река... - мотнула головой Светка. Рат пояснил:

- Тут ТЫСЯЧИ рек, Свет. В принципе, все они так или иначе впадают в Зею... Но нам нечем построить плот, да и не проплывёшь по здешним порогам на самодельном плоту. Идти вдоль берега не получится - то скалы, то болота...

- Ты собираешься уйти от места аварии? - Егор убрал сотовый в карман. - Но это...

- Да, я знаю, - терпеливо сказал Рат. - Остаться на месте и всё такое... Пойми, это если есть следы аварии, хоть какие-то. Если мы разожжём костёр, его примут за горящую тайгу. Если останемся тут просто так - то просидим до зимы. А если верховка отбросила нас километров на двести - то и вообще нет никаких надежд на то, что нас найдут. Даже твой отец ничем не поможет. Тут бессильны любые деньги, и поэтому мы пойдём сами.

- Куда? - деловито спросил Сашка.

- На юг, - сказал Рат. - Только на юг. Дело в том, что и на севере, и на западе, и на востоке до людей невероятно далеко. Куда бы нас не занесло. На западе - магистраль Тынды-Якутск. До неё шагать месяца два. На севере и на востоке мы вообще можем проскочить мимо любых поселений и шагать до океана, Северного или Тихого, по выбору. А на юге... - Рат перевёл дух, он не привык так много говорить об очевидных вещах. - На юге не знаю. Может, мы и не дойдём всё равно. Но тут не больше месяца до цепочки городов вдоль китайской границы. При самом плохом раскладе мимо них мы не промахнёмся.

- Месяц?! - ахнула Светка и посмотрела на свои ноги. - Месяц пешком?!

- Самое большее, - уточнил Рат.

- Это я виноват, - вдруг сказал Егор. Поднялся, подхватил с песка здоровенный сучок и запустил его в реку. - Это я виноват, я! Это была моя идея - с полётом! Я... - он захлебнулся воздухом и сел.

- Дальше пассив, - как ни в чём не бывало продолжал Рат. - У нас двое босых.

- Я отдам свои кроссовки, - Ксанка начал их расшнуровывать. - Они старые, но прочные, а я могу и так... Света, они тебе пойдут...

- Отставить ерунду, - Рат покачал головой. - Я сказал - отставить! Я с тобой ещё поговорю, Ксанка... С обувью мы решим... Теперь актив, - он поднял свой пояс. - У нас у

всех ножи. Спички, конечно, размокли, но у меня есть кремёнь, кресало и трут в упаковке, а это огонь. У меня двадцать пять патронов 16-го калибра и пять полных магазинов к нарезке. Это еда и защита. Плюс - тридцать патронов у Сашки.

- Санёк, откуда у тебя пистолет? - опомнилась Светка. - Здоровый, как в кино...

- Это я ему дал, - Рат краем глаза увидел, что Егор никак на это не отреагировал. - Давайте ещё посмотрим, что у кого есть... У меня лично вот что, - и он достал алюминиевую коробочку с притёртой крышкой. - Это НЗ. Свечка, лупа, иголка с нитками, пара крючков, тонкая леска, медная проволока, "джигли"¹⁶, бритвенное лезвие, пластырь. Ещё тут должны быть таблетки, разные, - Рат виновато помолчал. - Но я понадеялся на аптечку, дурак.

- Ничего себе - дурак, - усмехнулся Сашка. - Набор "Всё для всех" в кармане... У меня ничего полезного, только это, - он выложил пакет из прорезиненной ткани. - Тут бинт, салфетки, йод, пантоцид¹⁷ в таблетках, йод и пластырь. Ещё складной нож и зажигалка, только она, наверное, того.

- Ого, - Рат с уважением поглядел на Сашку. - Всегда носишь?

- В походе - всегда, наш руководитель приучил.

Ксанка молча выложила из набедренного кармана моток тонкого троса, потом из других - большую плитку шоколада, тоже зажигалку, игольницу, флакончик с солью и ещё один - с чаем. Светка, вздохнув, достала размокшую колоду карт с фотографиями группы Smash и коробку жевательной ленты "хубба-бубба".

- Всё, - развела она руками. - Простите неграмотную татарку. И ещё я прощенья попросить хочу... я купальник в рюкзак тайком сунула.

- Может, самолёт поэтому и упал? - предположил Сашка. - Егор, а ты?

- У меня ничего нет, - ответил тот тускло. - Я в карманах ничего не держу, только мобильник и бумажник.

- Ясно, - Рат посмотрел вещи. - Ну что ж, неплохо. Правда, еды почти нет... Ладно, одеваемся и идём.

На этот раз в замешательство пришли все, кроме Ксанки, деловито начавшей собираться, даже Сашка. Он спросил:

- Что... вот так и пойдём?

- А что такое? - удивился Рат, собиравший ружьё. Сашка пожал плечами. Он не мог признаться, что как-то страшно просто так вот взять и уйти. Словно сам перерезаешь канат, на котором висишь. Нет, Рат был прав, конечно... но хотелось верить в то, что вот посидим тут ещё полчаса - и появится спасательный самолёт... - А, да, - Рат неправильно истолковал заминку. - Обувка...

- Ну давай я отдам Свете свои кроссовки, - снова предложила Ксанка. - Она же ноги побьёт.

- А ты? - Светка насупилась. - Нет, я не возьму. Я потерплю.

- Никому терпеть не придётся, - отрезал Рат. - Берегите ноги вообще, если кто неходячим станет, то мы пропали начисто... Сейчас.

- Ну-ну, - скептически устроилась удобнее Светка.

Рат, не обращая на это внимания, достал свой нож и отправился к ближайшей лиственнице. Оглядываясь на ребят, он ловко вырезал из ствола четыре... подмётки. Да, больше всего это походило на подмётки. Погладил ладонью древесный ствол и, вернувшись к остальным, присел возле Ксанки, взял у неё трос. Уверенными движениями проделал по краю подмёток по десятку дырочек и начал шнуровать их тросом. Одну пару получившихся сандалий перебрал Егору, другую - Светке.

- Обувайтесь. Стираться будут быстро, но этого добра в лесу полно.

Светка ядовито прокомментировала:

- Съешь осиновой коры -
И взбодрись до поры.
Чай, не химия какая -
Чай, природные дары.
В ейном соке, генерал,
Есть полезный минерал.
От его из генералов
Ишо никто не помирал...
Рат неожиданно ответил:
- Скушай заячий помёт -
Он ядрёный, он проймёт!
Он куды полезней мёду -
Хучь по вкусу и не мёд.
Он, конечно, вкусом крут
И с него, бывалоч, мрут,
Но какие выживают -
Те до старости живут... 18

- Точно, - Светка хихикнула, любуясь новой обувкой. - А ничего, очень даже эротично...

А ты откуда эти стихи знаешь?

- Играл Федота, мы спектакль зимой ставили в интернате, - отозвался Рат, вешая ружьё поперёк груди. - Егор, обувайся.

Тот посмотрел косо и начал шнуроваться. Остальные ждали, неуверенно поглядывая на тайгу, казалось, нависшую над берегом. Егор медленно встал и остался стоять, глядя на реку. Тогда Рат подошёл к нему.

- Надо идти, - коротко сказал он. Егор pokrивился, спросил:

- Ты знаешь... какие-нибудь молитвы? - Рат покачал головой. Егор опустил голову, шевельнул губами: - Господи... Отче наш...

- Пойдём, - Рат положил руку ему на плечо.

Урман

- Где же солнце? - Сашка вытер мокрое от пота лицо, безнадёжно посмотрел на сплошной полог ветвей, сплетающихся в вышине. - Чёрт, как грызут!

Последнее относилось даже не к комарам - вокруг висела мелкая мошка-мокрец, свирепствовавшая так, что час назад Светка заплакала. Но поскольку это не помогло, она реветь перестала и с тех пор шла на своём месте, свирепо сопя и казня мокрецов десятками.

- Солнца мы можем долго не увидеть, - ответил Рат. - На юг мы и так пойдём.

- Откуда ты знаешь, где юг? - поинтересовался Сашка. Рат задумался, дёрнул плечом:

- Знаю, и всё... Плохо вот что - тут все хребты идут с запада на восток. Вот так идти придётся, - он изобразил ладонью волнистую линию. - А сейчас тихо. Иди на место.

Рат жалел, что не может идти в хвосте - в самом опасном месте. Он должен был вести отряд - не безоружной же Ксанке это доверять? Она шла предпоследней. Светка - сразу за Ратом, потом Егор, а в хвосте - Сашка. Он, конечно, был лучше других городских и сильнее Ксанки, но всё-таки Рат беспокоился.

Уже полчаса они шли по жуткому царству пихт и елей, где с отмерших нижних ветвей свисали космы лишайника, а землю покрывал мох. Идти тут было нетрудно - подлесок отсутствовал, попадались только упавшие стволы - но Рат хмурился. Были причины. Земля медленно поднималась - они лезли на хребет.

Ещё через пятнадцать минут Рат остановился и выругался - тихо, но сочно. Светка охнула и спросила:

- Что?!

- Урман, - ответил Рат. Ксанка сплюнула в сторону и погрозила кулаком верхушкам деревьев. Остальные молчали непонимающе. Потом Светка тихо спросила:

- Он что - опасный? Большой, кусается? Кто это вообще? И где он?

- А?.. - Рат поднял брови. - А, нет... Урман - это такое место посреди тайги. Зверей почти нет, растений мало, вообще - плохое место. Бурята спроси - он тебе про любой урман такого наплетёт... Ну, разные там духи и демоны - это, положим, чушня. Сколько в тайге жил - ни разу ни духа, ни демона не видел... - Рат осекся, явно что-то вспомнив, покусал губу и продолжал: - Но вообще место голодное. А главное - не знаю я, куда и насколько он тянется. Может, за хребтом кончится. А может - нам по нему шагать и шагать до конца.

- В смысле? - насторожилась Светка. - Пока не помрём?

- В смысле пока не придём, - успокоил её Рат. Усмехнулся вдруг и сказал: - Никогда в тайге столько не болтал, как с вами... Пошли, ладно. На хребет выберемся - оглядимся и решим, что и как... - он шагнул было, но потом спросил, обернувшись: - Устала?

- Устала, ну и что? - спокойно ответила Светка. - Ещё я есть хочу и в ванну. Что-то изменилось? Пошли.

- Ого, - покачал головой Сашка...

...В шесть часов вечера хребта ещё не было, но они вышли к узкой речушке, быстро и с клокотаньем бежавшей вниз - туда, откуда они пришли. Рат посмотрел на воду и решил:

- Всё, тут ночуем... Вот что, - он вздохнул, - я сейчас уйду, вернусь, может, затемно.

Попробую поохотиться, вдруг повезёт. Лагерь разбейте, как следует всё чтоб было.

- С тобой пойти? - вызвался Сашка. Рат покачал головой:

- Нет, я один, - и канул в лес бесшумной тенью.

- Один так один, - Сашка размял пальцы. - Ну что? Мы с Егором делаем шалаш... Оксана... ты ведь Оксана, или как?

- Да Ксанка я и есть Ксанка, - девчонка улыбнулась. - Мы со Светой пойдём, грибы посмотрим. И рыбу... Света, ты пойдёшь?

- Пошли, - решительно кивнул она и пропела:

- Не свой не чужой

- Пааааследний герой!!!

Ксанка с готовностью рассмеялась. Сашка неуверенно сказал:

- Пистолет...

- Не надо, - Ксанка ловко извлекла из узорчатых металлических ножен на поясе нож с узким лезвием и чеканкой на рукояти. - Так привычней...

...Чуть выше по течению речка слегка успокаивалась. Из чуть колеблющейся воды заводи торчали тут и там похожие на лезвия шпаг высокие листья, при виде которых Ксанка остановилась и улыбнулась:

- Вот и стрелолист...

- Его что, едят? - деловито уточнила Светка. Ксанка кивнула:

- Ещё как... Смотри... - она быстро разделась и полезла в воду, а через десяток секунд выбросила на берег несколько похожих на картошку клубней. - Можно печь, можно варить... Ты не мокни, Света, я сама надёргаю...

- Вот что, - Светка решительно расстегнула куртку. - Ты попробуй рыбу половить, а я этого стрелолиста надёргаю. Дело нехитрое, а рыбу ловить я всё равно не умею. А то что ты как не знаю кто при не знаю ком? - уй, холдноо!.. Лезь на берег.

- Просто ты красивая, - откровенно сказала Ксанка, тем не менее послушавшись, - а красивые должны жить по-другому.

- Да ты тоже красивая, - Светка даже замерла в воде после этих слов. Ксанка грустно

улыбнулась, присев на берегу на корточки:

- Какая же я красивая... Раскосая и чёрная, как пень горелый. Рат на меня и не смотрит.

- А ты на него смотришь? - понимающе сказала Светка, и Ксанка прижала к лицу тугую косу - как в кино, но у неё это получилось естественно. - Ну и дурак он. Они все дураки, пацаны. Я вон тоже - я сюда за кем, думаешь попёрлась, как декабристка? - Светка ощутила прилив откровенности. Может быть, потому что Ксанка ничуть не походила на её школьных подружек и была на самом деле искренней? - За Егором! Сашка смеётся, что потому что он богатый - ну, отец у него богатый. А я и не поэтому...

- Они с Ратом братья двоюродные, очень похожи... - Ксанка встала. - Попробую половить, правда...

- Подожди, - Светка плеснула водой. - А родители Рата - они пропали в тайге, да?

- Да, - кивнула Ксанка. - Давно... И никто не знает, что с ними случилось...

...Когда девчонки вернулись к месту лагеря, неся почти пять килограмм клубней стрелолиста и трёх больших хариусов, нанизанных на прут, шалаш в самом деле стоял и костёр горел вовсю, а рядом лежала здоровенная куча хвороста и толстых сучьев. Мальчишки собачились.

- Да потому что ты пенёк в этих делах! - заявлял Сашка. - Это ты веточки для шашлыка будешь ногой ломать, а такие сучья, если топор нет, надо о дерево расшибать! Ты же ногу себе разобьёшь!

- Вот я сейчас буду по деревьям лупить, чтобы все услышали! - огрызался Егор. - Тут и дел-то - положил - и вот так... ууу...йаа, бли-инн!

- Я же говорил, - хладнокровно заметил Сашка и пригнулся, пропуская над головой ветку, бумерангом заброшенную Егором в кусты. - Дрова виноваты, конечно... Хромай теперь за ней, ветка хорошая.

Егор прыгал на одной ноге и шипел ругательства. Он заметно оживился, как оживляются большинство людей, попытавшихся со всей дури перешибить почти голой пяткой ветку в руку толщиной.

- Ну что без нас могут пацаны? - Светка почесалась со скоростью бешеного суслика. -

Всю изгрызли... Только поцапаться, пока мы ужин добываем... Рат не пришёл?

- Придёт, - опередив мальчишек, уверенно сказала Ксанка. - Он такой...

...В урмане стемнело быстро и как-то неприятно. Солнце вовсю горело где-то за кронами деревьев, там был день, а тут наступила ночь, глухая, только какие-то звуки крались по кустам и под прикрытием стволов пихт и елей. Голодные и в общем-то испуганные сидели ребята у костра. Сашка держал на коленях маузер. Все молчали, только теперь начав по-настоящему переживать то, что с ними произошло. В такой ситуации даже в самой легкомысленной голове родились бы мысли в первую очередь о родных и близких, и мысли эти были самого неприятного свойства. Считавшие себя очень самостоятельными и взрослыми мальчишки и девчонки ощутили вдруг, что быть самостоятельными им совершенно не хочется, а хочется домой. Почти до слёз. И не было ни у кого - даже у Ксанки - никакой уверенности, что они и правда смогут пройти эти самые десятки, а то и сотни километров до людей...

Не выдержала Светка.

- А если с ним что случилось? - прямо спросила она. Сашка тут же отозвался:

- Может, правда надо пойти искать? Вдруг он...

- Он не сломал ногу, не утонул и не растерзан дикими зверями, - сказал Рат без улыбки, подходя к костру. - Хорошо устроились, правда.

Все повскакали на ноги, обрадованно зашумев. Рат наоборот - сел, и стало ясно, что он очень устал. Рядом с ним лежала небольшая косуля или что-то вроде этого.

- Ой, как жалко-о... - протянула Светка, чуть коснувшись пальцами кремовой шерсти на лбу. - Кто это?

- Кабарга, - ответила Ксанка, - коза такая... Что, плохо? - Рат кивнул, стаскивая сапоги.

- Совсем?

- Пусто, - Рат со вздохом откинулся на нарубленный лапник. - Мёртвое место. Все ноги обстучал... Ну да ладно - может, это потому что не в урок... Лихо ты её, - кабарга была убита одним выстрелом из малопульного ствола в левый глаз.

- О чём он? - спросил Сашка. Ксанка ответила со вздохом:

- Днём охота плохая. Лучше всего на рассвете... Саша, ты зверя разбирать умеешь?

- Раз... нет, - признался Сашка.

- Тогда учись смотри... Света, а ты с рыбой займись.

- Я?! - глаза Светки округлились. - Резать и всё такое?!

- Я сделаю, - Егор сел удобнее и достал свой новенький охотничий нож. - Отец учил как-то на рыбалке.

Рат, кажется, заснул, потому что вроде бы продолжал видеть костёр, слышать разговоры, но одновременно шёл сквозь урман и понимал, что заблудился, хотя это и было невозможно и лучше всего доказывало, что он спит. Потом голод, питающийся запахами, пересилил усталость, и он открыл глаза.

Все четверо сидели возле огня, глядя на него. Сашка улыбнулся:

- А мы ждём-ждём, без тебя не начинаем, думаем: когда ж проснёшься?

- Я долго спал? - Рат посмотрел на часы. - Почти два часа... ух, хорошо... И я голодный.

- У нас, - гордо сказала Ксанка, - стрелolist печёный, жареные рыба и мясо. Воду набрать не во что, а то бы и чай скипятили. В темноте кузовка не свернуть.

- Разве в кузовке воду согреешь? - не поверила Светка. - Он же это. Деревянный. Ксанка кивнула:

- Да ещё как согреешь...

- Завтра покажешь, - потребовала Светка и набросилась на рыбу, пояснив: - Косулю жалко всё равно.

Рат закончил есть первым. Посидел, пробормотал: "Без топора вообще..." - и начал выбирать кусок коры побольше. На него он водрузил десяток крупных углей и навалил мха, после чего всё это сооружение задымилось густым сырым чадом. Рат поставил его в шалаш.

- Э, мы там как спать будем?! - спросил Егор.

- Крепко, - заверил Рат. - А вот комары и гнус туда не сунутся... почти. Но ночью будет холодно, а костёр или прогорит, или кому-то надо поддерживать.

- Я думал, ты умеешь делать долгоиграющие... - без подковырки, правда с растерянностью сказал Егор. Рат кивнул:

- Умею. Но если быстро - для них нужен топор, а если моей пилкой - то засветло нужно начинать. Не подумал... Сегодня и так переночуем. Вход завесим, лапником завалимся и поспим... Все поели? Тогда полезли отсыпаться.

- А эти... - Светка покосилась на лес вокруг, где окончательно воцарилась ночь. - Звери? Тигры, мамонты...

- Никто нас не тронет, - сказал Рат спокойно. - Порохом пахнет, дымом, людей много - самый свежееотмороженный мамонт дёру даст. Мы не на тропе, ничья земля...

- В случае чего - тебя, Синти, им кинем, - добавил Сашка. - Как Кинг-Конгу.

- Тебя им кинем, как Годзилле, они от тошноты помрут, - огрызнулась Светка и полезла в шалаш. - Фу, дымище! А где ночные тапочки?

- Штанины в носки заправьте, - скомандовал Рат. - Сань, пошли ещё лапнику принесём.

Они отошли метров на десять - и в темноте кто-то заорал так, что Сашка присел и окаменевшими пальцами начал выдирать из кобуры маузер, а у костра вскрикнул Егор. И послышался голос Ксанки:

- Да это филин.

- Точно филин, - подтвердил Рат. Сашка перевёл дух и признался:

- Я ещё бы чуть - и в штаны наделал, честно.

- Когда я, - Рат работал ножом, - первый раз заночевал один в лесу, я обдулся и чуть заикой не стал. Потом прошло... Ты сколько нарубил?

- Пять.
- Я семь. Хватит, пошли.
- Погоди... Рат, а если серьезно - ну что, опасных зверей нет? Таких, чтоб напали?
- Почему... Кабан сдуру может напасть... - Рат задумался. - Тигр, если на охоте не повезёт... Но тигров тут почти нет, они в урманах не любят, а в других местах охота хорошая... Знаешь, пожалуй нет таких, чтобы вот так напали. Правда.
- А волк?
- Летом? Никогда... Но... - Рат покусал губу. Послышался голос Светки:
- Мальчишки, вы где?
- Идём, - отозвался Рат и продолжал: - Во-первых, Сань, есть люди. Если наткнёмся на бурятов или охотничью партию - хорошо. На золотомойщиков - тоже неплохо, во всяком случае - помогут. А ещё есть хунхузы, бандиты и просто отморозки, которые ради удовольствия на людей охотятся - но тайга большущая, вряд ли встретимся, да и я в оба буду смотреть... И ещё есть разная фиготень, которой быть не должно, но есть.
- Не понял, - уточнил Сашка. Рат помялся:
- Ну... Вон, Светлана насчёт мамонтов пошутила... А они есть, это точно. И они - это ещё полбеда. Зверюги как зверюги... Ладно, - Рат оборвал сам себя. - Если будем осторожными, то нам это ничего не страшно. А если нет - то и в собственной квартире загнуться можно...
...Рат плотно забил вход лапником и улёгся с правого края, между Сашкой и стенкой, положив ружьё под руку. Девчонки забились в середину. Несколько минут все прислушивались, как разговаривает сам с собой урман.
И никто из них не смог бы сказать точно, когда этот разговор стал просто частью глубокого сна.

Путь на юг

Утром в урман пришёл туман. Он то ли спустился с хребта, то ли поднялся от воды, то ли просто тихо вырос из покрытой мхом земли - и закутал всё вокруг непроницаемым синим одеялом, в котором заглохли все звуки, кроме бесконечного шороха падающих с ветвей капель - десятки тысяч их голосов сливались во вкрадчивый хор.

Светка проснулась от холода, прокравшегося к ногам. Она пыталась спрятать ноги под одеяло, но одеяло исчезло, простыня кололась, повернуться было трудно, и Светка вдруг сообразила, что спит не одна!!! И даже не с кем-то конкретно!!! Кругом было человека два минимум...

"Мамочки, - подумала Светка, - я попала... Да что было-то?! Ой ой ой..."

Она открыла глаза и увидела совсем близко интересный потолок - разрисованный в цвет хвойных лап.

И всё вспомнила.

Слева спала Ксанка - на животе, сунув руки под себя и трудно дыша. По её смуглой щеке гулял муравей. Справа дрых Сашка - во сне он хмурился, правая рука сжимала полувытащенный из лежащей на груди кобуры маузер.

- Значит, правда, - Светка поёжилась и начала выбираться наружу.

Это оказалось нелегко - Рат напрочно заплёл вход. Он сам не просыпался - лежал в рост, держа ладонь на цевье ружья и жалобно приоткрыв рот. Сейчас он не выглядел даже на свои пятнадцать лет - пацанчик класса из седьмого, усталый и перепуганный. Длинные загнутые ресницы чуть подрагивали, чуб склеила смола, за обмётанными белым губа-ми влажно поблёскивали ровные зубы. Он был ужасно похож на Егора, просто до обалдения, до невозможности. И в то же время... "Поцеловать бы его," - подумала Светка, представила вкус этих губ... и, сердито запыхтев, всё-таки выдралась наружу.

Как же там было холодно!!!

Сперва девчонке вообще показалось, что мороз. Она обхватила себя руками и стиснула

зубы, подумывая, что надо отказаться от мытья. Но потом вспомнила свои носки... и со вздохом поплелась к реке.

Около воды оказалось, как ни странно, теплее. Умывшись с содроганием холодной водой, Светка прополоскала рот и как могла выполоскала носки. Она собиралась ещё попить, как вдруг из тумана справа выдвинулась мощная тёмная масса, послышались фыркание, плеск и вздохи.

На четвереньках Светка поползла обратно к лагерю. Она то и дело оглядывалась и вздрогнула, услышав голос Рата:

- Ты чего ползаешь?

Голый по пояс и в босиком, он сидел возле кострища и ворошил палочкой угли. Улыбался. Светка оглянулась ещё раз и заторопилась:

- Там! Здоровый!! Сопит!!! Фыркает!!!! Зверь!!!! Убей скорее!!!!!!

- Лось, наверное... - усмехнулся Рат, зачем-то выбирая уголёк. - Зачем убивать, у нас мясо пока есть, а заготавливать некогда... Стиралась, что ли?

- Какая без мыла стирка, - вздохнула Светка.

- Да, без мыла плохо, - Рат встал, достал нож и отошёл к берегу (туман рассеивался).

- Иди сюда... - Светка послушно подошла. Рат ножом покачал высокий куст с мелкими пятиконечными цветочками, чьи лепестки были раздвоены на концах. Сорвал один, нажал - послышался хлопок. - Вот, это хлопущка... Хорошо пахнет, правда? - Светка кивнула. - Они скоро закроются, это ночное растение... Из молодых росточков можно салат делать. А это... - он присел, несколькими движениями ножа высвободил и очистил корешок. - На. Это вместо мыла. Конечно, лучше его посушить, но и так сойдёт.

- Это мыло? - не поверила Светка.

- Вместо мыла, - повторил Рат.

- Может, ты и зубную пасту найдёшь?

- Уже нашёл, - Рат растёр уголёк и при помощи пальца начал чистить зубы. - Фот и пафта.

Светка молча подняла глаза и пошла к реке - туда, где стиралась...

...Завтракали в молчании. Про примеру Рата все почистили зубы углём - просто ради интереса, но он спокойно сказал:

- Это будем делать каждое утро.

- В обязательном порядке? - спросил Егор сердито. Рат кивнул:

- В обязательном... Ты ведь читал Джека Лондона? Помнишь "В далёком краю"? Катферт и Уэзерби начали с того, что перестали умываться. А кончили тем, что убили друг друга.

Около костра стало тихо. Светка, последний раз читавшая художественную книгу в третьем классе, спросила:

- Правда, что ли?

Рат не успел ответить. Егор вдруг отложил кость с остатками мяса и медленно поинтересовался:

- А кто тебя тут назначил главным? Ты проводник. И всё.

- Главный - ты? - уточнил Рат. - Нет уж.

- Вот как... - Егор встал. Рат, подняв на него взгляд, сказал:

- Артель такова - десять рук, одна голова. А пять голов стало - артель пропала.

- Можешь засунуть свою народную мудрость... - Егор сузил глаза. Рат предложил:

- Достань свой крутейший мобильник и позвони девять-один-один. Если откликнутся - я снова превращаюсь в проводника. До тех пор - я здесь главный. Просто потому, что я умею больше. И еще потому, что кроме одного надутого индюка тут есть ещё парень и две девчонки, которых я обязан доставить домой. Это я к тому, чтоб с самого начала расставить акценты.

Тогда Егор прыгнул на него - молча и свирепо.

Рат не ожидал этого. Он сидел, скрестив ноги, и Егор опрокинул его на спину, а сам

навалился сверху... но в следующий момент полетел в сторону и скорчился, а Рат встал, качая головой:

- Дурак...

- Что ты с ним сделал?! - вскрикнула Светка. Рат повел плечом:

- Да ничего... Коленкой приласкал.

Егор с трудом присел на корточки, покачался. И вдруг улыбнулся:

- Больно, между прочим.

- Зато полезно, - подал голос Сашка, всё это время остававшийся философски невозмутимым. - Собираемся?..

...Сашке казалось, что уж тайга-то прямо должна кишеть жизнью. Но, похоже, тут зверья было ещё меньше, чем в лесах центральной полосы. Вчерашний вечерний разговор заставил его держаться настороже - тем более, что она знала о манере зверей нападать сзади. Но отряд шёл уже несколько часов, а урман не подавал признаков жизни.

Путь вёл всё время вверх - не очень заметно, но ощутимо. Ксанка на ходу что-то плела из срезанных прутьев, и Егор вдруг окликнул её:

- А что это будет?

- Крошни, - охотно ответила она. - А то что ж - найдём что, так в руках нести?

- Сумка, что ли? - уточнил Егор.

- Ну... вроде рюкзака.

- Что в него класть-то?

- Да мало ли... А вот. Ратка, остановись, ослеп, что ли?

Внимание Ксанки привлекли резко выделявшиеся среди сумрака урмана невысокие деревья с густыми кронами, сгрудившиеся кучкой, словно бы для защиты от окружающего. Среди листвы виднелись гладкие зелёные плоды.

- Манчжурский орех... - Рат покусал губу. - Или исключение... или мы восточней, чем я думал.

- Это хорошо или плохо? - живо спросила Светка. Рат мотнул головой:

- Это никак, всё равно на юг идти... Ксан, собирай, в мою майку сложим.

Егор, стоя чуть в стороне, казалось, был погружён в собственные мысли. Но потом вдруг выдал:

- Сегодня меньше кусают.

- Да не меньше кусают, а мы привыкли, - сказал Рат, подсаживая Ксанку на ветку. - Человек, если сразу не сдохнет, то обязательно привыкнет... - он посмотрел на юг и досадливо пробормотал: - Да где ж перевал?..

... К перевалу они вышли через полчаса после остановки. Это был голец - голая вершина, покрытая разнотравьем и окаймлённая почти непроницаемой стеной кустов, через которую ребята едва продрались. Сашка, Светка и Егор замерли, поражённые открывшейся им картиной. Ксанка уселась доплетать крошни, чтобы вернуть майку хозяину. Рат перевёл дыхание:

- Значит, правильно идём.

Никто не ответил ему. Голец уходил влево и вправо, сколько хватало глаз. За спинами ребят уходила вниз стена урмана - куда-то к прячущейся в распадке речушке, в которой лежал самолёт. Впереди такая же плавная волна стекала в другой распадок и снова поднималась на противоположный склон уже другого хребта - до его вершины по прямой было километров десять, и примерно с середины этого нового подъёма тайга начинала отчётливо светлеть. Именно светлеть - она не становилась реже, но общий фон делался более радостным.

- Там кончается урман, - Рат глядел в ту сторону из-под руки. - Неблизко... И вон тот выступ мне не нравится.

На границе урмана из тайги поднимался ступенькой голый каменный уступ цвета запёкшейся крови. Неясно было, какова его высота, но он поясом окаймлял хребет в обе стороны, и конца этому поясу видно не было.

- Туда ещё надо дойти, - заметил Егор. - А там посмотрим.

- Разумные слова... - согласился Егор. - Ладно, отдыхаем здесь два часа. А я пойду на охоту... Надо было всё-таки того лося завалить. Пропало бы почти всё, но что ж... - и он так же легко, как и прежде, скрылся среди зелени. - Супермен, - вроде бы с насмешкой, но в то же время завистливо заметил Егор.

- Казак, - тоже с завистью сказал Сашка.

- А вон саранки... и жимолость! - Ксанка вскочила. - Света, пошли?

- Пошли! - та охотно присоединилась к подружке. - А что с ними делать?

- Э, далеко не отходите, - лениво окликнул Сашка, садясь и стягивая высокие ботинки.

Сказал Егору: - Я думал, ты скиснешь. А ты ничего шагаешь.

- Я же тоже казак... по крови, - кривовато улыбнулся Егор и, достав мобильник, начал звонить. Это выглядело нелепо и смешно.

- Вот, - объясняла Ксанка неподалёку, слова отчётливо разносились с лёгким ветерком, отбросившим в лес комарьё и мошку, - вот эти, фиолетовые, на длинных стеблях - это саранки, у них луковицы съедобные, вкусные... А это вот только созрели - вот, ягоды на кусте. Да вот куст, он низенький... Видишь, листья по краям щетинистые? Это жимолость... Ягоды мы съедем, а листьями можно, не дай Бог, раны присыпать, как подорожником...

- Партизанский ликбез, - без насмешки, грустно сказал Егор, пряча мобильник. - Покажи пушку...

...Рат вернулся к самому концу привала - без добычи.

- Глушняк, - сказал он, садясь на траву. - Пусто. Ничего... Сейчас поем и пойдём.

- Сейчас ты поешь и отдохнёшь час, - вдруг непреклонно сказала Светка. - А потом пойдём. Я очень устала и дальше не могу, пока ты не отдохнёшь.

- Ей ты тоже приказывать будешь? - осведомился Егор серьёзно.

Хозяин тайги

Дождь пошёл ночью. Крыша шалаша держала его надёжно, но Рат проснулся от шороха струй и представил, что они на дне огромной чаши, в которую со всех сторон течёт вода. Образ был жутковатым, а главное - довольно точным. Вчера они спустились на самое дно распадка и сегодня должен был начаться подъём.

"Пятые сутки пойдут, - подумал Рат, глядя в крышу. - Сколько же мы прошли? Километров пятьдесят... Может, больше. Наверное, больше. А что если нас зашвырнуло через Становой и мы не спускаемся с него к Зее, а поднимаемся на него? Тогда хандец. Мы застрянем на отрогах и просидим до зимы, как те мальчишки, белый и индеец, у Фарли Моуэта...¹⁹

Не хотелось бы... И чего Егору захотелось на Становой? От дури, наверное, а теперь мучается, видно же..."

Завозился Сашка, спросил:

- Там что, дождь?

- Он самый, - Рат лёг на бок, подпёр ладонью голову (Светка завозилась и пихнулась локтем). - Может, надолго, если это с Тихого натянуло муссон... - он посмотрел на часы. - Ладно, вы спите, а я пойду. Рано ещё, как раз поохочусь, а то...

Он не договорил. Ни вчера, ни позавчера подстрелить ничего не удалось, рыбу поймать было негде, а на растительной диете не пошагаешь. Да и третьего дня всю добычу составили два тетерева.

- Погоди, я с тобой, - Сашка сел. Рат улыбнулся:

- Зачем?

- А чтоб не один мок, - честно сказал Сашка. Рат толкнул его в плечо:

- Спасибо, но ты останься... Сань, у тебя пистолет. Только поэтому, честно.

"Да тут нет никого!" - хотел сердито сказать Сашка. И вспомнил, что именно после этих слов - и это не выдумка! - начинаются неприятности. Поэтому он просто сел удобней и стал делать из заготовок новые сандалии Светке. Третьи по счёту...

...В урмане дождь всё-таки не так уж ощущался. Было тепло, солнце должно было уже показаться, но Рат подозревал, что его и там, над деревьями, не видно за тучами. Ему вдруг показалось, что уже наступила осень, и Рат передёрнул плечами, отгоняя эту глупую мысль. До осени они дойдут к людям. Да что там, может, уже через недельку дойдут!

Около ручья, облюбованного с вечера, следов вроде бы больше не стало. Точнее мешал понять всё тот же дождь, чтоб его... В такую сырость хорошо "слышны" запахи. Лучше бы уж настоящий ливень, а так любой зверь может почуять. Одно хорошо - комары и гнус не летают, подумал Рат, осторожно опускаясь на заранее замеченную лёжку. Предстояло ждать - может, долго, может - нет, а может - и вообще бесполезно.

А дождь плакал и плакал в верхушках сосен и пихт...

...Под курткой, которую держал Егор, Ксанка сумела разжечь костёр, и после этого он, разгоревшись, только шипел, если в него особо сильно поддавал дождь. А так горел и не думал тухнуть. Его специально развели поближе ко входу в шалаш и сейчас сидели почти комфортно - плечом к плечу, сверху не капала, спереди грело.

- Я себя таким козлом чувствую, - сказал Сашка. - Мы отдыхать - он на охоту. Мы ещё не встали - он уже на засидке. И наматывает в день километров на пятнадцать больше нашего.

- Ружьё-то одно, - сказал Егор. Светка неожиданно насмешливо сказала:

- А если бы у тебя было - ты бы много наохотился?... Значит, Ксан, у черемши листья прямо от корня и тоже стрелками...

- Получил? - тихо спросила Сашка. - Не в ружье дело. А в том, что...

- А в том, что выпендриваться можно по-разному, - дополнил Егор. - Можно мобильником, а можно тем, что по тайге носишься, как лось.

Сашка пару секунд смотрел ему в глаза и уверенно сказал:

- Ты так не думаешь. Тебе завидно и стыдно, вот ты и...

- Это почему мне стыдно?! - взвился Егор.

- За отца, - сказал Сашка.

Глаза Егора стали ненормальными, Сашка почти испугался.

- А чего мне его стыдиться? - спросил он. - Он что - вор, уголовник, бандит?

- Он отсюда сбежал, - врезал Сашка и тряхнул рыжими волосами. - Струсил и сбежал от этой жизни. Скажи - нет?

- От какой жизни?! - остервенело процедил Егор. - Ты видел её, эту жизнь?! От туалетов во дворах?! От закрытого магазина?! От бездорожья, от больницы за девяносто километров?! От того, что тебе твердят "давай, давай!" - налоги давай, сына в армию давай, урожай давай! - а тебе - во?! - перед носом Сашки оказался кукиш. - От того, что пятерых детей в тайге найти не могут?! Ты думаешь, я дурак? Думаешь, я купился и перевоспитался? Нет, Сашок, это не кино, не книжка. Этот Ратмир прав. Он в самом деле нас отсюда может вывести. Только он. Поэтому я его буду слушаться. Потому что я из этого кошмара вернуться хочу. В нормальный мир. Попади мы вот так в Африке, я бы и какого-нибудь голож...го масая слушал, как святого - потому что он знает, а я нет. Но дурак - он. Первый раз дурак, потому что не намыл тут золота хоть на первое время и не свалил отсюда. Второй раз дурак - потому что упёрся в своё офицерство и хочет служить тем, кто его же и оплюёт, и бросит, как нас сейчас бросили - втравит в какую-нибудь войну и бросит, как его отца, моего дядьку - который тоже был дурак! А мой отец - он понял, что к чему. Дав-но понял, что это всё - гиблые места! Гиблое дело! Страна гиблая, она вся - как этот урман, чтоб его! А что он меня сюда послал - так это просто вспышка инстинктов, вот и всё. Представляю, как он сейчас кается!

- Замолчи, Егор! - крикнула Светка - девчонки уже давно прервали разговор и слушали.

- Замолчи, как ты можешь! Какой же ты гад! Гадина! Самый умный, да?! А что он, твой отец,

сделал, чтобы тут и больницы! И дороги! И магазин! Чтобы его матери хоть чуть легче жилось! И он гад, и ты гад!

- Ну вы что, не надо, хватит! - умоляюще попросила Ксанка, чуть не плача. Но Светка не унималась:

- Ты думаешь, ты умнее Ксанки, потому что в Англии учишься?! Да вот тебе по бороде!

Это из-за таких, как ты, у нас всё плохо! Из-за того, что вы взятки даёте, тащите, убиваете! Вернёмся - не подходи к нашему дому, я у папки пистолет возьму и... и убью тебя! За папку убью, потому что он тоже - как у Ратки! Тоже дурак! Сколько его предавали! А он не убежал, не заподлился, потому что вы... вы ради брюха живёте, а он ради страны, ради друзей, ради нас с Сашкой! И всё из-за тебя! Из-за твоей дурости! Турист, блин! Хребет ему посмотреть захотелось! Смотри! Иди отсюда, мне с тобой сидеть противно рядом! Вали! Уматывай! - она попыталась выпихнуть ошалевшего Егора из шалаша, отпихнув Сашку, обалдевшего не меньше, но не ссiliла и со всхлипом сама полезла наружу.

- Назад, - послышался спокойный голос. - Чего вы шумите?

Вскрикнув, Светка подалась обратно. Около входа в шалаш стоял Рат. Он держал на весу левую руку в кровавых лохмотьях камуфляжа...

...Пятерых поросят, морщась, разделявал Сашка. Егор и Светка пошли за ветками для коптильни - Рат, скрепя сердце и ругая себя, сказал, что они простоят тут два дня, пока у него не подживёт рука. Ксанка примеривалась шить рану на внешней стороне предплечья Ратмира, который сидел у входа в шалаш.

- Я дурак, - повторил он, кривясь. - Увидел хрюшей, думал - поколю, чтобы патрон не тратить, если даже какой и убежит - не страшно... - он пошевелил пальцами, кровь выступила на коже. - Мамаши вроде нету, послушал... Дурак, забыл, какие они хитрые бывают. Хорошо ещё, ружьё не отложил, за спину повесил... Тут она мне и дала! Целила в ноги, они всегда в бедро целят, в артерию, да я извернулся и бабахнул... Сань, ты сразу мясо режь пластинками, так полсантиметра толщиной и в два пальца шириной...

Ксанка уже зашивала рану, промыв её каким-то отваром. При этом Рат говорил совершенно ровным голосом, не морщась и не дёргаясь. Сашка почти глазам своим не верил и даже позавидовал - интересно, мог бы он вот так же вытерпеть боль? Чтобы перебить зависть, Сашка спросил, работая ножом:

- Рат, а коптильню как строить?

- Что она - дом, строить её? - проворчал Рат. - Там всех дел... Ты с этими нуф-нуфами закончил?

- Не, нет ещё.

- Ну и не спеши... Ксан, хватит, пластырь я сам наклею. Помогите разделявать.

Вернулись хмурые Егор и Светка. Светка была нагружена охапками березовых листьев. Егор волок под мышками два солидных стволика.

- Еле нашли, - сообщил он. - Почему пихту-то или ель нельзя?

- Лапник сохнет и вспыхивает, а нам дым нужен. Берёза - это хорошо, молодцы... Вот что надо сделать, - Рат достал нож и начал чертить на земле. Получилось что-то вроде треноги, на нескольких уровнях пересечённой плетёными решётками.

- И что это? - скептически поинтересовался Егор.

- Это и есть коптильня, - сообщил Рат. - Давайте-ка, сооружайте такую фигню. Егор, ты сооружай, а ты, Свет, жги угли. Разведёшь огонь-то?

- Да уж постараюсь, - фыркнула Светка.

Коптильня работала вообще-то элементарно. В нижней её части укладывались угли, их заваливали листьями. На решётке раскладывалось мясо. Потом всё это со всех сторон завешивалось плотнейшим слоем лапника - и по уверениям Рата через восемнадцать часов мясо будет готово. Для скорости добавили ещё несколько решёток повыше и пониже, чтобы готовить всё сразу. Сашка прокопал каналы для воздуха.

- Без соли будет так себе, - предупредил Рат, - но мы не банкет устраивать собрались, перебьёмся, а соль лучше на каждый день. Солонцы бы найти, да чёрта тут найдёшь...

- А что такое солонцы? - спросила Светка.

- Дикая соль, - пояснила Ксанка. - Олени туда ходят - соль лизать...

... Дождь кончился к полудню, но Сашка всё равно ловил себя на эгоистичной мысли - хорошо, что так получилось, они два дня отдохнут. Появились, правда, толпы несметные комаров и мошки, но к этому все как-то привыкли. К сожалению, негде было искупаться по-настоящему - имелся только ручей, холодный, как морозильник; вода вкуснейшая, но не поплещешься.

- Слушайте, - вдруг предложил, садясь (он лежал на лапнике возле шалаша), Егор, - а что если я добежу до этих скал? Посмотрю, где там можно подняться... Сколько тут - километров пятнадцать, завтра вернусь. Ружьё вон дай мне, и Ксанка пусть со мной идёт...

Светка фыркнула. Но Рат несколько секунд серьёзно размышлял над этим предложением. Потом покачал головой:

- Знаешь, Егор, не надо. Не будем надолго разделяться.

- Ружьё боишься доверить? - спросил Егор, но Рат только пожал плечами и больше не говорил ничего. Видно было, что ему тоже хорошо просто отдыхать.

- Рат, а тут всё названо? - спросила Светка, устроившаяся на камешках возле ручья.

- В смысле? - не понял тот. Светка пояснила:

- Ну, горы, реки... Вот этот ручей назван?

- Вряд ли, - подумав, ответил Рат. - Горы названы, конечно. А такие мелочи...

- Кабаний ручей, - сказал Светка, и Рат вытаращился на неё.

- Здорово! - выдохнул он, достал карту, на обороте которой примерно составлял план-кроку их пути и вывел карандашом возле намеченного ручья это название. - Как в книжке, правда здорово!

- А сам урман... - включился Сашка, - урман... урман Хозяина Тайги!

- Тоже красиво, - признал Рат. - А это в честь кого? Медведей мы не видели...

- В честь какого медведя, - засмеялся Сашка, кинув веточкой в Рата, - это в честь тебя! Ты и есть настоящий Хозяин Тайги!

Кровавый откос

- А по-моему, стоит ещё сутки тут постоять.

Рат промолчал, хотя голос Ксанки был умоляющим. Он никогда не спорил - и раз промолчал, значит завтра они пойдут дальше. Рана чистая, пальцы шевелятся, заживать начало - ну и всё.

Все пятеро сидели у костра, и ночь снова пугала со всех сторон своими звуками... но сейчас они больше напоминали просто школьников в походе, чем жертв аварии. Подростки эгоистичны - у них просто не получалось всё время думать о родственниках, о беде, о том, что их ищут и, наверное, считают погибшими. Больше того - в окружающей ситуации они находили всё больше и больше того, что называется романтикой. И в ночлегах, и в переходах, и даже в лёгком чувстве голода, постоянно сопутствовавшем походу.

- Как в "Повелителе мух", - сказала Светка. - Разбившийся самолёт, убитая свинья...

- Читала? - удивился Рат. Сашка хмыкнул, Светка, многообещающе посмотрев на него, призналась:

- Видео смотрела... А что, и книжка есть?

- Есть, - улыбнулся Рат, почёсывая пластырь. Ксанка шлёпнула его по руке. - Ерунда по-моему. Я себе такого поведения и представить не могу. Чтобы пацаны, обычные, нормальные пацаны так опустились.²⁰ Это что-то выдуманно.

- Выдумка тут не при чём, - вмешался Егор. В его словах был вызов; он поднял голову - в глазах блеснул огонь. - Голдинг не верил в человечество, потому что у него не было причин

в него верить. Оззи Осборн²¹ как-то сказал, когда его обвинили, что у него мрачные песни: "Покажите мне что-нибудь весёлое - и я изменю свое творчество."

- Выдумка она и есть выдумка, - ответил Рат. - Хотелось ему писать - написал бы про то, как в семьдесят четвёртом в Перу упал самолёт с девятью пацанами и девчонками - они на каникулы летели. Так эти ребята не бросились друг друга убивать из-за чего-то там, и в дикарей не превратились - неделю шли по джунглям, тащили младшую девчонку, девятилетку, и выбрались.

- Да ты любитель соцреализма, - неприятно улыбнулся Егор. Рат хмыкнул:

- По крайней мере, в соцреализме я смотрю и вижу - вот человек, вот стол, вот попугай, и не надо спрашивать, что это такое кубические нарисовано и почему памятник Петру Первому в юбке... А если ты больной - лечись, а не картины рисуй и не книжки пиши.

- Мальчишки, хватит ботанеть, - попросила жалобно Светка. - Соцреализм, нонконформизм, абстракционизм - как будто в школу попала... Давайте спою?

- Конечно, - не унимался Егор,

- "Пулька моя, я твой лобик,
тушка моя, я твой гробик,
шилце моё, я твой глазик,
рвота моя, я твой тазик!"

- Ах так? - Светка повела плечами. - Ладно... - и безо всякого предупреждения звонко и разухабисто запела:

- Всё перекаты, да перекаты -
Послать бы их по адресу!
На это место уж нету карты -
Плыву вперед по абрису!

Удивлённо поднявший голову Рат подхватил:

- А где-то бабы живут на свете,
Друзья сидят за водкою!
Владеют камни, владеет ветер
Моей дырявой лодкою!

Засмеявшись, к ним присоединился Сашка:

- К большой реке я наутро выйду -
Наутро лето кончится!
И подавать я не должен виду,
Что умирать не хочется!

- а Рат, подмигнув Светке, поднял руку и допел один:

- И если есть там с тобою кто-то -
Не стоит долго мучиться!
Люблю тебя я до поворота -
А дальше - как получится!

- и все вместе, даже Егор, повторили:

- Люблю тебя я до поворота -
А дальше - как получится! ²²

- Откуда ты её знаешь? - удивлённо и весело спросил Рат. - Я думал - у вас таких уже не поют... в смысле - в... ну, в центре.

- Мой долбанутый братишка, - гордо сказала Светка, - то и дело её горланит со своими невенормошными приятелями-маньяками, когда они у нас в гараже собираются. Поневоле выучишь... Ещё спеть?

- Да! - гаркнул Рат...

...Утром опять припозднились встать, но, хотя Рат и ворчал, настроение у всех, в том числе у него, было хорошее. Даже казалось, что перевалят за этот хребет - а там посёлок или даже железная дорога. А если и нет - всё равно дойдём! Поэтому первые несколько часов шагали даже быстрее обычного и к трём часам вышли на опушку урмана.

Точнее - опушки-то не было. Просто последние деревья росли возле скалы мрачного цвета, верхушками своими покачиваясь вровень с нею - а там поднимались уже не ели и пихты, а лиственницы и кедры.

- Пришли, блин, - Егор задрал голову. - Метров двадцать... и отрицаловка²³ вон там.

- Может, на дерево влезть, - предложил Сашка, - а оттуда как-нибудь переберёмся...

- Верхушки не выдержат, - покачал головой Рат. - Ты чего?

Егор решительно сбрасывал с плеч крошни.

- Мне нужен второй нож и трос, - сказал он требовательно. - Я влезу наверх, а там...

- Не валяй дурака, - быстро сказал Рат, но Егор спокойно ответил:

- Когда ты идёшь на охоту - я не говорю "не валяй дурака", потому что ты знаешь, что делаешь. Я лазил в Уэльсе и в Шотландии, имею значок инструктора... Да ты посмотри - она во все стороны такая!

Это было правдой - скала и влево и вправо казалась такой же. Наверное, где-то всё-таки можно было найти место для подъёма... но Рат подумал, что на это может уйти не один день, а подъём - ну час, два... Сам он был не мастером лазить по скалам, а Егор вёл себя совершенно уверенно.

- Возьми мой нож, - предложил он, - не сломается... Ты точно сможешь?

- Девяносто три процента, - внушительно ответил Егор, разуваясь. - На случай прочих семи - прошу поднять моё тело на вершину пихты, чтобы его не откопали шакалы.

Шуточку никто не поддержал - скала казалась неприступной, похожей на иллюстрацию к книгам Муркока²⁴. Поглядывая на это препятствие, все расселись на траве, а Егор решительно направился к скале.

Несколько минут он стоял, задрал голову, потом подошёл ближе, оттолкнулся и встал на невидимый снизу выступ в метре от земли. Вскинул левую руку, ударил ножом...

Замер. Переставил правую ногу, застыв в неудобно-скособоченной позе. Резко подтянулся, встал прямо, выкинул вверх и вонзил куда-то нож в правой руке...

- Хорошо работает, - в голосе Рата послышалась нехарактерная для него зависть.

- Сорвётся, ой, сорвётся... - прошептала Светка. Ксанка молча толкнула её в бок, но

Светка не унялась:

- Ай... вон ему уже и наступить некуда!

Это было правдой - Егор замер, висая на руках и шаря левой ногой по скале. Снизу было видно, как натянулось струной сухожилие над правой пяткой. Сашка издал неопределённый звук... но Егор качнулся и встал прочно, а потом подтянулся и встал выше - уже прочно. Стоял он там довольно долго, вжавшись в камень. Но потом разом поднялся на несколько

метров, вонзая ножи и отталкиваясь ногами. И опять замер - точно под "отрицаловкой".

- Вот и приехал, - без осуждения, с досадой на препятствие, сказал Рат. - Дальше-то он как?

Но, судя по всему, Егор это рассчитал заранее. Он запрокинул голову, отстранился, удерживаясь на левой руке... взмах, удар!

- А... - начала Светка, но Ксанка закрыла ей рот и прошептала:

- Он поднимется, молчи... он ловкий...

Ахнуть было от чего - Егор висел на правой руке, на ноже, заклиненном в щели "отрицаловки". Ногам опоры не было и быть не могло... Вот он медленно поднял левую руку, нож покачался, как клюв дятла... ткнулся раз, другой... удар! Егор подтянулся, с усилием выдрал второй нож... удар!

- Здорово, - признал Рат. Егор поднимался на руках, и про себя Рат подумал: если сорвутся пальцы - всё. Егор между тем раскачивал тело, как раскачивают качели... бросок - и он уперся ногами в какой-то выступ, замерев параллельно земле.

- Ну даёт... - Сашка облизнул губы.

Егор переместил левую руку, ударил, качнулся, подтягиваясь, ударил правой - и ногой обвил торчащий из откоса корень.

- Добрался! - завопила Светка, отдёргнув голову.

- Молчи, дура... - процедил Сашка, не сводя глаз с Егора, который вытянулся струной и пропустил корень под локтем. Он делал какие-то странные движения, и Рат тихо ахнул:

- Пальцы свело, он нож выпустить не может...

- Точно... - Сашка выдирал возле себя пучки травы. - Точно, точно, точно...

Егор что-то сделал - нож упал под скалу, опираясь на второй и работая ногами и одной рукой, мальчишка карабкался вверх и быстро исчез за краем. А через минуту вниз полетел, разматываясь, трос...

...Когда Рат первым поднялся на откос, Егор сидел возле кедра, на здоровенном корне. Левая рука и пальцы ног у него были в крови, он посмеивался и кривился.

- С рукой что? - Рат сел рядом.

- Да ерунда... - Егор убрал её за спину, но Рат перехватил её и увидел следы глубокого укуса.

- Пусти, говорю! Девчонкам вон влезть помоги...

- Они сами влезут, а ты давай руку сюда. Кто там знает, что у тебя на зубах, тебя ж лишний раз почистить не заставишь... - глаза мальчишек встретились, и Рат сказал: - Вот теперь я верю, что ты мой брат. Двоюродный.

- Иди ты знаешь куда? - дружелюбно спросил Егор. - Сейчас Светка меня починит. Отдай руку, а то сейчас кто влезет - что о нас подумают?

Но чинить Егора взялась, как ни странно, Ксанка, хотя влезла после Светки - та только сочувственно поохала, косясь, чтобы Рат не упал. Пока он втягивал связку крошней, Ксанка уже обработала руку Егора и решительно занялась ногами, сбитыми о камень. Егор смущённо покраснел и улыбался растерянно, но не сопротивлялся.

Последним влез Сашка. Стоя на краю, потянулся и, обернувшись в сторону светлого леса, сказал:

- Ну, выбрались из этого кошмара.

- Из этого выбрались, но теперь у нас будут другие проблемы, - пообещал Рат.

- Назовём эту скалу Кровавый Откос, - объявила Светка, - отмечай на карте, Рат!

Предшественники

Что имел в виду Рат - стало ясно ещё до того, как пятёрка добралась до гребня. Тут, в этом лесу, было светлее и веселей, оказалось меньше мошки и комарья, но зато оказалось полно буреломных завалов, зачастую просто непроходимых - их обход увеличивал путь вдвое, а перебираться даже через небольшие было на редкость утомительно.

Впрочем, большой плюс оказался с едой. Рат в самом деле был умелым охотником и в этих условиях для того, чтобы добыть пропитание у него уходило уже не часы, а от силы час. Кроме уже известных Светке стрелолиста, саранок, ореха и жимолости, тут росли грибы и ещё полдюжины съедобных растений, а в небольших речушках (или больших ручейках) легко ловилась рыба.

Вторая ночёвка после подъёма на Кровавый Откос была всё ещё не за гребнем. Би-вак разбивали уже привычно, без разговоров, делая каждый свою часть работы. В отличие от первых вечеров сейчас хватало времени и для болтовни с подколками, и для пения без аккомпанемента, и для шахмат на расчерченной на земле доске. Именно доску и чертил Рат, когда неожиданно оставил нож и копнул рукой - раз, другой...

- Золото нашёл? - пошутил Сашка, заканчивавший украшать шалаш ветками.

- Угли, - продемонстрировал Рат то, о чём говорил. - Старые...

- Пожар был, - предположила Светка, следившая за тем, как жарятся три тетерева. Рат повёл рукой:

- Не было пожара. Этим деревьям лет по триста... О, вот и ещё находка! - он выковырнул из горелой земли и углей какой-то ржавый обод. - Это от консервной банки... Кто-то тут лагерем стоял.

- Да ну и что? - пожал плечами Егор, мастеривший себе новую пару "обуви". - Лет сто прошло, наверное...

- Да, наверное, - Рат перебрался чертить доску на другое место.

"Бббауммм... бббауммм... бббауммм..." - послышались неподалёку странные звуки.

Ксанка вскинула голову:

- Амба...

- Кому? - поднял голову от изготовления фигур из сучков Сашка.

- Да не кому... - Рат огляделся. - Тигр. Амба.

- ТИГР?!?!?!?

Все, кроме Рата и Ксанки, повскакали на ноги. Рат улыбнулся:

- Да хватит... Он наверху, на гребне. А если бы и близко - нечего бояться.

- Как у тебя всё просто... - Светка, усаживаясь, покачала головой. - Завтра динозавр башку из кустов высунет, а ты скажешь: "Да ну, он травоядный..."

Рат коротко рассмеялся...

...В этот вечер он лёг не сразу. В шалаше после обмена толчками и пинками всё затихло, а Рат сидел возле всё ещё отплёвывающегося огоньками костра, обняв ружьё, смотрел на звезду в узорной прорези крон и думал. Он думал, долго ли им ещё идти и куда они выйдут. Думал, как там бабуля. Думал, что скоро середина лета. Думал, что тигр, конечно, уже ушёл на ту сторону хребта. Но за всеми мыслями продолжал следить за происходящим и не прозевал Светку, которая очень тихо (по её мнению) вылезла из шалаша и подкралась сзади.

- Не спится, что ли? - не меняя положения, спросил он. - Садись.

- А я-то думала - замечтался, сейчас напугаю, - разочаровано сказала Светка, опускаясь на лапник.

- Пугать человека с ружьём опасно, - усмехнулся Рат.

Стало тихо. Светка, глядя на угли, спросила:

- Рат, у тебя девушка есть?

- Нет, - отозвался Рат, не сводя глаз со звезды.

- А почему?

- Нет, и всё.

- Значит, если я тебя поцелую, ты никому не изменишь?

- А? - Рат дёрнулся, вытаращился на Светку, серьёзно глядевшую на него. - Что ты сделаешь?!

- Вот я и нашла твоё слабое место, атаман, - удовлетворённо сказала Светка. - Ты боишься девчонок. Могу поспорить, что ты даже не целовался никогда... А тебе когда

девчонки снятся - ты какую-то конкретно видишь?

Рат почувствовал, что багровеет. И ещё - что он не может ничего сказать, из головы вылетели все мысли.

- Не тормози, - Светка на четвереньках перебралась ближе. - Ну? Главное начать.

- А... Егор? - выдавил Рат. - Ты с ним...

- И с ним, и ещё с мальчишками, - беспечно ответила Светка. - Надо же сравнить... Он мне, правда, нравился больше остальных, по-моему, я даже его любила... немного, но ты ещё больше нравишься... Куда ты отползаешь?

- Я... нне отползаю я никуда...

- Как не отползаешь, если я всё ползу, ползу, а тебя всё нет и нет?.. Неужели у вас в интернате все девчонки такие дуры, что тебя не видят? Или ты гордый и неприступный?

Или... ой, не пугай меня, ты что, не такого цвета?

- Да всё я такого... Све...т... пого...

Ружьё мягко упало в хвою. Рат окаменел, опираясь на руки. Светка, оторвавшись от его губ, сердито сказала:

- Да обними ты меня, дурак, ну?! И ещё кое-что можешь, если хочешь... только не совсем, ясно?

- Свет, не надо, - Рат отодвинулся, потёр щеку.

- Ну ты точно дурак, - потрясённо сказала Светка, качая головой. Посидела, резко вскочила и вернулась в шалаш.

Рат остался сидеть. Протянул руку, поднял ружьё, отряхнул от несуществующего сора, слушая, как остервенело возится в шалаше Светка. И откинул голову, крепко стукнувшись затылком о кору дерева...

... - И зачем ты мне об этом рассказал? - спросил Сашка.

Они стояли на краю колышущегося знойного разнотравья - ещё немного подъёма, и начнётся спуск в новый распадок.

- Ну, - Рат потёр лоб, - ты всё-таки её брат...

- Слушай, извини, но ты в этом отношении сельский тормоз, - откровенно сказал Сашка.

- Потискал бы её, и дело с концом. И она довольна, и тебе понравилось бы.

- Я... - Рат замялся. Сашка нахмурился:

- А ты не...

- Нет!!! - рявкнул Рат. Сашка засмеялся:

- Да ладно тебе... У нас в параллели пятьдесят два парня, из них трое того...

- У нас тут такого не водится! - Рат закрутил головой. - И вообще, я же её... ну, она мне нравится, но...

- А что - "но"? У меня есть девчонка. Думаешь, она со мной одним целуется? Как мы с ней поцапаемся - так она мне сразу мстит, а потом миримся. И так уже год.

- А ты мстишь? - хмыкнул Рат. Сашка осклабился:

- Иногда... У нас девчонки на это слабые, без принципов. А тебе я говорю, ты тормоз. Неужели ты ни разу...

- Ни разу! - поклялся Рат. - Я как-то... В общем, мне не до этого...

- Вот что, - Сашка задумался. - Если она начнёт над тобой прикалываться - не обращай внимания. А вот если не начнёт - то дело плохо. Значит, она в тебя втюрилась. По-настоящему, как раньше в Егора.

- Мальчишки, вы чего там застряли?! - окликнула Ксанка. - Вот тут амба ходил, следы есть!

Следы тигра меньше всего заинтересовали Рата. Он всмотрелся в очередной изгиб и сказал:

- Внизу большая река... Вон, видите - лес как будто прерывается, тёмная полоса? Река.

- Ну и что? - не понял Егор.

- Переправляться придётся. Чёрт его знает, как - ладно, послезавтра дойдём и решать

будем...

- До чего хорошо шагать вниз, - вздохнула Светка, - ноги сами бегут...

...Чистейший источник вырывался из трещины в скале с силой струи, бьющей из шланга - точнее, не из трещины, а из трубы, представлявшей собой два соединённых деревянных жёлоба. Выше на граните белели выбитые буквы в рамке:

4-й ПИОНЕРСКИЙ СТАЛИНСКИЙ ПРИИСК

Все пятеро путешественников молча созерцали эту надпись. Светка вдруг спросила:

- А почему жёлоб не сгнил?

- Лиственница не гниёт, - рассеянно отозвался Рат. - Пионерский прииск...

- Что за фигня? - требовательно спросил Сашка. Рат отозвался:

- Не фигня это... В Великую Отечественную на каникулах ребята ходили в тайгу золото мыть. Ну, в других местах на заводах работали, на фабриках, а у нас предприятий не было. Золотом за технику с Америкой и Англией расплачивались... Вот и сюда ребята забирались... Так, - он огляделся, - значит, рядом должна быть стоянка. Может даже балок. Ищите тропинку или хоть намёк!

- Здесь золото мыли? - Егор смотрел по сторонам внимательно.

- Не здесь, - покачал головой Рат. - Мыли скорее всего в реке, там, внизу. Тут просто воду брали... Расходимся - я с Егором, девочки с тобой, Саш. Вы туда, мы сюда, - Рат указывал рукой, - встречаемся тут через час, если ничего не найдём. Если кто что найдёт - возвращается сюда и даёт сигнал выстрелом.

- На кой нам вообще искать этот... балок? - спросил Егор.

- Да хотя бы потому, что там могут быть какие-нибудь припасы, - пояснил Рат.

- С сороковых годов?

- Не обязательно, - Рат вздохнул. - Мало ли кто мог тут ещё бывать...

...Мальчишки молча пробирались через завал. К потным лицам липла паутина: через одни стволы, опрокинутые в незапамятные времена какой-то странной и страшной силой, приходилось перелезать, под другими - пробираться. Егор попробовал прыгать, но грохнулся, едва не сломав себе шею.

- Ну это вообще, - не выдержал он. - Откуда такое?! Буря так повалить не могла!

- Тайга, - отозвался Рат. - Почему-то все считают, что разные там загадки, - он присел на удобный ствол, Егор опустился рядом, - они в джунглях, на тропических островах... А вся амазонская сельва²⁵ размером с нашу Западную Сибирь... Егор, а что ты хотел посмотреть на Становом Хребте?

- Не забывай, - Егор потянулся, - я же самодур и сынок нового русского. Стукнуло мне в голову - я и попёр... ой, смотри...

Но Рат уже и сам притих, невольно улыбаясь. Большой серый волк важно шествовал по наклонно лежащему дереву - здоровенная сосна рухнула, комлем оставшись на земле, а вершиной упершись в переплетённые ветви двух кедров. Волк прошествовал до середины и, сев, начал внимательно осматриваться.

- Если ты не вышел ростом - полезай на дерево, - давась смехом, прошептал Рат. Егор тоже улыбался, но потом спросил:

- А он не нападёт?

- Не нападёт, - шепнул Рат. - Летом волки не нападают. У него сейчас волчица и логово с волчатами. Это он им добычу промышляет... Ладно, пошли.

- Пошли, - Егор встал. Волк оглянулся и замер, превратившись в серый нарост, только умные и жестокие жёлтые глаза сопровождали уходящих мальчишек. А те сделали всего ещё полсотни шагов (если по прямой) - и Рат удовлетворённо хмыкнул:

- Так и есть... Тропа.

- Да где? - Егор вертел головой, глядя под ноги.

- Не там, - Рат сделал ещё шаг и, коснувшись толстого ствола кедра, показал

тёмный наплыв. - Вот старый затёс. А вон ещё... ещё... - он зашагал дальше. - Ого!

- Что? - Егор поспевал за ним. Рат поднял из-под ног какие-то трухлявые деревянные, кое-как скреплённые ржавыми металлическими полосами. - Это что за фигня?

- Лоток, - пояснил Рат. - Грохот... Вот в таких моют золото. Только... - он огляделся, - почему его тут бросили?

- Сломался, - предположил Егор. Рат улыбнулся:

- Наш человек даже сломанную вещь не бросит... Ага, вон и балок!

Егор признавался себе, что он не заметил бы балка, даже пройдя рядом - разве что уперся бы в дверь. Низкое, покосившееся здание из толстых потемневших брёвен было покрыто гонтом - черными и трухлявыми от времени пластинами коры. Окна без переплётов пусты, заросли кустарником. В одном сидел бурундук, мешочком бесшумно свалившийся внутрь, когда мальчишки подошли ближе.

- Нет, - сказал Рат, осматривая здание, - тут никто не был с тех пор... А дверь не припёрта. Странно... - он, осторожно ступая, подошёл вплотную, коснулся чёрных досок, потом - ремённых петель. Рат качнул дверь на себя - и она выпала, открыв тёмное сырое нутро балка.

- Сгнили, - сказал Егор. Рат покачал головой, не поворачиваясь к нему:

- Нет... Смотри, они разорваны. А вот это, - он указал носком сапога на кусок деревяшки, торчащий с другой стороны упавшей двери, - обломок засова... Её вышибли, а потом прислонили... Рат взял ружьё наперевес и шагнул внутрь - влился в дверной проём плавным движением.

Егор остался снаружи. И посреди солнечного тёплого дня его охватил страх. Начало казаться, что из-за каждого дерева, из-за каждого куста за ним следят внимательные глаза. Недобрые.

- Рат... - позвал он, почти уверенный, что Ратмир не откликнется. Но тот появился в дверном проёме, и его лицо было мрачным.

- Иди сюда, - позвал он и кивнул. - Приготовься. Смотри.

Внутри балка света было достаточно. Но так же достаточно сюда, очевидно, наметало снега и попадало дождя - пахло сырой гнилью, всё осклизло и отрухлявело, крыша светилась дырами и щелями. Плесень покрывала широкий топчан, сломанный стол, скамью, шкаф с распахнутыми дверцами и полки... На деревянных колышках висело какое-то тряпье, на стене над топчаном - непонятные лоскуты и размокший портрет Сталина. Около стола лежал разбитый громоздкий приёмник. И только потом Егор увидел скелеты.

Один лежал в углу топчана, рядом с ружьём. Другой - за столом, у стены; Егор заметил большие часы на костяном запястье. Скелеты были прикрыты тряпьем.

- Вот и Катферт с Уэзерби... - прошептал Егор. - Да, это явно не пионеры...

- Катферт и Уэзерби тут ни при чём, - возразил Рат. - И это именно пионеры. Присмотрись, они при жизни были ниже нас. И ещё... - он подошёл к топчану, склонился над скелетом. - Зубы здоровые, но их всего двадцать восемь. Мальчишки.

- Они убили друг друга?! - выдохнул Егор, сглатывая. - Из-за золота?!

- Нет, - тихо сказал Рат, выпрямляясь. - Во-первых, я не вижу золота. Во-вторых - это, - он указал на ружьё, - Это бэшка, курковая тулка шестнадцатого калибра. А они не застрелены. У них просто сломаны шеи.

Егор тяжело дышал. Ему становилось всё страшнее и страшнее.

- Что это... значит?

- Они мыли золото - вряд ли вдвоём, топчан широкий, - Рат ходил по балку, осматривался. - Потом большинство отправились с золотом к людям, а эти двое остались. Не знаю, почему - скорее всего, следить за балком. Основная партия не вернулась. Наверное, тоже погибла. Вряд ли их могли найти - война шла, да и средства тогда были... Я об этой истории никогда не слышал - наверное, ребята были не из наших мест, а с запада...

- Да что с ними случилось-то? - взвинченно и зло от страха спросил Егор. - Бандиты?

- Нет, - покачал головой Егор. - Сороковые годы были почти единственным временем,

когда тут не было бандитов... И потом - из ружья не стреляли. Такой засов человек сразу не сломает... Даже если кто-то и начал ломиться в дверь - ребята просто приготовились бы к обороне... и уж один-то раз пальнуть успели бы. А тут смотри - этот лежал на топчане и чистил ружьё, этот - за приёмником. Кто-то ворвался одним махом - они даже и дёрнуться не успели. Потом ушёл... а дверь прислонил обратно.

- Рат, ну что ты говоришь? - почти жалобно спросил Егор. - Как это прислонил... кто это был-то?!

- Не знаю, - отрезал Рат. Потом смягчился и пояснил: - Кто-то. Вот что... девчонкам ничего говорить не будем.

- Конечно... - кивнул Егор. - Слушай, а ружьё, оно...

- Да нет, не годится оно уже, всё проржавело... Вон, в шкафу была еда, но тоже всё пропало... И ничего не взято.

- Думаешь, это было что-то... - Егор побелел. - Ну, как в "Секретных материалах"?!

- Почти наверняка, - спокойно ответил Рат. - Кто-то из жителей лесов, паталогически ненавидящий людей. И нам надо отсюда уходить. Конечно, прошло больше полувека. Но мне не хотелось бы, чтоб такая же судьба постигла нас - как наших предшественников... - он посмотрел на Егора и спросил: - Страшно?

- Да, - искренне ответил тот. - Как будто мы в параллельный мир провалились... Я иногда сомневаюсь: вообще на свете есть другие люди, или?..

- Есть, - Рат поднял с мокрого пола покрытую пятнами плесени планшетку. - И мы до них доберёмся.

Большая беда

- Ну и зачем, ну и куда ты нас гнал?! - бунтовала Светка, осматривая свои ноги. - Ни разу даже не остановились, ни разочка! Куда мы летели?! То ищи ему какой-то балок, то - бежим, бежим!

- Свет, - Рат, подогревавший над огнём полоски холодного мяса, поморщился, - ну что ты шумишь? Тигр там. Рат сказал - по следам какой-то странный, может, бешеный, деревья драл, мы кору видели...

- А нормально сказать нельзя было? - Светка заозиралась. - Э, а он отстал?

- Да он за нами и не гнался, - успокоил Рат. - Это я просто подстраховался... Чёрт, опять комарьё...

Комары в самом деле свирепствовали, где-то восточнее над хребтом погромыхивало и скрежетало в небесах - там шёл дождь. Лагерь был разбит у реки - не очень широкой, но бурной, на перекатах которой торчали валуны. Рат прежде чем отдать команду разбивать лагерь, долго бродил по берегу, что-то бурчал, в чём-то сомневался, но в конце концов махнул рукой.

На этот раз все устали - почти как в первые дни - и сразу после ужина девчонки завалились в шалаш, да и мальчишки засобирались. Но Рат остался сидеть у огня. Устроив на колене свечу, он раскладывал бумаги из сумки.

Большинство из них слиплись в однородную массу, тут и там пропитанную синими пятнами расплывшихся чернил. При попытке разделить страницы всё это просто разлезалось под пальцами. Но под пластмассовой панелью сохранилась карта и, когда Рат осторожно разложил её на траве и посветил, то не сдержал вскрика:

- Уда!!!

Отметка на карте - "4-й п. Ст. пр." - не оставляла сомнений. Они находились около притока Уды и буквально через пару дней должны были упереться в эту реку! Дальше - не на юг, а по левобережью, против течения, ещё дней пять - и они почти на Зее, а там до Верхнезейска - рукой подать, дня два!!! Если только раньше они уже не встретят людей! Да что там - по Уде в Удскую губу ходят и моторки, и катера! Может, они уже дня через три будут с людьми! Знать бы заранее, забрать бы западней (Рат стукнул по земле) - и как раз

сейчас они подходили бы к Верхнезейску! Верховка отбросила их не на север, а на северо-восток... И "финист" рухнул в один из притоков Май или Тыркана... Рат тихо рассмеялся. Если бы не карта... Он вполне мог бы организовать переправу через Уду - и переть ещё недели две до самой Селемжи, где поселения стоят сплошняком - вот была бы напрасная прогулка...

Он ещё раз потрогал бумаги и, вздохнув, осторожно положил их в огонь. Тщательно осмотрел планшетку, но больше ничего не нашёл. Больше всего ему хотелось разбудить остальных - и прямо сейчас махнуть через реку, и идти всю ночь, чтобы быстрее приближаться к цели... Но все устали, и он устал тоже - и сейчас понял это отчётливо.

Вокруг царила абсолютная тишина, только над хребтом урчало и рокотало несмолкаемо, но гроза не приближалась, а скатывалась по противоположному склону - туда, куда завтра лежал их путь. Что-то мешало идти спать. Рат встал, прошёлся, прислушиваясь и думая. Вспомнились скелеты в балке. И ещё - как тем летом, когда он работал с золотоискателями, он видел, как два человекоподобных существа пожирали загнанного ими лося. В этих существах не было ничего от книжных "снежных людей" - неандертальцев - огромных, но робких в общем-то существ. Рат залёг в кустарник - не надеясь на нож или ноги (ружья с ним не было) - и окаменел, как зайчонок; ужас дал верный совет, не спуская глаз со страшной трапезы, он медленно стал черпать ладонями землю с палыми листьями, с травой, и размазывать по лицу и рукам. Ни один зверь не убьёт, если не голоден или не ощущает опасности для своей территории... но эти два существа не были зверями. И людьми они тоже не были. Когда одно из них вдруг выпрямилось и застыло, потягивая носом воздух, Рат закрыл глаза и перестал дышать и думать.

Когда он открыл глаза - эти двое удалялись через кустарник, бесшумно и плавно. Но он ещё долго лежал, пока не услышал, как его зовут заволновавшиеся мужики.

Им Рат ничего не рассказал. Но в Зее как-то раз обратился к одному зоологу, бывшему там с экспедицией. Зоолог со смешком сказал мальчишке, что "меньше надо жевать галлюциногенные грибы, когда в походы ходишь". Рат обиделся до немоты. Но потом понял, что этот самодовольный человек уютно устроился в мире, где всё описано и классифицировано - и не желает никаких новшеств и открытий, могущих разрушить привычные представления.

Однако сейчас это было не интересно и не смешно. Рат иногда думал: что если мать и отца убили именно такие твари - или ещё кто-то из таящихся в тайге непонятных и странных существ, о которых рассказывают легенды местные жители, золотоискатели и охотники? Тысячи людей ходят в тайгу, возвращаются - и ничего такого не видят. А кто-то идёт - и пропадает. И не расскажет никогда, что - или кто! - было причиной его пропажи... Тем более, что в тайге куча причин, по которым и так можно пропасть...

Ложиться спать было страшно. Но если не лечь - завтра будешь никакой. Если бы Рат знал точно, что вокруг бродят бандиты или хунхузы - он бы не побоялся лечь, приняв определённые меры предосторожности. Мальчишка был уверен в том, что умеет и знает больше любого из таких. То же касалось и зверей, которые так пугали его спутников. Но соперничать в хитрости и осторожности с... даже не со зверем и не с человеком, а с чем-то средним?

- К чёрту, - тихо сказал Рат. - Это было давно. Ты вообще не знаешь, что это было и изводишь себя. Ложись спать...

...Рат проснулся рывком и сел. В шалаше никого не было - только он и какая-то тёмная масса у другой стены.

- Кто здесь? - спросил мальчишка, шаря ружьё.

- Ты это ищешь? - послышался голос, и в лоб Рату уперлись, высунувшись из темноты, стволы его вертикалки. Рат отшатнулся:

- Где остальные?

- Я их съел. Люди лёгкая добыча.

- Ты кто? - Рат взялся за рукоять ножа, и в шалаше стало светло. Он увидел

разбросанные окровавленные кости и что-то такое страшное, держащее в лапах его ружьё, что закричал...

...И открыл глаза.

Сперва ему показалось, что он продолжает спать - в шалаше возились и вскрикивали все сразу, а рёв, показавшийся ему собственным криком, только усиливался, смешиваясь с рокотом и змеиным шипением.

- Что это?! - истошно закричала Светка. - Рат, что это?!

А он уже понял - что, и это было страшнее всех представлявшихся ему страхов, а главное - так предсказуемо, что Рату захотелось убить себя за глупость. Но времени терять было нельзя, и он закричал:

- Наружу! Быстрей! Хватайте вещи, наружу, вверх, бегите!!!

Никто не стал ничего спрашивать или артачиться. Но всё равно было уже поздно.

Грохот и рёв стали невыносимыми, окружили шалаш - и внутрь ворвалось что-то белое и крутящееся, в чём почти невозможно было узнать речную воду...

...Медведи обожают падаль. Стоя в кустах на четвереньках, бурый всматривался и внюхивался. Он был сыт до отрыжки, обожрался оставленной пронёсшимся потоком рыбой, а для того, чтобы добраться до заманчивого куска, нужно было перебираться через реку. Что-то пробурчав, медведь, закидывая зад, ушёл в кусты, решив, что вернётся позже - дохлятина никуда не денется.

Рат открыл глаза именно в этот момент. Он не увидел медведя - под ним бежала серая вода, она несла мусор, ветки, что-то ещё, и от этого движения кружилась голова, а тело покачивалось, руки тянуло вниз. Ещё через пару секунд Рат понял, что вода ни при чём - он висел в ветвях куста, раскачивался с ними вместе, и руки тянуло ружьём, болтавшимся на ремне, намертво захлестнутом вокруг кистей.

Больше ничего не было. Ни сапог, ни коробки с НЗ, ни ремня с ножом и патронами.

Рат несколько раз дёрнулся, упал в воду, встал на ноги, хотя его толкало в грудь течением - и выбрался на берег, занесённый илом и замусоренный. Кое-где виднелась рыба. Рат подумал, что её надо собрать, а потом вяло решил, что это бессмысленно.

Он остался один.

И едва он это подумал, как услышал:

- Рат! Ратка! Раточка-а!!!

К нему бежало какое-то существо, следом шло, прихрамывая, ещё одно. Они были грязные, всклокоченные, какие-то перекошенные - Рат вскинул ружьё, но тут же опустил его и заорал:

- Светка! Светка, Саня!!!

Светка повисла на нём гирей и начал целовать в лоб, в щёки, в губы, твердя:

- Я думала... я думала, ты утонул... я думала, ты утонул, утонул, утонул...

Подошёл Сашка. Он был без куртки, но с маузером - без кобуры и, конечно, без запасных патронов, оставшихся в ней. Молча облапил сестру и Рата. Светка ревела. Рат спросил:

- Сань, что с ногой?

- Ерунда, немного ушиб, - ответил тот. Штанина у него тоже была разодрана, виднелся кровоподтёк, но не больше, слава богу. - Рат, что это было?

- Я дурак, - Рат мягко отстранил Светку. - В горах прорвало озеро... Гроза. Я идиот. Я убегал от выдуманной опасности и влез в настоящую ловушку. Заночевал в грозу возле реки... Я всех убил... Где остальные?

- Не знаю, - покачал головой Сашка. - Нас со Светкой понесло, мы вцепились друг в друга, потом куда-то выбрались, на какие-то камни... Мы никого не видели.

- Надо поискать вещи, - предложила Светка и, всхлипнув, вытерла нос.

- Вещи наши в Уде, - ответил Рат, - а до неё два дня.

- В какой Уде? - хлопнула глазами Светка.

Рат соврал - сказал, что вчера сумел определиться. Светка взбодрилась:

- Но мы же и так можем дойти, - сказала она. - Ведь правда же, можем!

- У меня восемь патронов к нарезке и один в нижнем стволе, картечь, - сказал Рат. - У Сашки - десять. Нам даже обувь сделать нечем, мы даже носки потеряли. Мы огонь не разведём... Мы можем дойти, но чего нам это будет стоить - я не знаю. Я теперь вообще ничего не знаю.

- Егор!!! - ахнула Светка.

Все обернулись.

Егор брёл по камням через реку. Его качало. Увидев остальных, он замахал руками, соскользнул в воду, побрёл вброд, всхлипывая и загребая воду руками. Все трое бросились навстречу, вытащили его на сушу.

- Ксанка... - выдохнул Егор. - Я её... я её спас, но... у неё нога... нога сломана, ребята.

Рат закрыл глаза.

"Конец", - ясно и отчётливо подумал он...

...Сашка и Рат упорно и ожесточённо выламывали сучья попрямее. Ксанка, полусидя возле дерева, в обнимку со Светкой - её нога уже была заключена в лубок с обмазкой из глины - тихо, но настойчиво просила:

- Ну ребята... ну поднимите меня повыше, к ручью... а сами идите... пистолет мне оставьте и идите... я без еды долго продержусь... а вы дойдёте и обратно на вертолёт...

Светка синхронно с ней и так же негромко и настойчиво возражала:

- Ксаночка, ну как мы тебя оставим... а если зверь... тигр или медведь... а если мы то место не найдём...

- Хватит! - заорал Рат. - Ну! Мы или вместе дойдём - или вместе сдохнем! Я сказал!!! - и швырнул наземь слегу для носилок.

- Это из-за меня.

Егор сидел на поваленном дереве и кривил губы. Левая сторона лица у него была разодрана - ударился о камни, когда бросился в поток и вытащил практически беспомощную, потерявшую от боли сознание, Ксанку, чудом им замеченную в этой круговерти. Он набрал воздуха в грудь, выдохнул и повторил:

- Это из-за меня.

- Слышали уже, - отозвался Сашка.

- Но ничего не поняли, - Егор встал. - Это всё из-за меня. Из-за меня погибли два человека. Из-за меня мы здесь.

- И в этом нет ничего нового, - сказал Сашка.

- Знаете, что я хотел на Становом? - Егор засмеялся. - Да золото же! Золото! У отца была старая карта, а на ней отмечены прииски, ещё дореволюционные, заброшенные! Она у меня в рюкзаке лежала... Я как понял, что от этой поездки не отверчусь, подумал: а что, если?... А потом я бы всё и всех послал к чёртовой матери - и отца, и семью, и страну, потому что с золотом везде хорошо! Поди туда! Поезжай сюда! Учи то! Сделай это! Да к чёрту, к чёрту, к чёрту! Я бы жил, как хотел! Где хотел! Но я клянусь! Я честное слово даю! Я не хотел, чтобы из-за меня - хоть кто-то, хоть кто-то погиб!

- Да что ты на себя наговариваешь?! - вскрикнула, оттолкнувшись локтями, Ксанка.

- Нет, насчёт карты - правда, - сказал Рат. - У деда была такая, мне отец говорил...

Наверное, Владимир Никифорович её взял, когда из дома убежал... Егор?..

- Да, - Егор кивнул, - он хотел сперва искать золото, но потом... короче, не получилось.

А потом он её просто так хранил... Я понимаю сейчас, я как дурак... как будто это просто - пришёл, поднял...

- Бывает и так, - спокойно сказал Рат. - Пришёл, поднял... Этот край на золоте стоит...

- Всё сказал?

- Я? - Егор вытаращился непонимающе. - В... всё...

- Ну и ладно... Чью куртку на носилки пустим?

- Мою, - Егор начал стягивать куртку.

Путь домой...

Егор упал не сразу - очевидно, побоялся уронить Ксанку. Он просто встал на колени, поставил ручки носилок на землю, а потом завалился на бок, и Рату показалось, что Егор начинает таять от дождя, растворяться в земле. Он рывком поднял двоюродного брата, несколько раз ударил по щекам. Ксанка смотрела большими глазами. Сашка держал передок носилок один.

Дождь начался утром и шёл - то тихий, то бурный, тёплый, но непрерывный, облака висели над самыми головами. Позавчера и вчера они ели сырое мясо - Рат застрелил кабаргу. Но до этого три дня ничего не было, пока они уходили от реки, зверьё разбежалось от потопа - и приходилось пробавляться зеленью и сыроежками, высыпавшими кое-где. Светка пыталась раздобыть огонь трением... Сегодня утром выяснилось, что мясо уже начало пахнуть - сыро и тепло, слишком сыро и слишком тепло...

- Пусти, я сам, - Егор оттолкнулся. - Я просто споткнулся...

- Держи, - Рат сунул ему двустволку и принял носилки. Плечи загудели. Они несли носилки по очереди, но плечи не успевали отдохнуть и покрылись лопнувшими мозолями в первый же день.

- Ещё не твоя очередь, - хрипло сказал Егор. Лицо у него стало остервенелым.

- Я сильнее, - отозвался Рат. - Пошли, чего стоять...

И они снова пошли. Они шли вдоль Уды, первый день шли вдоль Уды, Рат был в этом уверен, хотя к самому берегу подобраться не удалось - мешали буреломы и завалы. А значит - понемногу приближались к цели.

Втрое медленней, чем он рассчитывал. Ступни почти не ощущались днём, словно деревяшки, пристёгнутые к щиколоткам, зато по ночам они ныли, гудели и чесались от укусов комарья и многочисленных ссадин и порезов. Сил встать просто не было, и Рат поднимался первым, даже не через силу, а вообще непонятно, как. И поднимал остальных. Светка угрюмо молчала, а Ксанка каждое утро плакала, хотя её несли, и закрывала глаза, когда Рат будил мальчишек. Сашка ругался, а однажды ударил Рата. Егор всё делал молча. Они по-прежнему ночевали в шалашах, делать которые с одним складным ножом Сашки, уцелевшим у него в кармане, оказалось в сто раз трудней - а вечером и так всё валилось из рук.

После первых десяти шагов Рату вдруг показалось, что Светка чокнулась. Она вдруг откинула голову и запела - громко и весело:

- Ищи меня сегодня среди морских дорог,
За островами, за большой водою,
За синим перекрёстком двенадцати ветров,
За самой ненаглядною зарёю...

- Светка, ты чего? - спина Сашки качнулась, он, похоже, подумал об этом же, но его сестра ответила:

- Здесь горы не смыкают снегов седых одежд,
И ветер - лишь неверности порука.
Я здесь построил остров - страну сплошных надежд
С проливами Свиданье и Разлука...

- и Рат подхватил:

- Не присылай мне писем - сама себя пришли,
Не спрашивая тонкого совета.
На нежных побережьях кочующей земли

Который год всё ждут тебя рассветы...

- и Светка окликнула брата:

- Ну?! Это же ваша песня, подпевай! - и Сашка присоединился:

- Пока качает полночь усталый материк,
Я солнце собираю на дорогах.
Потом его увозят на флагах корабли,
Сгрузив туман у моего порога.
Туман плывёт над морем, в душе моей дурман,
Всё кажется так просто и не просто.
Держись, моя столица, зелёный океан,
Двенадцать ветров, синий перекрёсток!

- и они всё впятером ещё раз пропели:

- Держись, моя столица, зелёный океан,
Двенадцать ветров, синий перекрёсток!!! 26

- Свет, пой ещё! - крикнул Сашка, и она запела, шагая впереди. Рат не знал этой песни, но в ней был припев, красивый и завораживающий:

- Путь домой, путь домой -
Если мы придём домой...
В море нас опять потянет,
Если мы придём домой!

- и к концу песни Рат обнаружил, что подтягивает себе под нос эти строчки...

Светка пела.

Они шли. И иногда подтягивали.

Впереди шагала девчонка, не столь давно откликавшаяся только на кличку "Синти", дочь офицера, взбалмошная и непредсказуемая особа. За ней, сменяясь, её брат - член милитаристского клуба, казачонок-проводник с пунктиком насчёт самостоятельности и его двоюродный брат, сын нового русского, высокомерный космополит²⁷, никогда не носивший ни одной вещи дешевле чем за триста долларов, тащили на самодельных носилках девчонку со сломанной ногой, ни разу в жизни не носившую вещей дороже чем за триста рублей.

Они шли босиком, в драных камуфляжах разной степени разукomплектованности и пели, а дождь поливал их, то усиливаясь, то ослабевая.

Это было абсурдно, но не более, чем вся жизнь и история страны, в которой они родились и от которых не могли уйти никуда, даже если кто-то из них громко кричал о том, что хочет этого.

- Родина! Еду я на Родину!.. - распевала Светка, качаясь от слабости. Но следом шли мальчишки, которым было тяжелее, и она упрямо продолжала:

- Пусть кричат - "уродина!",
А она нам нравится,

Хоть и не красавица...

Рат не помнил, как и когда упал. Он пришёл в себя - Сашка волок его, перекинув руку себе на шею, а ружьё - на грудь. Ксанку тащили Светка и Егор.

- Хватит, - сказал Рат и занял место Светки...

...Дождь перестал, когда они остановились на привал. Сил делать шалаш ни у кого не было - они кое-как заползли, накрывшись лапника, под здоровенный выворотень сосны и лежали, прижавшись друг к другу. И тогда Рат даже не услышал, а почувствовал, что Егор плачет.

- Ты что? - прошептал он в ухо двоюродному брату.

- Обидно... - Егор дрожал. - Так обидно... теперь, когда я... ты веришь, что я всё понял?

- Да, - сказал Рат.

- Обидно, - повторил Егор. - Мы ведь не дойдём, Рат. Мы не дойдём. И я всё зря...

- Ты не зря. Ты Ксанку спас, - прошептал Рат. И полез прочь из логовища, таща за собой ружьё...

Через час, когда Сашка сумел заставить себя выбраться из оцепенения, он выбрался наружу. Было почти совсем темно, но на раскисшей земле кое-где видны были следы, и Сашка, пойдя по ним, нашёл Рата в полукилометре от их "лагеря" - возле туши убитого выстрелом в глаз изюбря. Распоров горло оленю острым камнем, Рат, обливаясь,пил кровь и плакал навзрыд.

- Я... первый раз... промазал, - у него был жуткий вид, у перемазанного кровью. - Осталось пять...к нарезке... и картечь...

Вдвоём они доволокли тушу к выворотню. Рат заставил всех пить кровь, и они опять ели сырое мясо, а потом жевали черемшу, которую собрала Светка неподалёку на прогалине. Потом - уже в полной темноте - уснули, как умерли, а проснулись почти в полдень следующего дня. Около самого входа возле изюбря дрались несколько лисиц, замерших при виде людей, а потом порскнувших в стороны.

- Останемся тут ещё на сутки, - решил Рат. - Крошна новые сплетём, мясо оставшееся порежем и подвялим хоть немного.

- С обувкой бы что-нибудь придумать, - сказала Светка. Рат покачал головой:

- Без верёвок я ничего не придумаю... Отец умел из крапивы верёвки делать, но тут и крапивы нет, да я и не могу...

- Вчера я думал - сдохну, - признался Сашка. Ответом ему было молчание, красноречиво говорившее, что подобные мысли посещали и остальных. После этого молчания Рат сказал:

- Да мы почти и сдохли.

- Рат, - спросила Светка, - как ты думаешь - мы дойдём?

- Должны, - ответил Рат. - Обязаны, - и повернулся к Егору. - Правда, братишка?

- А как же, - усмехнулся тот, вставая. - Попробую я к реке добраться. Вдруг у нас под боком теплоходы ходят? Или, однако, рыбу-кита морские духи на берег выгнали - большое подспорье бедным чукчам. Однако.

- Иди, - сказал Рат. И добавил: - Однако.

Золото адмирала

Честно говоря, Сашка страшно завидовал тому, что Рат охотится. Но вспоминать, что тот обещал "дать пострелять", было глупо даже когда имелся пояс с патронами. Теперь же - вообще смешно. Временами Сашке хотелось хоть пару раз пальнуть из пистолета - просто пальцы чесались. Вот и сейчас такое желание накатило.

Видя, что Рат из лагеря никуда не собирается, а вместе со Светкой его, Сашкиным, ножом режет мясо, Сашка сказал, что пойдёт вдоль реки - Егор к берегу, а он по суше

прогуляется, вдруг найдётся какой-нибудь слабоумный тетерев или заяц, которые подпустят его на выстрел? Никто не возражал.

Сашка перебрёл вброд широкий мелкий ручей с галечным дном - наискось, низа-чем, просто потому, что идти по воде было приятно. Почти перебрёл - что-то привлекло его внимание на самом краешке зрения. Он обернулся - и невольно оскалился, как зверь, увидевший непонятное или опасное.

Метрах в пяти от него наполовину в воде, наполовину на берегу, утонув во мху, лежал скелет человека...

...От одежды мертвеца ничего не осталось, но кое-что уцелело из снаряжения - короткая шпора, металлические пряжки, в том числе - явно серебряные, пронзительно сверкавшие, выщербленная ржавчиной пашка с позеленевшей рукоятью, перехваченная остатками ножен, остов мосинского карабина, обойма с патронами... Недалеко от продырявленного с левой стороны лба черепа лежал значок - овальная трёхцветная кокарда. Подальше на берегу Сашка нашёл конские кости с остатками упряжи... А ещё дальше - снова скелеты людей и лошадей, и целые, и раскиданные, но узнаваемые, вперемешку с оружием, деталями обмундирования, частями сёдел... Всё это было старое, очень старое, уцелели только уж совершенно неподверженные времени вещи.

Сашка понял отчётливо, что здесь произошло, когда наткнулся на небольшую эмалевую звёздочку возле одного из скелетов, вооружённого таким же маузером, как и он сам. На скелете уцелели остатки превратившейся в камень кожаной куртки.

Отряд двигался по ручью. Скорей всего, белый. И именно тут на него напали красные. Судя по тому, что ни оружие, ни трупы не были убраны, ожесточённый бой окончился вничью. Не было в нём победителей, как не бывает победителей в гражданских войнах. Все остались лежать возле этого ручья - и тайга равнодушно скрыла трагедию. Даже не заметила, наверное...

Сашке стало жутко - так, что зашевелились волоски по всему телу. Нет, он не представлял себе, что сейчас все эти скелеты... и прочая чушня из ужасиков. Ужасней любого ужасика была представившаяся ему картина...

...Вот едут ручьём белые - чубатые казаки в папахах, молодые офицеры во френчах и фуражках... И вдруг - залп, залп, залп! Крики. Кровь. Стоны. Выстрелы в ответ. С обеих сторон гремит страшное "урррраааа!!!" Русские бросаются на русских. Стреляют в упор, так, что форма рыжее от пламени. Рубят наотмашь синеватыми клинками пашек. Русские - русских... Без пощады. За Россию - и те, и другие. Падают в ручей и на берегах. И вот уже двое их. С одинаково искажёнными ненавистью лицами. Стреляет из маузера в грудь молодого поручика такой же молодой комиссар - и не успевает увернуться от падающей на голову пашки...

...Сашка передёрнул плечами. Лучше себе и не представлять такого. Ему захотелось поскорей уйти с этого места - он и так прошёл по ручью довольно высоко, почти до того места, где тот, как и большинство здешних ручьёв, выбивался из-под гранитной скалы. Во рту у мальчишки пересохло, но пить из этого ручья он не мог, ясное дело - и решил всё-таки подойти к скале и напиться прямо у неё, а потом уж возвращаться.

Ручей выбрызгивался широким водопадом в полтора метра от земли, образуя переливчатую завесу. Чтобы немного успокоиться, Сашка сунул голову под эту струю, похватал её ртом...

...И увидел в метре перед своим носом вход в пещеру, скрытый водопадом от мельком брошенных взглядов.

Словно загипнотизированный, Сашка шагнул сквозь водопадный занавес, не обращая внимания на то, что вымок и бормочет:

- Давай за них, давай за нас - и за десант, и за спецназ...

Но почти сразу за узким проёмом входа царил полный мрак, рождавший неприятные ощущения пустоты под ногами и гулкого огромного пространства. Если бы Сашка мог хоть что-то рассмотреть - он бы, наверное, полез и дальше, невзирая ни на что. Но он постоял

около входа - и вернулся обратно...

...Вместо того, чтобы лезть в пещеру, Рат долго ходил среди скелетов, нагибался и что-то искал, пока с удовлетворённым хмыканьем не показал Сашке какие-то штуки, в которых тот не сразу узнал кремь и кресало, не слишком-то похожие на те, что пропали у Рата, но пригодные к использованию

- Я подумал - не может быть, чтоб ни у кого, - ликующе сообщил он. - Сейчас попробуем огонь... хотя без трута будет хреново.

- Как думаешь, что там? - азартно спросил Сашка, нагибаясь к воде.

- Чёрт его знает, - признался Рат, становясь на колени. - Скорей всего - оружейный склад. Может, что и уцелело. А на продукты и обувь с одеждой не рассчитывай, - охладил он азарт друга, - если что и было - всё давно пропало и погнило. Но я и от карабина не откажусь - над патронами хоть не трястись... ага!

Всё время, пока разговаривал, Рат методично собирал самую сухую из найденной растопки, застругивал мелкие палочки, пушил мох, скрёб своим супероружием - и вот теперь начал подкладывать мелкие палочки, почти не дыша. Огонь уверенно карабкался по ним, разгораясь и оживая. Сашка бросился за ветками покрупнее.

Девчонками они - на всякий случай - ничего пока не сказали, а Егор всё ещё хрустел зарослями и на свист ответил в том смысле, что почти нашёл тропинку к берегу. Поэтому Сашка и Рат оказались около странной пещеры вдвоём, решив, что поразведают, а потом расскажут и покажут остальным. Мальчишки сейчас были до слёз похожи на своих же предков тридцатитысячелетней давности - в грязном дранье, босые, нечёсанные, тощие, но охваченные азартом при мысли, что нашли нечто новое.

Рат поочерёдно и тщательно запалил две толстых смолистых ветки, сунул одну Сашке - и они, сгибаясь пополам, чтобы прикрыть факелы от воды, один за другим нырнули в проём.

Верне, первым нырнул Рат. И Сашка, разогнавшийся было, ткнулся в его спину:

- Ты чего?

Рат промолчал. Он стоял "на пороге" небольшой и невысокой пещеры, похожей на комнатку сарая, высоко подняв факел, капавший смолой на песчаный пол. Вдоль противоположной стены, образуя ещё одну стенку, стояли друг на друге четыре серых ящика, с которых время и сырость содрали и краску, и надписи, если они были когда-то.

Сашка, протиснувшись сбоку от друга, подошёл к ящикам.

- Если тут и было оружие, то испортилось от сырости, - разочарованно сказал он, дёрнув одну из защёлок. Проржавевшая насквозь, она отвалилась вместе с куском деревяшки. Сашка так же легко отодрал вторую, поднял крышку - доски рассыпались, и в свете факела замерцали тяжёлые жёлтые блики на верхней стороне одного из четырёх прямоугольных брусков, уложенных в ящик. - Что это? - удивился Сашка, опуская факел. На одном из краёв этой грани он разглядел штамп - растопыривший перья императорский двухглавый орёл, буквы, цифры... - Рат, это...

- Это золото, - сказал Рат, подходя вплотную. Передал факел Сашке, взялся за один из брусков, с натугой поднял, опустил. - Больше двадцати килограммов... Это слиток из золотого запаса Российской Империи, Санёк. Значит, вот о чём говорил отец...

Лицо Рата было спокойным и грустным...

...Осенью 1919 года войска Колчака были практически задавлены пятикратно превосходящими формированиями красных, теснившими белогвардейцев всё дальше на восток. Превосходный флотоводец, отважный полярный исследователь, мужественный и честный человек, адмирал Александр Васильевич Колчак, провозглашённый Верховным

Правителем России, оказался неудачливым полководцем. Он слишком понадеялся на по-мощь "союзников" - англичан, французов, японцев, - не веря в то, что им выгодна гражданская война. Пусть русские убивают друг друга, разоряют страну... Он поверил чешским наёмникам, а те предали его в самый опасный момент и в обмен на открытый путь домой отдали Колчака врагу - большевикам. А своих, надёжных людей - офицеров, казаков, верных долгу солдат - у Колчака было ничтожно мало, всего тысяч восемь...

Седьмого февраля 1920 года адмирала Александра Васильевича Колчака расстреляли на речном льду. Спокойно и бесстрашно он вёл себя до конца. А вместе с ним ушла под лёд одна из самых больших тайн в истории гражданской войны - тайна русского золота.

В дни недолгих побед в руках Колчака оказалась почти треть золотого запаса могучей Российской Империи - больше шестисот миллионов рублей золотом в слитках, монетах и драгоценностях, серебро, золото и платина. Вместе с войсками Верховного этот запас "отступал" на восток. Вместе с самим Верховным попал в руки предателей-чехов, и те передали большевикам четыреста миллионов рублей.

Но никто так и не узнал, куда ушла огромная сумма в двести миллионов - или, если по нынешним ценам, приблизительно двадцать миллиардов долларов.

Позже Колчака обвиняли в том, что он потратил эти деньги на покупку оружия, боеприпасов и снаряжения у "союзников" - но это была ложь. Всё, закупленное Верховным на Западе, не стоило и пятой части пропавшей суммы.

Время от времени то тут то там по всей Земле вот уже почти век всплывают предметы, которые могли находиться в числе тех, пропавших - слитки, ценности... Именно - могли. Нигде и ни разу не появилось одновременно большой суммы, а ведь на эти пропавшие деньги можно нанимать армии и создавать корпорации и государства, строить космические корабли и покупать острова... А по Сибири не прекращают ходить слухи, что, понимая неизбежность проигрыша, адмирал разделил ценности на несколько частей. Самую большую - ту, что досталась сперва чехам, а потом большевикам - он собирался вывезти на Запад, чтобы финансировать тех, кто и дальше будет бороться против красных. А остальные "кусочки" верные Колчаку люди тут и там спрятали по всей Сибири, по всему Дальнему Востоку...

Говорят, сотник Никифор Перваков знал, где в тайге есть такие ухоронки. Но не рассказал об этом ни атаману Семёнову, которому служил, ни красным властям после войны, ни старшему сыну...

... - А отцу рассказал, - закончил Рат, вздохнув и проведя рукой над пламенем. - Ну, по крайней мере, отец сам так говорил. Всё собирался в поход за этим золотом, да как-то не складывалось... а тогда сложилось. И больше я ни его, ни мамы не видел.

Они сидели вокруг огня впервые за последнюю неделю, даже больше и, хотя без того было тепло, все пятеро просто впитывали жар костра, наслаждались им. Даже мысль о дальнейшем пути больше не казалась страшной - дойдём!

- Сколько же там? - подала голос Ксанка. Рат снова вздохнул:

- Четыре ящика. В каждом - по четыре слитка, где-то по девяносто шесть килограммов золота в ящике, а всего - триста восемьдесят - триста девяносто килограммов... Короче, если считать по нынешним ценам на золото - это где-то на четырнадцать миллионов рублей.

- Сколько?! - выдохнула Светка, а Сашка глупо засмеялся.

- И ещё за ящиками упаковка - кожаная сумка, в ней - десять свёртков по сто царских червонцев, - добавил Рат. - Это где-то на три миллиона рублей нынешними.

- Всего - семнадцать миллионов, - подсчитал Егор. - Четверть от этого - четыре миллиона двести пятьдесят тысяч. На пятерых - по восемьсот пятьдесят тысяч. Или по двадцать восемь тысяч долларов.

- Двадцать восемь тысяч... - как зачарованная, повторила Ксанка.

- Но есть проблема, - сказал Рат. Егор посмотрел на него:

- Если ты о вывозе...

- Нет, - медленно покачал головой Рат. - Не о вывозе, хотя и это не так уж легко.

- Дело в том, - продолжил Сашка, - что этих ящиков там было больше. Намного больше. Это значит, ребята, что кто-то регулярно сюда наведывается за золотом. И этот кто-то не настроен на его делёжку.

Могильник

Будет обманом сказать, что перед ребятами остро стала проблема морального выбора. Это золото было ничьим. Его единственным полностью законным хозяином было исчезнувшее государство. Люди, которым оно служило - или могло послужить - оружием в борьбе за какие-то цели, давно погибли или умерли. Тот, кто пользовался им сейчас, его хозяином не был - больше того, он поступал нечестно, а все пятеро собирались передать золото государству и получить четверть стоимости, по закону. Может быть, это и было шаткое моральное оправдание, даже наверняка. Но никто особо не задумывался над этим - даже Рат. Двадцать восемь тысяч долларов были большой суммой для любого из них, не исключая Егора, на эти деньги они не собирались делать ничего плохого, а неизвестный "клиент подпольного банка", не исключено, пускал эти деньги на что-то скверное.

Поэтому, когда следующим утром Егор предложил поискать место, куда можно будет перенести клад и надёжно спрятать, все согласились. Ксанка вздыхала, что не может принять в поисках участие, и Рат приказал Светке остаться с ней в лагере, а Сашке - отдать девчонкам маузер. Брат и сестра не спорили. Девчонки остались около выворотня, а мальчишки отправились обшаривать окрестности.

Вчера Егору так и не удалось пробраться к берегу реки - кусты вставали непреодолимой стеной, без топора не проберешься. Рат сказал, чтобы он не расстраивался - сегодня вечером он сядет охотиться, они запасут мясо - закоптят - и дойдут, худо-бедно, но дойдут и так.

- Может, поголодаем последние дни, - признался Рат, - как патроны у меня выйдут. Из маузера я не знаю - можно добыть что, или нет.

- А всё-таки интересно, - Сашка сморщил нос, - кто же золотишком пользуется?

- Да мало ли, - пожал плечами Рат. Они пробирались по откосу, заросшему редкими соснами и багульником. - Тайга... Я же говорю - тут ещё и не такое случается.

- Инопланетяне не летают? - подколот Егор. Рат серьёзно отозвался:

- Инопланетяне не знаю, а вот НЛО я много раз видел... Не здесь, западней Зейского моря... Над курганами постоянно появляются.

- Над какими курганами? - заинтересовался Сашка.

- Ну над местными... - Рат сделал неопределённый жест ладонью. - Тут же раньше жили не русские...

- Эти, буряты, что ли? - мотнул головой Сашка. - Кто тут ещё - эвенки, эвены...

- Нет, и до них, - пояснил Рат. - Немцы себя так называли, гитлеровцы...

- Арийцы²⁸, - подал голос Егор, удивлённо посмотрел на Рата и прямо сказал: - Во, ты же умный парень, братишка, а такого слова не знаешь.

- Да я просто забыл! - обиделся Рат. - Вот. Буряты - они позже пришли, уже на пустовавшие земли... А над этими курганами то и дело огненные шары - или висят, или кружатся, как танцуют... Местные всё про духов гнут, учёные - про шаровые молнии, только это не то и не другое, - решительно закончил Рат. И неожиданно спросил Егора: - Слушай. Ты кем быть хочешь?

Егор долго молчал. Так долго, что Сашка и Рат решили - отвечать он не будет. И даже вздрогнули, когда он сказал:

- Я не знаю. Теперь не знаю, - он выделил "теперь" и остановился. - Я хотел уехать, как только совершеннолетним стану... Ну, не просто так уехать, не бездельничать - открыть своё дело, всё чин-чином... только не здесь, а на Западе... - он покусал губу.

- А теперь мне стыдно. Знаете, как будто... вот как будто сейчас прилетел вертолёт, я в него влез, вам рукой помахал - и улетел один. Я бы так уже не смог... даже если бы сказали, что мы не дойдём всё равно, давай, улетай... спасайся один. Я теперь отца понимаю, почему он... мечется. Раньше презирал, а сейчас... понимаю.

Он с вызовом вскинулся, но увидел, что над ним не смеются. Сашка смотрел удивлённо, а Рат непонятно, но без малейшей насмешки. Тогда Егор развёл руками и смешно

добавил:

- Вот.

Сашка и Рат засмеялись, но опять-таки просто весело, без издёвки, и через секунду Егор засмеялся тоже, подобрал шишку из-под ног и кинул ею в Рата, который увернулся, поймал шишку и бросил её обратно.

- Идёт чукча по тайге, - сказал Сашка. - Видит - лось навстречу, он из ружья - ба-бах!

" Мясо," - говорит. Идёт дальше, а навстречу - геолог.Чукча - ба-бах! И говорит: "Спички".

- Смешно. Но чукчи в тайге не живут, - сказал Рат. И всё трое снова захохотали, но Рат неожиданно оборвал смех и уставился под ноги. В его позе было столько внимания, что мальчишки тоже посмотрели вниз с не меньшим вниманием.

Возле самых пальцев левой ноги Рата лежала лопата.

Точнее, то, что оставила от неё тайга. Рукоятка почти сгнила и ушла в мох, полотно изъела ржавчина, но оно ещё торчала боком. Рат сделал два шага и поддел ногой то, что Сашка с Егором приняли бы за камень - армейскую фляжку в остатках чехла. Ещё два шага - и Рат, присев, пошарил рукой и отодрал, как отдирают занавеску, плотно заплётшие дыру в земле побеги полутропических лиан.

Из дыры пахнуло сыростью, грибами и тлением. Сашка спросил:

- Что это?

- Шурф, - коротко ответил Рат, сидя на корточках и глядя вниз. Потом пояснил: - Яма, где искали золото... - он встал, огляделся. - Ага, вон ещё... и ещё, видите?

Приглядевшись, мальчишки в самом деле различили более светлые, чем окружающая зелень, пятачки, разбросанные тут и там.

- Кто-то искал золото и потом наткнулся на клад, - предположил Егор. - Офигел от радости, бросил лопату, выпил спирт из фляжки и пошёл таскать слитки.

- Похоже, так и было, - кивнул Рат.

- Людное место, - вздохнул Сашка. Рат серьёзно ответил:

- Золото притягивает людей...

- А вон ещё один, которого притянуло, - Егор вытянул руку. - Интересно, это белый или красный?

Он указывал на скелет, лежащий метрах в десяти, чуть в стороне от шурфов. Мальчишки без страха или брезгливости подошли вплотную.

- Не, это гражданский, - сказал Сашка. - И не с тех времён.

В самом деле - на скелете ещё сохранились остатки камуфляжа, почти целые понизу высокие ботинки, пояс с разной мелочью - ржавый нож выглядывал из прогнивших ножен, торчали из-под крышки патронташа зелёные донца патрон. Около дерева, под которым лежал скелет, стояло ружьё - "сайга" 12-го калибра.

- Похоже, что-то не поделили, - заметил Егор. - Рат, ты чего?

Двигаясь, как во сне, Рат подошёл к дереву, взял ружьё. Мальчишки непонимающе смотрели, как он повертел оружие в руках, поставил обратно. Оперся плечом о дерево и сказал, глядя на останки у его корней:

- Здравствуй, па. Вот где ты оказался...

...Если честно, Сашка и Егор испугались, что Рат сошёл с ума. Он метался между деревьями и звал мать, потом жажнул в древесные кроны из нарезного ствола и страшно завыл. Сашка начал отбирать у Рата ружьё, но не справился бы, не навалились и Егор. Они вырвали оружие у спятившего друга, и Сашка зашвырнул его в кусты, после чего все трое клубком покатались по земле. Рат старался разбить себе голову о корни и мотал двоих здоровых парней, как бумажных, отбрасывал их и что-то нечленораздельно кричал. На губах у него висели хлопья пены.

В конце концов Сашка и Егор объединёнными усилиями скрутили Рата и, тяжело дыша, присели возле него, прижимая к земле. Рат лежал с закаченными глазами и мелко дышал, поводя плечами туда-сюда, мальчишкам казалось, что они удерживают скрученную

стальную пружину.

- Вот это и называется - берсерк²⁹, - хватая ртом воздух, пояснил Сашка. - Я фигею.

Ему в армии цены не будет, только начальство его выше майора не пустит, а то он чего доброго Нью-Йорк в одиночку возьмёт...

- Он мне губу разбил, - хмуро сказал Егор, - берсерк... Так это, - он оглянулся в сторону скелета, - его отец? Дядя Слава? Ужас...

- Похоже, его убили, - сказал Сашка.

- Да, похоже... А что он про мать кричал?

- Так они же вдвоём были, его мать и отец. И совсем не в этих местах должны были находиться, - пояснил Сашка. - Наверное... и она где-нибудь тут.

- Ужас, - искренне повторил Егор. - Искать надо, наверное... Его отпустить можно?

- Да можно теперь, - Сашка встал. - Вот что... Ты носи ту лопату. Надо похоронить... А я тут похожу вокруг, поищу...

- У неё ручка сгнила.

- Как-нибудь выскребем без ручки.

- Я...сам, - Рат сел, вытер лицо, губы. Глаза у него налились кровью. - Я сам вы...вы... копа... - и он сложился вдвое, подтянул колени к животу, завалился боком в мох и тихонько, безутешно заплакал.

- Он верил, что они живые, - еле слышно сказал Сашка. - Понимаешь, он всё это время верил... Кошмар...

- А ведь это мой дед его... ну, дядю Славу - убил, - вдруг сказал Егор. Сашка изумлённо посмотрел на старого приятеля.

- Ты что? Головой о кедр стукнулся, пока боролись?

- Я серьёзно, - кивнул Егор. - Он - ну, дед Никифор - проклял ведь дядю Славу, когда тот в армии остался. И умер. А такие проклятья всегда сбываются... И ещё. Это ведь один из тех кладов, про которые дед Никифор говорил. Может, он его и прятал...

- Те, кто прятал - они все там лежат, - напомнил Сашка, кивнув на ручей. Егор замялся, но лишь на миг:

- Ну, может... Но всё равно он про этот клад что-то знал. И дядя Слава проклятья-то опасался, недаром он всё пытался сам разбогатеть, просто так, сколько лет в тайгу ходил золото мыть! А когда понял, что не выйдет - решил рискнуть, пошёл за кладом. И вот...

- Слушай, - вдруг спросил Сашка, - а откуда ты всё это знаешь?

- Ну... - Егор смутился. - Ксанка рассказала, про это всё их село знает...

- А... - Сашка встал на колени, положил ладонь на спину Рата и почти нежно сказал:

- Ну ладно, ну хватит...

- Пусть плачет, - хмуро сказал Егор. - Ему будет полегче... Пошли, и ружьё-то подбери.

- Подожди, - Сашка закусил губу. - Но значит, этот клад проклятый, понимаешь?!

Смотри, сколько из-за него людей погибло!

- Да, наверное... - Егор почесал щёку. - Ладно. С этим мы что-нибудь решим...

... Когда Егор вернулся на место, где они оставили Рата, тот сидел возле скелета.

- Я там это... - Егор переступил с ноги на ногу. - Я могилу выкопал. Небольшую...

- Больше никого не нашли? - Рат встал, лицо у него было всё в подтёках слёз, хмурое и взрослое.

- Я не знаю, - Егор покачал головой. - Сашка пошёл искать. Рат. Это. Я... - он не договорил - подойдя к Рату вплотную, обнял его. Секунду помедлив, Рат ответил тем же и дрожаще вздохнул. - Я тебя больше не брошу, - тихо сказал Егор. - Ни за что, пусть хоть режут. Хочешь, я отца уговорю, чтоб ты жил у нас?

- Да он уже предлагал... - Рат оттолкнулся, вытер остатками рукава глаза. - Ты посиди.

Я сам похороню...

...Рат ставил в изголовье могилы самодельный крест, когда появился Сашка. Он молча

передал ружьё хозяину и сказал:

- Я нашёл балок. По-моему, это твоего отца. Но больше никого...никого нет. И там всё ревернуто... Будешь смотреть?

- Веди, - Рат выпрямился...

...Балок, построенный Перваковыми, был, конечно, куда новей, чем тот, в котором неясно от чьих рук (?) погибли двое мальчишек сороковых годов. Но в нём основательно похозяйничали, перевернув и переломав всё, что только было можно. Мальчишки опасались, что на Рата опять "найдёт", но он осматривался совершенно спокойно - очевидно, не воспринимал это помещение, как связанное с его родителями.

- Кто всё это сделал? - хмуро спросил Егор.

- Хунхузы, - Рат выкатил из-под стола консервную банку из-под китайской тушёнки и два каких-то прутика. - Тушёнку и наши такую едят, но палочками ни один нормальный русский есть не станет.

- Хунхузы?! - Сашка открыл рот. - Да до границы - шагать и шагать!

- Граница-то не та, что прежде, - Рат покачал головой. - Это раз. А два - полно китайцев живёт на нашей земле, и почти все так или иначе если не бандиты, то помогают им. Сволочи! - он треснул кулаком в стену. - И золото тоже они вывозят... - он несколько секунд молчал, кусая губы, потом решительно сказал: - Золото я им не отдам. Даже просто так не отдам, не из-за себя. Это русское золото. Оно русской кровью полито... Давайте думать, куда его таскать. И поскорее... - он покрутил головой и тоскливо сказал: - А сейчас - пошли отсюда. Это могильник. Я тут больше не могу.

Схватка

В принципе оказалось, что спрятать золото - не так уж трудно. Оно занимало немного места; если бы без ящиков - то и совсем хорошо, но тогда пришлось бы прятать и ящики. Из-за всего этого возникла канитель - целиком ящик поднять не получалось, тяжело, приходилось их разгружать, перетаскивать к новой захоронке, опять загружать... Подходящим местом был, кстати, всё тот же выворотень - если пролезть чуть дальше, то там, в песке, легко было выкопать яму и так же легко замаскировать. Следов на песке оставалось куда меньше, чем на земле, Рат вдобавок сновал туда-сюда, подбирая щепочки с веточками и проверяя, чтобы не оставалось вмятых следов.

- А давайте с собой возьмём червонцы хотя бы, - предложила Светка. - Их вообще можно в розницу продавать, никаких двадцати пяти процентов, любой банк купит, или скупка. А золото потом сдадим.

Искушение было слишком сильным - червонцы стоили не меньше ста тысяч долларов, по двадцать тысяч на брата сразу, да еще потом по двадцать три тысячи от честной сдачи золота - это уже не двадцать восемь, а больше сорока тысяч на брата!!! Но Рат покачал головой:

- Может, мы так и сделаем. Потом. Но сейчас мы с собой ничего брать не будем. Путь далёкий... - он помолчал и продолжал: - В общем так. Если бы у нас хотя бы патроны были, я бы рискнул. А так... Если мы просто встретим того, кто... он, может, нам даже и поможет, понимаете? Но если узнает, что мы тайник обчистили - нам крышка. Нас просто убьют. Поэтому мы ничего брать не будем... и вообще мы в этих местах не были.

Доводы были убийственными и логичными. Светка вздохнула:

- Жалко...

Они сидели в своём лагере, закусывая мясом и зеленью. Сашка вдруг засмеялся:

- Видели бы вы себя со стороны, подпольные миллионеры...

- Да ты сам такой, - улыбнулся Егор и, встав, подал с поклоном руку Ксанке:

- Мадам, вы танцуете вальс?

- Могу попробовать, - Ксанка приподнялась, церемонно отведя в сторону кончиками пальцев подол воображаемого бального платья. - Но попозже, через месяцок.

- А сударь вальс не танцует? - Светка посмотрела на Рата. Тот встал:
- Как ни странно - сударь вальс танцует... А где музыка?
- А воображение на что?

Пара закрутились по траве под смех Сашки, который постукивал ладонью по колену. Выглядело это странно, как танцы эльфов среди бела дня. Если только бывают такие эльфы.

- Сегодня отдохнём ещё, а утром отправляемся дальше, - сказал Рат, когда они устали танцевать и снова уселись на траву. - Дойдём, уже не так уж долго... К реке бы пробраться, может, там правда лодки плавают, как Егор говорил...

...Рат проснулся около трёх часов. Солнце жарило всюду, Сашка дрых, не обращая внимания на пасущихся на нём тут и там комаров. Егор помог Ксанке перебраться на большой корень и они о чём-то разговаривали тихо-тихо, наклонившись друг к другу. Светки не было.

Мальчишка бесшумно сел, поднял ружьё. Попытался вспомнить, что ему снилось, но сон был незапомнившимся... и скверным. Рат помотал головой, чтобы прогнать воспоминания о нём, тихо встал и отправился искать Светку. Низачем, просто потому, что её не было.

Следы девчонки читались легко, и через несколько минут Рат увидел её, лежащую на плоской каменной глыбе с отлогим подъёмом, поднимавшейся даже над некоторыми деревьями. Сперва Рат не понял, что не так и хотел окликнуть Светку... но потом понял, что она загорает нагишом, разложив драное барахло на камне - очевидно, после стирки в каком-нибудь ручье.

Надо было так же потихоньку, как пришёл, смываться. Но Рат остался стоять, держа двустволку на плече и не сводя с девчонки глаз.

И она оглянулась. Может, раньше и не почувствовала бы взгляда, но время, проведённое в тайге, сильно повлияло на "Синти".

Рат застыл около дерева, мечтая об одном: провалиться сквозь землю и не появляться на этом свете никогда в жизни. Светка медленно потянула к себе одежду, прикрылась, широко распахнув глаза. Приоткрыла рот, что-то собираясь сказать... и вдруг, распластавшись на камне, прошипела:

- Иди сюда!
- Свет, ты чего? - испугался Рат. - Оденся...
- Иди сюда, долбак... - снова зашипела она. - Скорей лезь... смотри!

Что-то в её голосе было такое, от чего Рат начал карабкаться вверх, пластаясь по камню. И хотел уже было спросить, что всё-таки нужно Светке, когда понял - что именно.

Цепочка одетых в камуфляжи людей с рюкзаками за плечами и оружием в руках спускалась в лог метрах в двухстах от камня, за прогалиной, оставленной то ли ветром, то ли пожаром. Рат не успел сосчитать, сколько их - но явно не меньше полудюжины.

- Свет, быстро в лагерь, - притиснувшись к девчонке, поспешно натягивавшей одежду, прошептал Рат. - Немедленно уходите, но постарайтесь за собой убрать по-максимуму. Уносите Ксанку вдоль реки, не останавливайтесь на ночь, идите, пока хватит сил.

- А ты? - Светка сломал брови так горестно, что у Рата защемило сердце. - Ты как же?!

- А я послежу, чтобы они не начудили и догоню вас... Ну что ты, Свет, - Рат улыбнулся,

- не буду же я с ними воевать! Мне и нечем... Давай скорей, Свет!

И он, нагнувшись, крепко поцеловал девчонку в губы...

...Люди всё не появлялись и не появлялись, и Рат замучился, разрываясь между сразу несколькими желаниями и мыслями. Чем дольше их не было - тем дальше уходили ребята... А если это егеря или экспедиция?.. А если и нет - сил никаких нету ждать... А то и вообще они прошли мимо каким-нибудь путём...

Нет. Вот они.

То, что это не экспедиция, стало ясно сразу. Восемь камуфлированных фигур с большими рюкзаками и самозарядными карабинами в руках вынырнули из лога метрах в

пятидесяти от камня, на котором лежал Рат. Это были китайцы. И значит - браконьеры... или ещё хуже.

Хунхузы.

Они шли быстро и тихо, хотя и не так тихо, как умел сам Рат. И по их походке Рат понял - они знают, куда идут, их цель близка, и они к ней торопятся. Это и называлось - чёртово везение. Могли придти за два дня до этого. Могли завтра. И никаких проблем.

Но они пришли сегодня. Сейчас. Через двадцать минут обнаружат, что тайника нет. Если только раньше не обнаружат лагерь... Через двадцать пять - организуют погоню. Часа через два догонят ребят с грузом. С Ксанкой. И всё.

А может, это всё-таки никакие не хунхузы? Может, ничего не надо делать - они и вверх-то не смотрят, прут и прут мимо... Рат видел внизу черноволосые головы. Не трогать их - и...

...и ты предатель и трус.

А что, всё просто. Может, и золото тогда тебе одному достанется, Ратмир Перваков, казак, сын казака и офицера... А всё остальное - слова, слова, слова...

Если бы можно было хоть не убивать. Окликнуть? Схитрить? Сразу поймут, что против них мальчишка, что он один...

...Рат успел выстрелить дважды, прежде чем шестеро хунхузов рассосались за камни и деревья, переключаясь высокими птичьими голосами. Он не промазал - одно тело осталось лежать возле самой глыбы, другое - подальше, у спуска в ложбинку, за которой до лагеря было рукой подать.

Вот только патрон осталось три.

Правда, китайцы здорово растерялись - не при выстрелах, а в целом. Кажется, они решили, что попали в засаду, и это дало Рату (а значит - остальным ребятам) время. Если бы у него было побольше патронов! Прыжок вниз со скалы, а там - петлями по кустам, выстрел оттуда, выстрел отсюда...

Но патрон оставалось всего три. И картечь в нижнем стволе.

Страшно Рату не было. Жалости не было тоже. Этим нечего было делать на русской земле - и золото им не должно было достаться. А главное - они не должны были двигаться дальше.

Хунхузам неудобно было стрелять снизу вверх, они просто не видели Рата, который лёг так, что солнце жарило ему в спину и в глаза врагам. Он же их видел отлично - вернее, видел места, где они находились. Высокоскоростные армейские пули с противным унылым воем и хлопаньем отлетали от гранита, оставляя на нём белёсые следы и разбрасывая крошку. Повинуясь чьим-то взвизгам, двое стали обходить глыбу с двух сторон сразу. Рат выстрелил в того, что бежал слева - тот упал, но почти тут же вновь вскочил, бросился вперёд - и на этот раз Рат не промазал. Но правый добрался под самую глыбу - чтобы в него выстрелить, надо было бы высунуться по пояс... Четверо хунхузов вели бешеный огонь - у них, похоже, нехватки патрон не ощущалось. Рат слышал с тоскливой досадой, как подобравшийся хунхуз ползёт где-то по камню, и крутил головой, пытаясь определить, где же он появится.

Короткий чёткий щелчок пистолетного выстрела пробился среди общей пальбы - и Рат услышал, как с камня тяжело упало тело.

- Сашка, кретин... - пробормотал Рат - и махнул с камня в ту сторону, куда упал убитый Сашкой китаец. - Сань, патроны! Патроны не трать! - он ужом пополз по мху, подтягивая ружьё. "Маузер" щёлкнул ещё два раза, потом - третий. Рат надеялся, что Сашка попал хоть раз... хотя ладно, пусть хоть отвлекает!

Он заметил шевеление кустов - навстречу ползли минимум двое. Рат пружинисто сел, выстрелил картечью и, падая, услышал тонкий вопль. До тела китайца оставалось метров пять, а там - его карабин... Сашка выстрелил ещё раз. Сейчас доберусь до карабина - и двое на двое...

Пятнистая тень мелькнула сбоку - Рат выстрелил и понял, что промазал, когда хунхуз с ужасающим воплем, брызжа слюной, выскочил из-за кустов, держа наперевес карабин.

Значит, карточка достала только одного! Вместо того, чтобы вскинуть руки, Рат швырнул в китайца ружьё и навалился на него в отчаянном прыжке.

Китайцы мастера драться врукопашную только в кино. Даже отошавший и уставший, русский подросток был выше, тяжелее, а главное - злей, чем его противник, не внешне злей, воплями или боевым визгом, а внутренней готовностью драться. Хунхуз слабо затрепыхался, пытаясь добраться до ножа, но Рат, оседлав его, начал бить кулаками - левой-правой - с таким остервенением, что тот обмяк, закрываясь руками и повизгивая. Мальчишка впал в то состояние, которое характерно для вступивших в рукопашную русских солдат до наших дней - чем-то похожее на бешенство берсерка, оно отличается меньшей аффектацией, но пугает врагов так же.

Запал подвёл Рата.

На какую-то долю секунды Рату почудилось, что на него упало дерево. А что случилось на самом деле - он так и не понял. Не успел.

Страшная ночь

Голова болела страшно. Рат буквально ощущал рану за левым ухом - большую и глубокую. "Череп-то не проломили?" - подумал он и повернулся на бок, едва сдержав стон.

Было темно - вернее, полутемно, потому что совсем рядом горел костёр. Возле него сидели трое хунхузов. У одного была перевязана правая рука. Рат узнал их собственный лагерь и заставил себя через силу оглядеться.

Сашка был здесь. Он - тоже связанный по рукам и ногам - лежал ничком совсем рядом, по другую сторону от Рата. Правая рука выше верёвок, но ниже локтя, была небрежно замотана окровавленной тряпкой, лицо - разбито.

- Сань, ты жив? - спросил Рат тихонько, надеясь, что хунхузы за разговором и треском костра не услышат.

- Жив, - так же еле слышно ответил тот, чуть пошевелившись.

- Мне руку прострелили. Только одного и снял, да ещё одного ранил, вон...

- Сань, спасибо...

- Да за что?

- Я сам виноват... Обалдел, надо было сразу карабин хватать. А без тебя я бы и с камня не слез бы... Наши где?

- Тише, - выдохнул Сашка.

Один из хунхузов, включив фонарик, неспешно подошёл к мальчишкам. У него было жутковато-бесстрастное лицо идола из восточного храма. Держа фонарик на колене, хунхуз присел между мальчишек, посветил на одного, на другого. И спросил на чистом русском:

- Где остальные?

- Нас двое, - ответил Рат. Китаец улыбнулся, показав мелкие хорошие зубы.

- Вас пятеро, - сказал он. - Трое мальчиков и две девочки, одна не ходит сама. Но искать следы мы не можем, нас осталось мало и у нас мало времени. Итак, первый вопрос: где остальные? И второй вопрос: где золото?

- Какое золото? - удивился Сашка.

- А ты хочешь сказать, - китаец снова улыбнулся, - что вы на нас напали просто так?

- Мы на вас напали, потому что вы на русской территории, - ответил Рат. - Как банда. С оружием.

- Мы все - граждане России, - китаец продолжал улыбаться. - На оружие есть разрешения. Мы просто охотимся.

- Тогда какое золото? - Сашка тоже улыбнулся, но Рат видел, как ему страшно и видел ещё, что и китаец заметил это. Сам Рат испытывал только злость, в значительной степени - на себя.

- Это золото наше, мальчик, - сказал китаец. - Оно нам нужно. И мы его получим. Как и эту землю. Она тоже наша. И мы её получим. Когда вы вымрете от водки и глупости, мы

просто заселим эти земли. Мы умеем ждать. Иногда мы ждём века. Но всё равно получаем то, что нужно. Вы, русские, вы, белые, глупые. Вы говорите "давно" про то, что было вчера. Мы знаем - даже сто лет назад - "недавно". У нас есть время. Ваши не бросят ту девочку, которая не может идти. Вы так никогда не делаете. Вы всё расскажете, и мы ещё вполне успеем догнать их.

- С какой стати нам говорить? - спросил Сашка. - Вы нас всё равно убьёте.

Голос его дрогнул. Китаец закивал - почти по-доброму.

- Да, конечно... Но можно умереть от пули. А можно - и по-другому. Ты ведь не хочешь узнать - как это, по-другому?

- Пошёл ты, - сказал Сашка и усмехнулся.

- Ну а ты что скажешь? - хунхуз повернулся к Рату. - Ты местный. Ты ведь казак?

- Кто убил человека, чем скелет лежал недалеко от балка? - спросил Рат. Китаец ответил охотно:

- Я. Он был глупый. Я притворился, что заблудился, работал с ними и потом застрелил их в спину. Его и его женщину. Она была красивая.

- Это были мои отец и мать, - сказал Рат равнодушно. Китаец покивал с таким же равнодушием:

- Что ж, чем вас меньше, тем ближе наши сроки... Вам надо говорить. Иначе будет очень больно... вот так, - он нагнулся к Сашке и, сдёрнув повязку, воткнул палец в рану.

- Уммхх... - выдохнул Сашка и задёргался, но потом заставил себя лежать спокойно.

Рат видел, как на шее Сашки натянулись жилы и вспухли трубы артерий.

- Говори, - хунхуз несколько раз повернул палец в ране. По щекам Сашки текли слёзы, он плотно зажмурился. - Не надо молчать. Ночь очень длинная, и вы всё равно заговорите...

- он вырвал палец (Сашка выгнулся) и что-то сказал. От костра подошёл не раненый. Он нёс в руке горящую ветку. - Говори пожалуйста, - попросил хунхуз и поднёс огонь к груди Сашки, провёл им по коже - туда-сюда, задержал.

Сашка закричал. Рат отвернулся и стиснул зубы; в крике Сашки прорвались слова:

- Уберите огонь, дяденька, пожалуйста, огонь у-бе-ри-те-е!!!

"Скажет, - подумал Рат. Он не мог осуждать Сашку... но осуждал. - Эх... сын десантника..." Стало тихо, только Сашка стонал и тянул воздух сквозь зубы.

- Сань, - попросил Рат, - не говори, не надо. Там Светка, Сань.

- Я не скажу, - тихо ответил Сашка и снова закричал, но уже без слов. Тогда Рат тоже закричал - почти истерично, с присвистом, дёргаясь в верёвках:

- Ты взойди-взойди, солнце красное!

Обогрей ты нас, людей бедных!

Людей бедных - людей беглых!

Эх, ды мы не воры!

Да не воры да не разбойнички!

Стеньки Разина

Ййэхх - да мы работнички! - сам не зная, почему, чтобы просто слышать только себя.

Сашка умолк - сразу, Рат понял, что он потерял сознание. И ощутил дикую, грызущую боль в ногах. Когда боль отступила, Рат не помнил, кричал ли он. Мальчишка был весь мокрый от пота, ко рту подкатывала тошнота, имевшая медный вкус. В ушах стоял звон. Из темноты выплыло лицо хунхуза. Он перевернул Рата на бок, лицом к лицу Сашки, который дышал открытым ртом.

- Ты хороший стрелок, - сказал хунхуз, и Рат почувствовал узкую полоску холода на указательном пальце правой руки. - А сейчас ты останешься без пальца.

- Зачем он мертвецу? - простонал Рат. Ноги горели, боль вернулась - не такая дикая, но постоянная.

- Верно, - хмыкнул китаец. - Тогда я просто начну снимать с твоего друга кожу, - он отпустил Рата и неспешно перешёл к Сашке. В руке его блестел широкий короткий нож.

- Рат, я не выдержу, - пошевелились губы Сашки. - Рат, чёрт с ним, с золотом...

- Сань, не золото... наши, Сань... - Рат чувствовал, что плачет от жалости и беспомощной злости. - Ты представляешь, что будет с девочками?

Сашка закрыл глаза. А Рат вдруг увидел, как очень обыденно и как-то нестрашно из левого глаза хунхуза проклюнулось алое остриё. С него скатилась и упала на траву между мальчишками капля. Не выпуская ножа, хунхуз тяжело упал поперёк Сашки, который мучительно содрогнулся. Двое других уже лежали возле костра, над их спинами прямо и неподвижно белели перья на длинных древках стрел.

- Что за... чёрт? - выдохнул Рат и задохнулся от страха едва ли не большего, чем испытанный ранее.

Там, где кончался огонь костра и начиналась таёжная тьма, стояла бесформенная высокая фигура. Алые отблески роились на неё, словно невиданные насекомые. Не выдержав напряжения, Рат мигнул - на долю секунды. Но, когда он открыл глаза, возле неподвижных кустов уже никого не было...

...Егор перепугал Рата и Сашку до полусмерти. Они и без того находились в полуистеричном состоянии, их мучила боль от ожогов - мальчишки кромсали подобранным но-жом верёвки, то и дело промахиваясь, озираясь и прислушиваясь - и вот тут-то появился решительно настроенный Егор. Приполз с ножом Сашки (который тот оставил остальным), настроенный на нешуточную схватку, с таким шумом, что китайцы точно услышали бы... не будь они мёртвыми, как пни. Даже мертвее.

Здорово перетрусили все. Потом Сашка начал плакать навзрыд, следом за ним заплакал, как ни старался сдержаться, Рат. Сашка старался объяснить обалделому и тоже чуть не плачущему Егору, как ему было страшно и больно. Рат в промежутках между рыданиями твердил, что он убил четырёх человек. Егор еле вырвался от них, сказав, что сейчас, скоро, приведёт сюда девчонок. Точнее - они со Светкой принесут Ксанку...

...Когда через два с лишним часа Егор с болтающимся на груди карабином и торопящая его Светка притащили на носилках Ксанку, костёр всё ещё горел. Прямо возле трупов китайцев каменным сном спали, обняв друг друга и вцепившись в карабины, Рат и Сашка, перемазанные кровью, копотью, а лица - ещё и грязью от копоты и слёз. Их с трудом удалось растащить, причём девочки тоже начали реветь, когда увидели кровоточащую рану на голове Рата, его обожжённые ступни, дырку от пули в руке Сашки, вздувшиеся ожоги у него на груди... Так, хлюпая и не пытаясь даже отдохнуть, Светка под руководством Ксанки взялась хоть как-то помогать ребятам, но тут Егор притащил аптечку, и дело пошло веселей. Мальчишки стонали, но не просыпались.

А Егор, бродивший вокруг и собиравший разные вещи, вдруг остановился возле кустов и нагнулся. Он не был таким следопытом, как Рат. И разбирался в следах хуже Ксанки или даже Сашки. Но кое-что всё-таки усвоил.

Невозможно было понять, кто оставил эти следы на клочке мягкой земли - человек или зверь. Но он стоял тут на двух конечностях.

И почти наверняка он стрелял из лука в хунхузов. И как стрелял!

Почему-то Егору стало очень страшно. Он бросил взгляд в тайгу, по которой ещё недавно бегал туда-сюда в одиночку, ни о чём не думая, кроме друзей - и поспешил к костру, не в силах отделаться от ощущения взгляда в спину. Не злого, но холодного и оценивающего...

В этот момент он безоговорочно и свято поверил во все рассказы Рата о ТАЙГЕ.

Люди тайги

Спросонья Рату показалось, что всё это - продолжение сна, наполненного выстрелами, криками и беготнёй. Окружающее его напоминало кадры из фантастических боевиков -

"Власть огня", "Крикуны", "Солдат", "Чёрная дыра" или ещё какой-нибудь из десятков голливудских "шедевров", которые все ругают и все смотрят. Светка и Егор - в камуф-ляжах и высоких ботинках, с болтающимися на ремнях карабинами - тащили куда-то труп, не выказывая при этом никаких чувств: "- Тяжёлый... - Погоди, я перехвачусь... - Блин, измазалась..." Ксанка возле носилок готовила еду из консервов. Сашка спал рядом, укрытый серым одеялом - таким же был укрыт и сам Рат. Вокруг валялись разбросанные вещи, банки... Ну точно - типичный бивак каких-нибудь партизан, воюющих со всем миром на разорённой то ли инопланетянами, то ли неведомыми злыми силами планете... Рат ощутил, что голова у него перевязана, и ноги, кажется, тоже. Боль ещё была, но тупая, вполне терпимая.

"Неужели это всё сделали мы? - подумал Рат. - Мы их... убили. Я - убил."

Он прислушался к себе и понял, что не испытывает ни жалости, ни страха перед тем, что сделал, ни раскаянья. Эти хотели убить его и его друзей, его брата, его... его Свету. Они без малейших колебаний пытали двух мальчишек из-за золота. Они убили его отца и мать. Они были бандиты и воры. Получилось так, что погибли именно они - и значит это лишь то, что больше они никого не убьют, не будут пытаться, не ограбят.

И только. Не о чем тут жалеть и нечему ужасаться. Всё остальное - досужий бред о добре и прощении, сказанный теми, кто не лежал связанный у костра, корчась от боли, причиняемой огнём в чужой безжалостной руке.

"Но прежним никто из нас уже не будет, - подумал Рат, садясь. - Даже я."

- Очнулся?! - Светка опрометью бросилась к нему, плюхнулась рядом и начала целовать, приговаривая: - Очнулся... очнулся... очнулся... очнулся...

- Не очнулся, а проснулся... - проворчал Рат. - Вы, я гляжу, уже притрофеились...

- А чего на них глядеть, - спокойно сказал Егор, подходя ближе.

- И то правда... - приподнялся Сашка. - Ух, как болит! - вырвалось у него.

- Вот что, - Рат взял быка за рога, отстранил Светку: - О том, что тут было - ни словечка. Никогда, никому, ни под каким французским соусом. Никаких хунхузов мы не видели в глаза. Карабины и барахло спрячем, когда ближе подойдём, так что наше рваньё не выбрасывайте, переодеться ещё придётся.

- Почему?! - изумилась Светка. - Это же наша земля, а они...

- Да потому что, - Рат криво усмехнулся. - Вон, Сашка пояснит, он их программу слышал. Мы же и будем виноваты. Вплоть до колонии за групповое убийство мирных россиян китайской национальности.

- Да это же Россия! Мы русские! - растерянно воскликнула девчонка.

- А они россияне, это важнее. И вообще - для кого Россия, а для кого - федерация. Для кого русские, а для кого электорат... Дадут, как тем пацанам в Сургуте, которые наркокурьеров убили, лет по восемь-девять... Да всё это фигня... - Рат осторожно сел удобнее, потёр шрам на руке. - Я только одного не пойму. Где... останки мамы? Эта сволочь говорила - она убила и отца и маму...

- Ты только этого не понимаешь?! - удивился Егор. - Я лично вообще уже - ничего. На каком мы свете, что с нами происходит - не понимаю. Совсем. И не стремлюсь. Живу, как живётся... Ты лучше попробуй - ходить-то сможешь?

- Я всё смогу, - коротко ответил Рат...

...Но идти было тяжело. А тащить носилки - вообще мука. На первом же привале Рат уполз за ближайший валун и разулся. Ноги выглядели жутковато, и мальчишка понял, что ближайшие несколько дней придётся заставлять себя идти. Тащить-то его в любом случае не смогут, не Ксанку же бросать. Но к своим он вернулся ровным лёгким шагом, даже улыбаясь. Может быть, именно поэтому Светка поняла, как ему плохо. Она утащила Рата за кусты и спросила в лоб:

- Ноги?

- Семицветик, - сказал Рат, вызвав изумлённую и радостную улыбку на лице - не только на губах, именно на лице! - Светки, - ты молчи... Всё равно же никто ничем помочь не

может, так чего волновать...

- Ратка, - Светка положила руки ему на плечи, - когда ты будешь в Москве учиться...

- Если поступлю, - перебил её Рат. Светка замотала головой:

- Ты поступишь. И генералом будешь ещё!

- Ох, Семицветик, не хочу я быть генералом... - сморщился Рат. - Офицером хочу. Как Россия - так и я... И вообще... - мальчишка на мигу умолк и прочитал:

- Когда стране твоей горестно -

Позорно иметь успех!.. Это я не помню, кто сказал, но правильно.

- Какой ты... - Светка только заморгала. - Как из кино. Такой... - она показала рукой что-то непонятное, но красивое. - Ну всё равно. Когда ты будешь учиться... можно я буду с тобой встречаться? - она заторопилась: - Только с тобой! Я больше ни на одного мальчишку не погляжу! Чем угодно клянусь! Рат, пожалуйста! Я на что угодно согласна, только с тобой...

- А Егор? - спросил Рат. Светка вздёрнула брови:

- Ты что, не видишь, как они с Ксанкой друг на друга смотрят?.. Рат...

- Семицветик... - Рат потянулся к ней губами... и вдруг отпрянул.

- Что? - разочарованно выдохнула закрывая было глаза девчонка.

- Что-то... - Рат озираясь. - Вернее - кто-то... - он повёл плечом, и "егерь"³⁰ скользнул ему в ладонь. - Ну-ка, пошли обратно в лагерь, Свет...

- Я не боюсь, - и Светка спокойно взяв своё оружие наизготовку, встала спиной к спине Рата.

- Опять хунхузы?

- Нет... - покачал головой Рат. - Я не знаю, кто это. Пойдём поскорей. И сегодня нам надо выбраться на во-он то плоскогорье, - Рат кивнул на холмы, как бы парящие над лесом. - За ними должен начинаться спуск к Зее...

...Вечерний лагерь был наконец-то достойным этого звания. Банда, оставшаяся валяться в овраге недалеко от того места, где совершились и до этого сразу несколько трагедий, была неплохо снаряжена - кстати, в основном из русских же охотничьих магазинов. Рат уже пообещал себе, что не бросит всего этого просто так - карабины, мачете, патроны, охотничьи ножи, рюкзаки, пистолеты (патроны от ТТ, имевшихся у трёх хунхузов, кстати, подходили к возвращённому "маузеру", который по-прежнему тяжело висел на бедре Сашки), кучу разных мелочей, которые превратили переход по тайге в турпоход, какой задумывался с самого начала. Всё было бы совсем хорошо, если б не возникавшие время от времени у каждого мысли о том, что чувствуют родные. Впрочем, никто этими мыслями не делился с другими, думая, что он один поддаётся такой "слабости".

Сашка тренировал Светку и Егора - те раньше не проявляли никакого интереса к рукопашному бою, хотя в английской школе Егора заставляли заниматься боксом. Ксанка и Рат просто отдыхали - точнее, Рат следил за едой, Ксанка чинила куртку Егора. Было довольно шумно, но Рат не прослушал - вскинулся, хватаясь за карабин, тихо сказал:

- Ну-ка... - все тут же похватали оружие, присев и озираясь. - Кто там? - металлически-повелительно спросил Егор. - Ну? У нас пять стволов... Выходи!

Человеческий голос поизнёс что-то непонятное, и к костру из темноты, вытянув вперёд руки, вышел бесшумно движущийся пожилой человек - невысокий, плотно сбитый, с морщинистым коричневым лицом, узкими глазами, вислыми тонкими усами и жидкой бородкой. Он улыбался, показывая редкие зубы. Непонятная куртка была перетянута самодельным поясом, на котором висели кожаный мешочек и нож; мешковатые штаны заправлены в подобие обмоток, ноги защищены кожаными сандалиями. За плечами старика висели большой лук, обтянутый берестой, и колчан с поднимавшимися над ним белыми перьями.

- Добрый вечер... - ошалело сказал Светка. Егор и Сашка вообще раскрыли клювы.

Ксанка и Рат напротив - выглядели спокойными, словно визит был само-собой разумеющимся делом. Рат указал на огонь:

- Садитесь... Понимаете русский?

- Да, - старик кивнул, ловко усаживаясь к огню с поджатыми калачиком ногами.

Улыбнулся снова, показав на Рата, на Светку, на Егора: - Лоча, лоча, лоча?³¹

- Лоча, - кивнул Рат. - А вы?

- Ламут,³² - кивнул старик. - Ламут? - он указал на Ксанку. Та покачала головой:

- Бурят.³³

- Бурят? - старик нахмурился. - Плохо. Лоча хорошо. Бурят плохо.

- Чего это он? - Сашка потер нос. Рат объяснил:

- Он ламут. Эвен. Не эвенк, эвен... Дайте поесть, надо покормить.

Старик еду взял, но есть почти не стал, зато с удовольствием выпил чаю. Всё это время он молчал, без любопытства, но доброжелательно разглядывая узкими глазами окружающих его ребят и девчонок. Потом показал пальцем на Рата:

- День пути, - махнул рукой назад, - бил хунхуз, казак? Вот хунхуз? - он показал восемь пальцев. - Вот, - остались пять пальцев, - ты бил, - вот, - три пальца повисли в воздухе, - кайгук бил? Видел кайгук?

- О чём он? - спросил Егор. Рат повернулся к нему:

- Помолчи... Не обижайтесь, он понял, что я старший, вы не должны вмешиваться.

- Он что, в средневековье живёт?! - без насмешки, скорей с изумлением, спросила Светка. Ксанка ответила ей тихо:

- Нет, в каменном веке. Я серьёзно...

- А кто такой...

- Свет, помолчи, - попросила Ксанка.

- Простите, - Рат кивнул старику. - Они не отсюда, они издалека и не знают порядка...

Я видел кайгук. Он нас не тронул.

- Доброе дело... - кивнул старик. - Куда идёте, лоча? Почему молодые одни идёте?

- К людям, - вздохнул Рат. - Мы заблудились... - глаза старика весело сощурились ещё больше. - Там Зея? - он указал рукой.

- Зея, Зея, - кивнул старик. - Туда плохо. Там кайгук живёт. Второй раз не пожалее.

Вы идти к нашим. Вот, - он показал пятерню, ещё два пальца, - путь туда. Наши бывают у лоча. Лето выйдет - опять будут. Вы к своим с ними будете.

- Неделю к ним тащиться и до конца лета ждать?! - ахнул Егор. - Да... - но Ксанка ткнула его под рёбра, и он, икнув, умолк. Рат, впрочем, так и так покачал головой:

- Нет, нам нельзя... Дома думают - мы умерли. Все плачут, поминают нас. Мы так пойдём, - он указал рукой на запад. - Кайгук нас не тронет. Мы не боимся.

- Или мне сейчас объяснят, кто такой кайгук, или я завизжу, - веско сказала Светка.

- Правда, Рат, - взмолился Егор, - хватит этого индейского разговора!

- Извините, - Рат поклонился старику и повернулся к остальным. - Кайгук - это злой дух. Ещё говорят - лесной человек. И ещё по-разному.

- Фигня, - высказалась Светка. Но Егор, помедлив, ответил:

- Нет... Рат, тех ребят... ну, пионеров...

- Да, наверное, - кивнул Рат. - Но тут что-то не сходится... В общем... они, люди тайги, в смысле - вот, местные жители - они что-то путают. Для них всё необычное - кайгук. Но то, что они на самом деле называют кайгук - это такое существо... оно не пользуется луком. А хунхузов убили из лука. Я потом думал - это кто-то из местных, но вот сами видите - они не при чём... Странность какая-то...

- Ни фигя не поняла, - призналась Светка. - Кайгук, но не кайгук. Лесной человек,

однако, но который с луком, а эти - без лука. С чесноком на блюде... Ересь и хренотень...

- Свет... - умоляюще сказал Рат, поворачиваясь к философски молчащему старику.

- Кайгук - какой кайгук? Один или много? Ламут обижал?

Из следовавшего обстоятельного рассказа старого эвена выходило вот что. Место, куда идут хорошие молодые лоча и плохая молодая бурят, кишит злобной нечистью всех сортов, размеров и видов. Кайгук жили там всегда и нападали на людей. Люди иной раз убивали кайгук, но в их земли ходили только уж самые отпетые и отчаянные. Год назад молодой глупый Ковшичан, у которого лочское оружие, ходил туда прошлый год и вернулся вовсе дурачком - рассказывал, как гостил у женщины-кайгук со страшным лицом, которая носит шкуры, а не человеческую одежду, она угощала Ковшичана мясом и сама ела, вкладывая оленьи рёбра в грудь, а потом отпустила его, не сделав никакого вреда.

- Бррр... - пробормотала Светка. - Мухоморов надо меньше жрать... А то ещё и не такое увидишь...

- Лоча кайгук тоже убивал, - заметил старик. - Я не помню, отец говорил, дед говорил. Казак убивал. При Белом Царе Никуляке. И ещё других лоча убивал-убивал. Раньше, и потом. А лоча не верят, говорят: "Хо! Я самый храбрый, я самый сильный!" - он укоризненно покачал головой. - Вот он, - старик указал на Рата, - по тайге идёт, как пух плавает, никто из вас его не слышит. Я старый, могу подойти так, что он не услышит, как вы его. Кайгук ко мне подойдёт, как он к вам. Не надо ходить. Родня ждать будет долго, будет плакать, потом вы придёте. А тут пойдёте - быстрее-быстрее - и родня всегда плакать будет, никогда вас не увидит, никогда домой не придёте... Жалко вас. Бурят даже жалко. Человек человека убивает, бывает. Кайгук человека убивать не должен. Со мной идите, к нам.

- Нет, отец, - покачал головой Рат. Посмотрел на остальных и повторил: - Нет. Вам спасибо. Хотите - возьмите чай, возьмите еды, у нас хватает. У нас ночуйте, пожалуйста... Но мы тут пойдём. Не будем сворачивать. Мы так решили.

Старик неспешно набил извлечённую из мешочка на поясе маленькую чёрную трубку табаком и закурил. Запах табачного дыма неожиданно так остро напомнил всем пятерым о доме, что они почти готовы были бежать в его направлении прямо сейчас.

- Давно, - сказал старик, - мне отец говорил, ему - его отец, ему - его... хунхузы жгли наши жилища, били людей, грабили ламут... Много жизней грабили... Брали, что хотели... Пришли лоча. Мало пришло лоча. Они были дивные и страшные - высокие, светлые, с блестящим оружием. Наши старики сказали про хунхузов. Лоча гневались. Лоча сказали: "Заступимся за бедный ламут..." Мы хотели защиты. Но наши старики были честные люди. Они сказали: "Хунхузов - как деревьев в тайге. Вас мало. Уходите, и вас не тронут." Тогда старший лоча засеялся и сказал: "Мы пойдём. Не будем сворачивать. Мы так решили - авось!" Они делали так и пели, - старик с запинкой, неумело перекрестился. - Потом ушли. Мы плакали за хороших людей и ждали хунхузов. Но лоча вернулись. Совсем мало и все раненные, но они смеялись и говорили, чтоб мы не боялись больше... Они побии хунхузов... Мы любим лоча. Я когда молодой был, злые люди немцы напали на лоча. Лоча нас не звали. Старики собрали лучших охотников, сказали: "Идите и помогите лоча прогнать злых людей, как они прогнали хунхузов от наших становищ." И я пошёл. Просились, не брали, говорили: "Мало вас, иди в тайгу, соболей бей." Мы всё просились - взяли, был я на большой войне. Вот, вот, вот и вот, - он трижды поднял ладони, в четвёртый раз - три пальца, - злых людей немцев убил для лоча. Ой, страшно было! Но я не испугался. Белый Царь Ситалина мне награды давал, они дома лежат... Лоча смелые, я видел. Что ж - может, и впрямь вам не страшно идти, молодые лоча... и ты, злая бурят.

- О чём он? - нетерпеливо спросил Сашка. - Это про Великую Отечественную, а о чём он рассказывал сначала?

Рат встал и оперся на трофейный карабин.

- О моих предках, - тихо сказал он, глядя на запад.

Плоскогорье Кайгук

Подъём начался незаметно, но скоро стало ясно - они идут вверх. Уда осталась позади и слева - отсюда между деревьев ещё несколько раз мелькнула её серо-голубая лента, потом исчезла совсем. Почему-то очень не хотелось идти дальше, словно река с чем-то связывала, и Рат вынужден был даже поторопить:

- Пошли, пошли...

- Идём, идём, - вздохнула Светка, замыкавшая движение. Рат шёл впереди; Сашка и Егор тащили носилки. - Ра-ат... Поучи сегодня стрелять, патрон же много.

- Даже слишком, - заметил Егор, - тяжёлые они, заразы... Я раньше не думал, что это так тяжело - всё на себе носить.

- Оценил труд солдата? - серьёзно спросил Сашка. - Уважай и помни.

- Не спорю, - так же серьёзно ответил Егор. - А правда, потренируй вечером стрелять.

- Вечером и посмотрим, - отрезал Рат. У него болели ноги.

Подлесок почти исчез, но лес не "почернел" - широко стояли, раскинув кроны, сосны, лёгкий бодрящий запах пропитывал воздух. Спереди накатывал прохладный ветер.

- Э, это не осень наступает? - вдруг встревожился Сашка.

- Какая осень, - отозвался Рат, - июль не кончился...

- Да, точно, - кивнул Сашка и засмеялся: - А мне кажется - мы уже долго-долго идём...

- Это из-за того, что я у вас на плечахболтаюсь, - вздохнула Ксанка.

- Своя ноша не тянет, - сказал Егор и смутился, поймав на себе взгляды Рата и Ксанки.

- А что я сказал?!

- Да нет, ничего, - Рат покачал головой. - У нас тут обычай есть - когда жених невесту до крыльца несёт, его спрашивают: "Не тяжело ли?!" - а он отвечает: - "Своя ноша не тянет!"

- Идите вы, - не нашёл ничего умнее Егор и свирепо тряхнул носилки с пискнувшей от неожиданности Ксанкой.

- А это плоскогорье как называется? - осведомилась Светка. Рат задумался и пожал плечами:

- Чёрт его знает.

- Плоскогорье Кайгук, - сказала Светка, величаво поведя рукой перед собой. - Унд аллес³⁴ нормаллес...

... - Ну смотри, как стреляют у нас в Рязани, - Сашка вскинул карабин к плечу и не целясь выпустил всю обойму. Казалось, он даже не двигает стволом - а установленные в ряд на краю плоской глыбы в полустне метров камни в кулак величиной разлетались серебристыми брызгами.

- Оу-йо-ввау!!! - поддержала брата Светка, но тут же молча и требовательно посмотрела на Рата.

- Во, - показал тот большой палец. - Серьёзно, особенно если учесть, как плохо у нас стреляют в армии.³⁵

- Отец учил, - с искренней гордостью ответил Сашка.

- Меня тоже, - Рат говорил уже через плечо, расставляя другие камни. - Свет, кинь свой карабин... - он поймал его левой на ходу, возвращаясь на линию огня, встал спиной к цели, держа оружие в левой и правой... повернулся, вскидывая прямые руки - и карабины коротко прогрохотали по пять раз. Камней на глыбе не осталось... Потом Рат перебросил карабин Светке, кувыркнулся вправо, поднимая оружие к плечу - выстрел! На камень упала срубленная ветка.

Кувырок назад - выстрел! Вторая ветка спланировала за глыбу. Кувырок вперед - выстрел! Третья ветка повисла на жилке. Бросок влево плечом вперёд, в воздухе - выстрел! Жилка лопнула. Последний, десятый патрон Рат выстрелил в воздух и поморщился - только Светка поняла, что у него болят ступни.

- Ёхарный бабай... - потрясённо произнёс Сашка. - Если бы у тебя была полная обойма тогда...

- Я бы перестрелял их около оврага, - кивнул Рат. - Семи...светик, заряжай пушку, буду учить. Сань, иди в лагерь, посмотри, как там с ужином и нас позови... Потом поучишь меня ещё нож кидать.

- Слушаюсь, командир, - без придури сказал Сашка, перекидывая ремень карабина на плечо, оружие - стволом вниз.

- Больно? - спросила Светка, когда её брат исчез за деревьями. Рат кивнул:

- Так, немного... скребёт.

- Как бы заражения крови не было.

- Да брось, на мне заживёт, как на волке.

- Маугли, - Светка коснулась губами щеки мальчишки. Тот покачал головой:

- Отставить... Заряди карабин. А то как-нибудь придёшь на дискотеку, к тебе пристанут...

- ...а я с плеча карабин сниму и скажу... - Светка не могла придумать, что скажет, но явно была поражена красотой выдуманной картины. - О! Я себе пистолет оставлю!

- Не оставишь, - жёстко отрезал Рат. Светка насупилась, но почти тут же поклонилась:

- Слушаюсь и повинуюсь, мой повелитель... Ну? Куда тут смотреть и нажимать?..

... - Я когда из тайги прошлые годы возвращался, каждый раз подолгу не мог под крышей спать, - Рат откинулся на рюкзак, вытянул ноги и вздохнул. - В интернате первые годы воспитательница зайдёт ночью, меня нет. Она искать - а я в саду под деревом в одеяло завернулся и сплю... Шуму было, даже слёз.

- Кто плакал-то? - лениво поинтересовался Егор.

- Все...

- А, - Егор вдруг засмеялся. - Два года назад парень, он у нас как раз был младшим инструктором по альпинизму... ну, мне было тринадцать, ему - пятнадцать... Он англичанин настоящий, Джек Рафферти, мы с ним не то что дружили, но я его русскому учил...

- Мату, - заметила Светка. Егор засмеялся опять:

- Ну, и этому тоже... Но вообще-то серьёзно... Вот. Он такой твой английский вариант, Рат. С тараканами насчёт долга, чести и Родины. Там таких и нет уже почти, а он, значит, поступил в Уэлбекский колледж, это шарашка вроде наших суворовских училищ. И его два дяди, они тоже военные, уговаривали, на кого специализироваться. Один у него горный стрелок, другой - байдарочник, это не спортсмен, а спецназовец морской пехоты... Ну, сагитировал дядя Фред, который горный стрелок... Так. При мне разговор был, они все трое - этот парень, Джек, дядя Фред и дядя Том - стояли в вестибюле и говорили. Ну и дядя Том, который байдарочник, говорит, мол, племянник, я, похоже, оказался плохим агитатором? А Джек ему - да, но теперь я точно знаю, что ты любящий дядя...

- Не поняла, - призналась Светка, когда мальчишки просмеялись.

- Проехали, - отмахнулся Сашка. - В прошлом году в военном лагере было... Тёзка мой, Сашка Редин... Неделя прошла - от его девчонки ни единого звоночка. Вторая началась... Он ходит, как в воду опущенный. Ему вечером в беседке Никитос - это наш комвзвода был, шухарной такой, хоть и старше нас намного - говорит: "Санчес, - он нас всех так называл, поэтому и сам Никитос, хотя он Никита Олегович, - Санчес, ну нельзя же так. Возьми себя в руки!" А Сашка вздохнул и говорит: "Сегодня брал уже три раза - не помогает..." Опять не поняла?

- Дурак, - печально сказала под общий смех Светка. - Ксанка, расскажи что-нибудь о нашей женской доле.

Ксанка, которую Егор удобно устроил рядом с собой, развела руками. Тогда Светка встала, взъерошила волосы пальцами, раскинула руки в стороны и безо всякого предупреждения очень мелодично завопила - пением это назвать было трудно:

- Как во смутной волости

Лютой, злой губернии
Выпадали молодцу
Всё шипы да тернии...
Он обиды зачерпнул, зачерпнул,
Полные пригоршни,
Ну а горя, что хлебнул -
Не бывает горше...

- Светка кивнула Сашке: - Ну, как там дальше твой Вовка пел?! - и Сашка, вскинув голову, поддержал припев:

- Пей отраву - хоть залейся!
Благо, денег не берут, не берут!
Сколь верёвочка не вейся -
Всё одно - совьёшься в кнут!
Всё одно - совьёшься в кнут...

- и дальше пел уже сам, эта песня очень подходила для мужского - ну, мальчишеского - голоса:

- Гонит неудачников
По миру с котомкою...
Жизнь текёт меж пальчиков
Паутинкой тонкою...
А которых повело, повлекло
По лихой дороге -
Тех ветрами сволокло -
Прямоком в остроги...
- и Рат, опираясь на карабин, подхватил:

- Здесь на милость не надейся -
Стиснуть зубы, да терпеть, да, терпеть...
Сколь верёвочка не вейся -
Всё одно - совьёшься в плеть!
Всё одно - совьёшься в плеть...
Ах, лихая сторона!
Сколь в тебе не рыскаю -
Лобным местом ты красна, ох, красна,
Да верёвкой склизкою...
А повешенным сам дьявол-сатана
Голы пятки лижет...
Смех, досада - мать честна!
Не пожить, не выжить!
Не пожить, не выжить...
Ты не сой, не плачь - а смейся,
Слёз-то нынче не простят, не простят...
Сколь верёвочка не вейся -
Всё одно укоротят!
Всё одно укоротят...

- два мальчишеских голоса отчаянно перекрикивали друг друга в ночной тайге, словно

торопясь успеть пожаловаться до конца на то, что нету на Руси правды, как не было раньше, что до бога высоко, до царя далеко, а Егор, молчавший и слушавший, вдруг вспомнил виденное в фильме "Ермак" и запавшее, оказывается, в память: " - А где ж они, слуги-то мои верные? - Да где ж им быть-то, государь, слугам-то твоим верным? На дыбе... А ты их убей, Ваня, ты их убей! Всё одно - бояре царство твоё пропьют, разворуют!" Он даже мотнул головой, чтобы отогнать видение...

- Ночью думы муторны...
Плотники не мешкают!
Не успеть к заутрене -
Больно рано вешают!
А ты об этом не жалея, не жалея,
Что тебе отсрочка -
На верёвочке твоей
Нет ни узелочка!
Лучше ляг, да обогрейся -
Я, мол, казни не просплю,
ох, не просплю...
Сколь верёвочка не вейся -
А совьёшься ты в петлю!
А совьёшься ты в петлю...

- Отец очень Высоцкого любил, - пояснил Рат. Сашка вздохнул, улыбнулся:
- А у меня приятель есть, Вовка Хабаров, он вообще считает, что на Высоцком настоящее искусство своё развитие и прекратило...
- Всё собрались музыкально одарённые, - немного обиженно вмешался Егор, чтобы развеять окончательно наваждение от песни. И неожиданно для самого себя спросил: - Хотите, стихи читаю?
- Хотим, - тут же ответила Ксанка. Остальные немного недоумённо промолчали.
Егор взял ветку, опустил её в огонь, подождал, пока займётся и, держа её, горящую, в руке, поворачивая слегка, начал негромко и задумчиво читать:

- В том лесу белёсые стволы
Выступали неожиданно из мглы.
Из земли за корнем корень выходил,
Словно руки обитателей могил.
Под покровом ярко-огненной листвы
Великаны жили, карлики и львы.
И следы в песке видали рыбаки
Шестипалой человеческой руки.
Никогда сюда тропа не завела
Пэра Франции иль Круглого Стола,
И разбойник не гнезился здесь в кустах,
И пещерки не выкапывал монах.
Только раз отсюда в вечер грозовой
Вышла женщина с кошачьей головой,
Но в короне из литого серебра,
И вздыхала и стонала до утра,
И скончалась тихой смертью на заре
Перед тем, как дал причастье ей кюре.
Это было, это было в те года,
От которых не осталось и следа,

Это было, это было в той стране,
О которой не загрезишь и во сне.
Я придумал это, глядя на твои
Косы - кольца огневющей змеи,
На твои зеленоватые глаза,
Как персидская больная бирюза.
Может быть, тот лес - душа твоя,
Может быть, тот лес - любовь моя,
Или, может быть, когда умрём -
Мы в тот лес отправимся вдвоём...

- а Рат, слушавший даже внимательней затаивших дыхание девчонок, вдруг прочёл:

- Мы пробились вглубь неизвестных стран.
Восемьдесят дней шёл мой караван.
Цепи грозных гор, лес, а иногда -
Странные вдали чьи-то города.
Города вдали - и из них порой
В лагерь долетал долгий, жуткий вой.
Мы рубили лес, мы копали рвы,
Вечерами к нам приходили львы,
Но трусливых душ не было среди нас -
Мы стреляли в них, целясь между глаз!..

Гумилёв, да? - Егор кивнул, а Ксанка сказала:

- Ой, Егорка, а я эти стихи в сериале слышала... ну, их пели, "Любэ" пела... Только не все, самый конец... Такие хорошие...

- Сериал "Саломея", - словно бы нехотя добавил Егор. А Сашка повторил:

- Но трусливых душ не было среди нас - мы стреляли в них, целясь между глаз... Здорово.

Вдали - там, куда завтра лежал их путь - неожиданно послышался странный, механический и угрожающий звук - что-то среднее между воем и уханьем. За всё время в тайге они ни разу не слышали такого, и даже Рат забеспокоился. Все повскакали на ноги, а он процедил:

- Вот завтра и проверим - как это здорово, Сань.

Чужие здесь не ходят...

- Мда, - сказала Светка.

У других слов просто не находилось.

Сухая старая берёза, нависавшая над тропкой между двумя крутыми скалами, за которыми начиналось плоскогорье, была украшена в соответствии с фантазией местных жителей. Её венчал здоровенный череп, в котором без труда можно было узнать череп мамонта. Ниже черепа висели гирляндами, на каждом сучке могучего дерева. Их расположили с большой фантазией и прирождённым чувством дизайна. В самом низу шёл кокетливый поясик из человеческих черепов.

- Надеюсь, череп мамонта они выкопали из вечной мерзлоты? - тихо спросил Егор.

- Кто - "они"? - так же тихо поинтересовалась Светка, успевшая переместиться с лидирующих позиций за спины Рата, шедшего последним.

- Ну... - Егор пожал плечами. - Местные жители.

- Тут нет жителей в нашем понимании, - сказал Рат. - И нет вечной мерзлоты... Мы можем повернуть на юг.

- И?.. - с надеждой спросила Светка. Рат вздохнул:

- И упрёмся в болота у истоков Уды. Их обходить примерно неделю. И потом идти до людей ещё столько же.

- А тут? - Сашка созерцал чудо-дерево.

- Через тридцать километров будем на Зее, - сказал Рат. - Даже если там никого не встретим, то ещё через три-четыре дня выйдем к Верхнезейску.

- Ясно, - буркнул Сашка, продолжая неприязненно мерить взглядом берёзу. - Вот что, Ратмир. Кончай темнить. Рассказывай, что ты там про это знаешь. Мы же всё равно здесь пойдём - то неделя, а то две. Так хоть знать будем, что к чему.

- Ладно, - поморщился Рат. - Дело такое. Вон, Егор немного об этом уже знает...

...Когда Рат окончил довольно короткий, но содержательный рассказ, Светка, не сводившая с него глаз, сказала:

- Если бы ты не... я бы решила, что ты врёшь. А-ффигеть.

- Я их видел, - повторил Рат. - Не знаю, кто они, но я их видел.

- Ответвление эволюции, - хмуро сказал Егор. - Многие учёные считают, что раньше на Земле разумных существ разных видов было много. Просто человек оказался самым упорным, организованным и агрессивным. Или вообще прилетел с другой планеты.

- Ты в это веришь? - иронично спросила Светка. Егор ответил:

- А ты правда считаешь, что он от обезьяны произошёл?..³⁶ Да это и не важно, а важно, что вот по разным дремучим углам остались какие-то представители тех, других, разумных. Ну и мстят человеку за то, что он всю планету под себя подмял.

- Это, кстати, тоже не важно, - возразил Рат. - Важно, что мы должны идти вперёд по этим землям. Или обойти их. Я, признаться, думал, что тот старик переборщил. Но тут такой явный знак... - он кивком указал на берёзу.

- Тридцать километров мы можем пройти за сутки, - сказал Сашка. - Даже с раненой.

- Не можем, - покачал головой Рат, - но всё равно тут быстрее, конечно, чем в обход...

- Бред какой-то, - призналась Светка. - У нас пять винтовок, четыре пистолета и полно патронов. Ты, Рат, говоришь, что у них даже луков нет! О чём тут рассуждать?

- Хотя бы о том, что у кого-то тут лук есть, и я не знаю, у кого, - возразил Рат. - А от этого всё опасней в несколько раз. Я уж не говорю о том, что карабин иногда излишне прибавляет человеку уверенности. Излишне, повторяю.

- Ты против того, чтобы тут идти? - прямо спросил Егор. Рат замаялся и ответил честно:

- Если бы я был один - я бы пошёл.

- Ты не один, и мы пойдём здесь, - сказал Сашка.

Рат какое-то время молчал, глядя в небо. Потом спросил Ксанку:

- А ты, злая бурят, что скажешь?

- Пойдём здесь, - ответила та. - Ег... вам меньше меня тащить.

- Семицветик, - сказал Рат, открыто называя Светку так, - вам с Егором придётся волочь носилки всё время. Сань, идёшь первым, держи точно на запад. Я в тылу. Пошли...

...Единственное, что донимало маленький отряд в начале пути - так это тяжёлый страх. Он возникал не от каких-то реальных причин - было светло, вокруг лежала всё та же, только более редкая, чем внизу, в речной долине, "светлая" тайга, дул хороший приятный ветерок. Он возникал даже не от ожидания неприятностей. Правильней сказать, он даже не возникал - в смысле, он не зарождался в человеке. Он просто ждал за кустами и деревьями и повисал на идущих, как липкая паутина на лице, плечах, рюкзаках, которую почти невозможно было стряхнуть. Казалось, стоит поднять руку - и ощутишь его пальцами.

Шли сосредоточенно, не останавливаясь на обычные короткие привалы и не отвлекаясь на разговоры, пока около двух часов дня слева - с юга почти точно - донёсся тот самый вечерний вой. Только теперь он был гораздо ближе и отчётливей. Все на минуту остановились - и такой же звук долетел с северо-запада, почти оттуда, куда они шли.

- Так, - сказал Рат, - они знают, что мы здесь... Сань, смотри в оба, держись открытых мест... Ксан, ты там, наверху, не дремли, приготовь оружие.

- Ясно, командир, - отозвалась девчонка.

Они наддали - не потому, что собирались уйти от погони, а просто потому, что это укоренилось в людях: раз опасность - надо быстрее. Вой не повторялся, но минут через сорок Ксанка сказала спокойно:

- Вижу. Справа метров двести, за логом... исчезли.

- Сколько? - спросил Рат, подняв глаза. Ксанка ответила:

- Видела двоих. Точно не люди, похожи на обезьян.

- Впереди холм, - Сашка посмотрел через плечо, по лицу у него сползали капли пота.

- Может, там пересидим?

- Не пересидим, - усмехнулся Рат. - Это ведь не звери. Идём дальше... - но сам перед тем, как шагнуть, повернулся направо и крикнул: - Не подходите! Нас много! Ну?! - и наугад выстрелил в ту сторону.

- Напугал? - тихонько спросил Егор. Рат дёрнул плечом:

- Обозначил присутствие... Напугать их не напугаешь.

- Ё-мое, - высказался Егор. - Это не во сне, Рат? Может, я поору и проснусь? Громко?

- Боюсь, что это бесполезно... - Рат быстро посмотрел по сторонам. - Бегом! Бегом на холм!

- А говорил - не отсидимся... - подала голос Светка, пускаясь бегом и на бегу продолжая развивать мысль: - Говорят, когда янкесы во Вьетнаме воевали, то вьетнамские девчонки на себе перетаскали для партизан десятки тонн грузов по дороге... такой дороге... Са-ань!

- Тропа Хо Ши Мина, - тоже на бегу ответил тот.

- Во-во, его тропа...

- Берегите дыхание! - Рат нёсся почти рядом, не видя, не слыша, но всей кожей чувствуя, что справа и слева несутся преследователи. - Скорей!

Справа за кустами молчаливо и целеустремлённо мелькнула тёмная масса. Рат, не останавливаясь, выстрелил в том направлении, потом - ещё раз - по ходу возможного движения существа. Короткий пропадающий вопль был ответом выстрелам - и почти тут же подлесок буквально взорвался жутким угрожающим воем десятка глоток.

На свою беду Светка обернулась. То, что она увидела, запросто могло бы поколебать куда более устойчивую психику. Огромные, хотя неожиданно тощие - не меньше двух метров в длину - существа одно за другим вырывались на след бегущих ребят. Они мчались на четырёх... лапах или руках, непонятно, раскачиваясь и подёргиваясь, словно паралитики, но очень быстро. Короткая серая шерсть покрывала их полностью, не позволяя толком разглядеть головы, только глаза блестели алым собственным светом. Переднее из существ поднялось в рост и хрипло зарычало.

- Аааа!!! - Светка споткнулась; Егор, почувствовав это, успел бросить свою сторону носилок и подхватить падающую Ксанку.

- Беги! - что было сил крикнул Рат ему, рывком вскидывая на ноги бледную от ужаса

Светку и заставляя её бежать к холму. Мимо них проскочил Сашка и, закрыв остальных собой, начал сажать пулю за пулей в умопомрачительных тварей с такой скоростью, словно был вооружён не самозарядкой, а автоматом. - Светка, давай! - Рат пихнул девчонку в том же направлении, в каком бежал Егор, а сам, упав на колено чуть сбоку от пятящегося Сашки, открыл огонь. Тот сменил магазин, посмотрел на Рата круглыми бессмысленными глазами и опять начал стрелять.

Твари исчезли. Непонятно было даже, куда они делись. Три лежали на прогалине неподвижно, одна корчилась в трёх шагах, не больше, от ног мальчишек, издавая странные звуки, не говорящие о боли, непохожие на голос живого существа вообще.

- Пошли скорей, - тяжело дыша, сказал Рат. - Сань, пошли...

- По...го...ди... - со свистом втягивая воздух, сказал тот, - я... посмотреть...

- Пошли, придурок! - Рат рванул друга за плечо и побежал следом за ним. Они успели пробежать две трети расстояния до холма, когда с него открыли огонь сразу три карабина - стреляли и Егор, и Светка, и Ксанка. - Хватит! - крикнул Рат, обернувшись и увидев, что позади никого нет.

- Там, в кустах! - Егор возбуждённо ткнул стволом "егеря".

- Думаю, не только там, - Рат сел на траву рядом со Светкой и крепко обнял её. Девчонку колотила дрожь. - Испугалась?

- Я Ксанку уронила... - выдавила девчонка. - Так испугалась...

- Не только ты, - Рат движением плеч сбросил рюкзак, достал бинокль и, поднявшись, начал осматриваться. Остальные молчали, стараясь отдышаться и ощетинившись стволами во все стороны. - Так... - спуск я вижу и отсюда... и даже реку, это Зея. А поблизости вон ещё речушка, километра три... И дорога свободна. Так свободна, что это, конечно, ловушка...

- Какая ловушка? - Сашка, подняв голову от приклада карабина, облизнул губы.

- Ты что, не понял? - Рат убрал бинокль и присев, начала дозаряжать оружие. - Они умеют думать. Может, не так, как мы - но не хуже... Егор, делай новые носилки. Тут мы задерживаться не будем.

- Их можно убить, - Сашка явно пришёл в себя полностью. - Не очень легко, в одного я четыре раза попал, пока он свалился. Но можно. Даже если их несколько десятков...

- Вряд ли их так много, - сказал Рат. - Но дело в том, что мы их можем убить, пока видим. Стоит нам оказаться в месте, где на самом деле густая растительность - а впереди таких мест пропасть - и они навалятся со всех сторон, а голыми руками мы все вместе едва ли справимся с одним таким... Снарядить магазины. Запасные патроны пересыпьте из рюкзаков в карманы.

- Значит, всё-таки пойдём? - уточнил Егор.

- Я уже говорил, что тут не отсидимся, - пояснил Рат, засовывая ТТ за поясной ремень.

- Порядок движения прежний. Сань, не вздумай мне помогать. Ты ко мне бросишься, а они навалятся спереди, когда у Егора оружие не в руках...

- Один вышел! - Светка вскинула карабин, но Рат положил на ствол ладонь:

- Погоди.

Метрах в тридцати от холма из кустов поднялось существо. Оно стояло в рост и сильно напоминало рисунок реликтового гоминида - снежного человека. До такой степени, что Рат задумался: интересно, сколько человек вот так же ошиблось и, наслышанные о миролюбивости снежного человека³⁷, хватались за фотоаппарат, когда надо было просто сломя голову бежать?

- Чего ты хочешь?! - крикнул Рат - слишком уж явно и долго стояло существо. И не ошибся. Светка ахнула.

Существо подняло длинную жилистую лапу... нет, руку! Показало растопыренные пять пальцев, махнуло в сторону холма. Поджало четыре пальца, оставив один - и показало им в свою сторону. Поджало пятый палец, показало четыре - и вытянуло руку на запад.

- Вы понимаете, что оно предлагает? - тихо спросил Егор. - Вы понимаете?

- Одного отдать, остальные пусть уходят, - сказал Рат. - Кого отдавать будем?

- Ребята... - подала голос Ксанка, стремительно бледнея. Рат усмехнулся:

- Оставьте меня, вы со мной не дойдёте... - он вскинул карабин и выстрелил, но промахнулся - за долю секунды до этого существо ушло вниз и, как оказалось, в сторону, потому что ещё через секунду возникло совсем в другом месте и показало ладонь поперёк горла, после чего исчезло совсем.

- Прыткий... - заметил Рат спокойно, но все остальные заметили, как у него прорезались зло скулы и потемнели глаза. - Ладно... Нам теперь главное до воды добраться...

- Они что, не любят воду? - округлила глаза Светка. - Текучую, да? Как нечистая сила?
- Носилки готовы? - оставил без внимания это высказывание Рат.
- Да, командир, - отозвался Егор.

- Ксанка, грузись, - Рат встал на колено и зачем-то начал расковыривать патроны к карабину - расшатывал и вынимал пулю, осторожно обжимал отверстие в гильзе плоскогубцами на ножнах трофейного ножа, вставлял в магазин. - Сань, настругай веток толщиной... ну, в шомпол толщиной. Семицветик, наверти тампонов из ваты. И спирт достань из аптечки...

Не очень понимая, что собирается делать Рат, все выполняли его приказания. Там-поны Светка закрепила на концах выструганных Сашкой прутьев. Рат посмотрел, кивнул и сказал:

- Значит так. Сань, когда я скажу - будешь поливать тампоны спиртом, вставлять в ствол моего карабина и поджигать. Готов?

- Да, - Сашка кивнул. Рат обратился к Светке и Егору:

- Приготовьтесь хватать носилки... Сань, давай!

Карабин непривычно глухо бухнул, выплёвывая целый сноп пламени - и палка с горячей ватой ракетой ушла по дуге в сторону кустов, над которыми через несколько секунд заплясало пламя. Послышался уже не вой, а вопль, было видно, как метнулись в стороны серые тени. Ещё тремя выстрелами Рат поджёг широкую полосу, как бы отсекая холм от преследователей, а потом начал стрелять в другую сторону - влево-вправо, очерчивая огненный коридор.

- Быстро! - крикнул он, меняя пустой магазин с кустарными холостыми на полный, уже с боевыми. - Носилки!.. Бегом!..

Ребята рванулись в разгорающийся огненный коридор. Ясно было, что этот пожар уже не потушить - он будет лишь разгораться, пока не натолкнётся на непреодолимое препятствие или пока не польёт мощный ливень. Рат поджёг тайгу, задержав страшных преследователей тем древним средством, которое когда-то дало людям власть над всем миром - огнём. Но этот огонь был неподконтролен никому и с тем же успехом мог, защитив людей сейчас, сжечь их через полчаса. На бегу Рат увидел, как оранжевые струи с лёгкостью белок взмывают по толстым стволам деревьев к самым кронам - и похолодел. Если пожар превратится в верховой, то они не пробегут и километра - пламя, мчащееся по деревьям со скоростью поезда, догонит их, и они задохнутся раньше, чем сгорят. Такой пожар высасывает кислород из воздуха, порождая вихри, могущие поднять и швырнуть в пекло даже крупное животное вроде лося или кабана, не то что человеческого подростка.

- Скорей, скорей, - прохрипел спереди Сашка, - там уже тоже огонь!

- Проскочим! - заорал Рат, чтобы подбодрить всех, в том числе и себя.

Гул пожара становился непереносимо-ликующим. Казалось почти невозможным, что-бы огонь распространялся с такой скоростью, но это было реальностью - реальность дышала жаром в затылок и лицо, высасывала кислород из воздуха, заставляя мучительно разевать рот, а затылок - раскалываться от боли. Рат бежал последним и молился, чтобы Сашка не потерял направления. Это бывает во время лесного пожара даже с животными - и они гибнут... Он молился, чтобы Егор или Светка не упали...

С хряском впереди рухнуло дерево. Огонь обогнал людей; Рат на миг оглянулся и поразился - позади стояла неподвижная алая стена, выстреливавшая щупальца плотного пламени, и то, к чему они прикасались, вспыхивало с игрушечной лёгкостью. И в это мгновение Рат понял - они не добегут к реке. Он обманул сам себя.

- Сюда-а!!! - хрипел где-то впереди и слева Сашка. - С-сюда-а!!!

Куда, зачем? Это уже не имело смысла, какая разница... Рат бежал на голос, уже не видя никого и ни о чём не думая - потом под ногами стало пусто, и он грохнулся куда-то вниз, извернулся в падении, приземлился на ноги с плеском.

Это был узкий овраг, скорей даже щель в земле, заплетённая сверху кустарником. На дне весной бежал ручей, оставивший после себя мощный слой грязи, подёрнутый по-верху плёнкой воды. В этой грязи стояли все остальные. Рат скользнул взглядом по их лицам,

поднял голову и увидел, как на глазах высыхают, желтеют и прорастают рыжими побегами пламени сплетения кустов. Сверху пахло невыносимым жаром, и Рат, приходя в себя, скомандовал:

- Всем сесть! Скорее! Глубже, только чтоб дышать!

И, подавая пример, ушёл в грязь по уши.

Он не взялся бы сказать, сколько так пришлось сидеть. Грязь стала горячей, но не такой горячей, как воздух вокруг. Победный рёв и свист наверху постепенно удалялись, и всё-таки дышать было почти невозможно, лёгким не хватало кислорода. Светка начала терять сознание - её глаза закатились под лоб, оставив на виду только пятна белков, изо рта пошла зелёная пена, и Рат подставил под девчонку руки, закрыв её рот и нос мокрым рукавом камуфляжа. Светка захрипела и, очнувшись, стала отбиваться - кто там знает, что ей привиделось, - но быстро пришла в себя и, всхлипывая, прижалась к Рату. Если бы он мог, он бы поделился с ней возможностью дышать - но ничего сделать было нельзя, они тянули один и тот же горячий удушливый воздух...

- По-моему ушло, - чужим голосом сказал Егор, почти державший на руках Ксанку.

- Вы слышите, по-моему ушло.

Грязь дымилась, как в лечебной ванне. Сашка молча полез вверх, цепляясь за корни и обрываясь, крикнул:

- Вылезайте, можно!

Местность наверху изменилась чудовищно. Подлесок выгорел дотла. Землю покрывал слой пепла, она исходила дымом. Устоявшие деревья дымились, как чёрные свечи на сатанистской мессе, большинство же валялось в беспорядке и горело вялым бледным огнём. Запах дыма висел в воздухе. Дымная полоса скатывалась в сторону Зеи - эта часть пожара ушла туда.

- Смотрите! - ахнула Светка, едва Рат помог ей выкарабкаться. В двух десятках шагов под рухнувшим деревом, уже не понять, каким, лежал большой олень-изюбрь, весь покрытый ранами и ожогами, со страшно изувеченной головой, но... живой. Он слегка шевелился и вдруг тихо застонал.

Егор быстро подошёл к нему, вложил ствол перемазанного грязью "егеря" в обгоревшее ухо и, отвернувшись, выстрелил. Светка заплакала и притиснулась к Рату.

- Что же мы наделали?!

- Мы спасались от смерти, - твёрдо сказал Рат. - Нас пятеро людей, нас ждут дома.

- Всё равно жалко... - прошептала Светка и тяжело вздохнула.

- Ну, по крайней мере, эти твари точно погибли, - сказал Сашка, оглядываясь. Рат покачал головой:

- Ты думаешь, на их памяти это первый лесной пожар? - он тоже огляделся и, отстранив Светку, скомандовал: - Идём к реке, и быстрее!

Встреча

Странно, но пожар почему-то круто свернул к северо-востоку, и до реки ребята дошли уже по вполне обычной тайге, чутко прислушиваясь и приглядываясь. Хотелось верить, что их страшные преследователи если не погибли в пламени, то по крайней мере напуганы и потеряли след. Но Рат не был в этом уверен.

Все очень устали - буквально смертельно, и ко времени привала едва волочили ноги. Шалаш делать сил не было. На небольшом мысу мальчишки навалили кольцо из хвороста и солидных лесинок, подожгли его - и все пятеро вповалку, подложив под головы рюкзаки, улеглись спать внутри огненного круга, которого должно было хватить на несколько часов...

...Рат проснулся за полночь - от того, что его толкнули изнутри.

Остальные спали. Костёр почти прогорел, но ещё сохранял форму кольца, и пламя пританцовывало над углями. Вдали на небе дрожало зарево пожара, скрадывавшее звёзды. А

в другой стороне - там, где текла Зея, но дальше неё - мальчишка вдруг увидел иное зарево. Ровное и золотистое, оно узкой полоской держалось над горизонтом.

Рат тихо ахнул. Встал на колени, потом вскочил на ноги. Вгляделся. И прошептал:

- Свет... люди... Верхнезейск!!!

Слёзы брызнули у него из глаз совершенно произвольно, градом. Рат захлопал, обеими руками размазывая грязь по лицу. Он стоял, плакал, смотрел на непоколебимое и уверенное электрическое зарево и бормотал:

- Люди... люди... мы здесь... люди...

То самое чувство, которое его разбудило, заставило Рата обернуться к лесу.

ОНИ выходили из темноты бесшумными тенями. И садились на корточки - но не по-людски, а как-то странно складываясь по суставам - совсем близко от гаснущего огня. Алыми точками мерцали глаза, в мерцании отчётливо читалась насмешка.

Рат зарычал - так, что тени подались назад. Подхватил карабин и пинками начал будить остальных, одновременно крутясь на месте, чтобы не упустить момента, когда в месте, где огонь потухнет окончательно, обитатели тайги пойдут на штурм. Через полминуты все были на ногах - даже Ксанка встала, поджав ногу и привалившись спиной к спине Егора. Ребята встали в круг, выставив карабины. Они не стреляли - свет мешал видеть цели точно, а что вскоре понадобится каждый патрон - в этом не сомневался никто.

- Почти дошли, - пробормотал Сашка. Он тоже различил зарево. - Чёрт, почти дошли...

Что за гадство - нас убьют какие-то... не знаю даже, кто! Ну! - крикнул он. - Ну, идите, ну!

- Ратка, - прошептала Светка, её шёпот зашекотал ухо, - ты только пожалуйста... всё время будь рядом. Совсем всё время...

То одна тень, то другая поднималась и переходила на другое место - вроде бы и неспешно, но это мельтешение, повсеместное и беспрестанное, мешало ориентироваться и сбивало с толку. Существа издавали звуки - странные и тихие, и было ясно, что это не просто животные звуки, было ясно, что это разговор - и от этого становилось страшнее.

Одно подошло совсем близко к огню, стояло, чуть покачиваясь. Теперь стало возможно разглядеть лицо - именно лицо, это была не морда, а лицо. Улыбающееся лицо. Под чёрной губой обнажились мощные клыки.

Существо насмехалось над людьми.

Вой раздался так неожиданно, что Рат едва не спустил курок. Но это был не вой существ, нет. Совсем рядом, чуть дальше по берегу, выл волк. В вое были гордость и угроза, радость и предупреждение, вызов и тоска. К этому кличу присоединились ещё несколько сразу, и существо, складываясь пополам, отскочило в темноту, а его сородичи наоборот - повскакали на ноги. Послышался рык и хрип, жутко-механический, в воздухе повис отвратительный запах.

- Смотрите!!! - ахнула Ксанка. - Смотрите!!!

По отмели, высоко выпрыгивая из воды, разбрасывая ртутные капли, молча и страшно мчались волки. Их было много - не меньше трёх десятков, и в их беге была странная целеустремлённость. Передний - огромный, почти непредставимо гигантский, угольно-чёрный или казавшийся таким - на миг замер и, вскинув лобастую голову, взвыл. Остальные молча обтекали вожака... а за ними, подальше, Рат увидел на той же отмели человеческую фигуру - мохнатая и высокая, она стояла, подняв и раскинув в стороны руки...

Навстречу волкам бросились уродливо раскачивающиеся фигуры чудовищ - и две стаи сшиблись на отмели, расколов ночь окончательно воем и рыком.

- Уррраааа!!! - вдруг заорал Сашка, бросаясь вперёд с карабином наперевес. И ещё - совсем уж дикое: - На-шии!!!

Но почему-то это показалось вполне естественным и даже разумным. Рат успел только крикнуть: "Девчонки, на месте!!!" - и оказался прямо перед тварью, на спине у которой повис волк, а второго она ломала ручищами, как выжимают мокрую тряпку... Рат выстрелил в упор - раз, другой, третий - и чудище с плеском полетело в воду... но другое навалилось

сзади, пахнущее гнилью, могилой, и мальчишка, сломанный этой жуткой силой, упал на колени... но тварь вдруг высоко и жалко завизжала, закрутилась на месте, пытаясь вырвать ногу из челюстей волка - тот волочил задние лапы и грызы, грыз... а его собрат, соскочив со спины убитой Ратом гадины, с глухим рыком прыгнул на горло. Рат, не видя, куда стрелять, выхватил нож и, подскочив, начал всаживать его в вонючий бок - снова, снова, снова...

И ничего больше не было, ничего, кроме ртутных струй реки и тёмных прядей крови, вплетённых в них, крутящихся в них, кроме рыка и хрипа, кроме выстрелов и озверения...

...Волки не преследовали убегающих существ. Сашка и Егор стреляли вслед, стреляли бы и ещё, если бы Рат, опомнившись, не вырвал у них карабины. Девчонки с ужасом смотрели на мальчишек, сжимая в руках оружие - на миг Рату показалось, что Светка и Ксанка готовы обороняться от них.

- Так не бывает, - сказал Егор. Помотал головой, кивнул на волков, которые усаживались и укладывались на берегу, вывешивая языки; два или три ходили возле трупов - своих собратьев и существ. - Рат, но так не бывает!

- Тише, - сказал Рат, глядя на отмель.

Человеческая фигура приближалась - неспешно и бесшумно, не плеща водой. Сейчас Рат уже различал у неё за спиной большой лук и колчан со стрелами. Человек шёл так, что не оставалось сомнений - он хозяин здесь, и нет никого, кто мог бы оспаривать это звание.

- Чёрт! - вырвалось у Сашки, только теперь увидевшего человека. - Кто это?!

- Кайгук, - ответил Рат. - Ещё один... у которого... у которой гостил тот эвен, Ковшичан.

Тише все. Может быть, нам повезло...

Чем ближе подходил человек, тем яснее различалось, что это высокая женщина, каких не бывает среди местных народов. Волосы, распущенные и длинные, падали на лицо и смешивались с оторочкой капюшона мехового балахона. Волки поднимались и подстраивались слева и справа, как почётный эскорт. Смешно или странно это не выглядело. Как не выглядело смешным и то, что Рат положил под ноги карабин, снял и расстегнул ремень с ножом и ТТ в кобуре, потом поклонился:

- Мы не хотели никому зла, - сказал он. - Мы просто идём через эти места домой. И мы благодарны твоим волкам за то, что они нас спасли. Если и мы можем помочь - скажи, чем, и мы поможем.

Женщина остановилась в десятке шагов от ребят. Создавалось ясное ощущение, что она рассматривает их из-за шторки волос - внимательно и безразлично. Потом послышался голос - ещё молодой и в общем-то красивый, но самое главное - она говорила по-русски, причём совершенно правильно!

- Я знаю вас. Вы сражались с хунхузами там, внизу. Я помогла вам, потому что не люблю ни хунхузов, ни эту... отрыжку природы, - она указала на тела тварей в воде. - Можете идти через мои земли, никто не тронет вас.

- Это сон, - довольно громко, но не обидно, а зачарованно сказал Светка. - Это сон. Кто вы? Вы эльфийка? Вы Хозяйка Волков?.. Нет, не надо, не говорите... это всё равно сон...

- Рат, ты чего? - шепнул Егор, видя, что его товарищ словно окаменел, вскинув голову и как будто прислушиваясь к чему-то невнятного, слышимому только ему одному. - Рат, да что ты?! - он попытался ухватить двоюродного брата за рукав камуфляжа, но тот увернулся и пошёл к женщине, словно ступая по тонкому льду. Недовольно зарычали волки, но женщина сделала короткий жест в их сторону и спокойно ждала, пока мальчишка подойдёт к ней вплотную.

Рат поднял руки, словно собираясь молиться. Задержал их перед лицом женщины. Коснулся её волос. Развёл их в стороны. Несколько секунд смотрел в открывшееся лицо - худое, измученное, но красивое и слегка удивлённое.

- Господибожемой... - ахнула Светка. - Но они похожи!!!

Рат сломался в коленях и сполз в реку. Его руки плотно обхватили закутанные в мех ноги женщины выше колен.

- Мама, - сказал Рат. - Я тебя нашёл, мама.

Мгновение женщина смотрела в запрокинутое к ней бледное лицо мальчишки, с которого разом сошёл весь загар. Потом она закричала...

...Никто не сможет, наверное, объяснить, почему волки не тронули беспомощную женщину. Это правда, что волки иногда воспитывают человеческих детей (хотя никогда не крадут их специально с этой целью), но лишь потому, что от них ещё не пахнет человеком. Этот запах для животных - как сигнал опасности, от него или бегут, или стараются уничтожить носителя запаха.

Может быть, дело было в том, что в тот момент Елена Первакова была не в себе, а звери избегают трогать больных, инстинктивно чуя их.

Что с ней произошло - женщина до определённого момента не помнила вообще, а с того момента помнила плохо. Её воспоминания начинались в момент, когда она очнулась в луже своей крови в тайге, раненая пулями в спину, бок и голову настолько тяжело, что стрелявший в неё хунхуз закономерно посчитал её убитой. Она не забыла языка, не потеряла рефлексов и умений, но совершенно не помнила свою жизнь, как таковую. Отлеживаясь в пещере-вывортне, она и не пыталась вспомнить, потому что беспамятство не причиняло ей неудобств.

Более-менее выздоровев, она ушла дальше на запад - от места, где произошла трагедия, её гнало что-то, похожее на инстинкт. На плоскогорье Елена Первакова встретила волчью стаю, как раз сбивавшейся под зиму - и стая не просто приняла её. В скором времени женщина-человек стала вожаком волков - благодаря уму, благодаря умению делать ловушки на зверя, благодаря умелым пальцам, лечившим то, что сами волки вылечить не могли.

Так продолжалось несколько лет. В рассказах забредавших в эти места таёжных охотников русская женщина превратилась в кайгука - и те, кто видел её, обильно уснащали свои рассказы невероятными подробностями. Елена Первакова никогда не делала этим людям зла, наоборот - то подкидывала пушнины, то спасала человека от обитавших в буреломе древних тварей, ненавидевших всех, кто не похож на них... но ей в голову не приходило попытаться выйти к людям. Пожалуй, она даже была уверена, что одна такая на свете, что-то вроде белого или чёрного волка. Остальные люди - и китайцы, и местные жители - не были похожи на неё, а значит, жить вместе с ними не имело смысла. Русские же в эти места не забредали, хотя до их поселений было рукой подать.

Похожих на себя людей - светлокожих, светлоглазых, рослых - она увидела первый раз совсем недавно. И долго следила за ними - не с какой-то целью, а просто забавляясь и обдумывая этот факт. Три мальчика и девочка были совсем как она, ещё одна девочка походила и на местных, и на неё. Когда этих людей обидели хунхузы, Елена Первакова помогла им и ушла в свои места, перестав интересоваться людьми и не ожидая, что они придут на её территорию. Когда же они пришли, то это её не заинтересовало, она бы и внимания второй раз не обратила... не напади на людей твари.

А потом случилось то, что случилось. Не такая уж необычная вещь, много раз происходившая во все времена у разных народов и названная "шоковой терапией". Когда незнакомый мальчишка прикоснулся к ней, а потом упал на колени, и в его голосе прозвучали боль и мольба, смешанные с надеждой - Елена Первакова пришла в себя раньше, чем поняла, что именно он ей говорит...

... - И здесь ты жила? - Рат осмотрелся, присел на шкуры, поставил рядом карабин. Женщина села рядом, тут же взяла в ладони руку сына, и тот, помедлив, привалился к её плечу, хотя сам был чуть ли не выше её и, закрыв глаза, замер.

- Это твои друзья? - с улыбкой спросила она, глядя, как остальные ребята рассказывают вокруг, родко оглядываясь. - А это, по-моему, Оксана?

- Да, тёть Лен, - Ксанка, которой Егор помог устроиться, кивнула. - А вы ничуть не изменились...

- А ты наоборот очень изменилась... Так выросла... А ты, мальчик... - она внимательно

взглянула на Егора, который сел прямо и взглянул на женщину с каким-то вызовом. - Ты не...

- Я ваш племянник, - сказал Егор, - сын брата вашего мужа...

- Это Егор, ма, - сказал Рат, не открывая глаз и потираясь щекой о плечо женщины. -

А это Сашка и Светка, они тоже мои друзья... Ма, я тебе потом всё-всё расскажу подробно, всё-всё... Ма, - он вдруг открыл глаза и испуганно отстранился, - ма, а ты со мной пойдёшь домой?!

Вместо ответа женщина погладила сына по волосам и покачала головой:

- Как же ты жил без нас... без меня...

- Жил... - Рат смущённо повёл плечом. - Жил и жил. Ма-ам... - и он снова без малейшего смущения привалился к матери.

- Неужели три года прошло? - она покачала головой. - И я все три года... А Слава...

- Тёть Лен, что было, то прошло, - решительно сказала Ксанка. - Теперь всё будет хорошо.

- Да, - как эхо, откликнулась женщина, - теперь всё будет хорошо...

Возвращение

Волки провожали свою старшую до того места, где начался спуск с плоскогорья. Там они остановились у края, выстроившись в ряд, и женщина, остановившись, долго и печально-неотрывно смотрела на животных, глядящих вниз - казалось, что волки кланяются. Наконец Рат коснулся руки матери:

- Пошли, ма...

- Да, пошли, - она встряхнулась и улыбнулась со вздохом: - Я ведь ничего не забыла... Они все эти годы были моими друзьями и охраной... и неплохими друзьями и охраной. Мне не хочется бросать их.

- Можно их навещать, - заметил Сашка. Женщина покачала головой:

- Это не в гости съездить... Ну что ж, идёмте...

...Рат не отходил от матери, но даже Светка не дулась, хотя по временам вздыхала. Всё изменилось вообще, хотя они шли по той же тайге, ночевали в шалашах и охотились. Может быть, потому что теперь уже было совершенно точно ясно - они идут домой, и признаки этого дома даже высвечивались по вечерам на небе?

- Я ему завидую, - сказал Егор Ксанке, когда они вечером сидели возле ручейка, на котором разбили лагерь. Ксанка теперь всё чаще ковыляла с самодельным костылём, особенно на ровных местах, и, хотя это сильно замедляло продвижение, никто не злился - все понимали, как ей надоело быть грузом.

- А твоя мама? - Ксанка убрала со лба чёрные волосы. - Ты никогда про неё не говорил... Егор подобрал несколько галек, подбросил их в руке, просыпал, подвигал ногой.

- А что про неё говорить? - нехотя сказал он. - Она жена моего отца. Родила меня, потому что он так хотел. И всё.

- Ты её не любишь?! - почти ужаснулась Ксанка. Егор посмотрел на неё:

- Я бы... - с трудом сказал он. - Я бы хотел её любить. Очень хотел бы. Но как можно любить красивый кусок камня? Любоваться им, восхищаться им - можно, а любить...

- Так не бывает, - уверенно сказала Ксанка. - Не бывает, чтобы мать не любила сына, а он - её. Даже если она дерётся, например, то всё равно...

- Она не дерётся, - углом рта усмехнулся Егор. - Она просто меня не замечает, когда я дома... Поэтому я завидую Ратмиру. И ещё много почему... А ты меня познакомишь с родителями, когда мы вернёмся?

- Конечно! - просияла Ксанка. - Только они у меня совсем простые...

- Это хорошо, - заключил Егор... - Сань, ты можешь поговорить со мной серьёзно?

Светка присела возле Сашки, который чистил "маузер" и отвлёкся лишь на секунду:

- Ну могу.

- Сань, я в него совсем влюбилась.

- Совет да любовь...

- Сань, ты обещал серьёзно!

Сашка отложил пистолет и вздохнул:

- Он отличный парень. Если ты не испортишь ему жизнь, в чём я сомневаюсь, то можно сказать, что тебе повезло. Такой разговор тебя устраивает?

Светка обрадованно закивала, потом снова озабочилась:

- А он меня любит? - и тут же себе ответила: - Любит. Он меня знаешь как называет?

- Змея? - предположил Сашка, снова дотянувшись до пистолета.

Светка вскочила, гордо фыркнула и удалилась. Но почти тут же высунулась из-за ближайшего дерева и значительно сказала:

- Семисветик, вот как.

- Несусветик, - буркнул Сашка и, не выдержав, рассмеялся. Вскочил на ноги, подпрыгнул и прошёлся колесом. Огляделся - не видел ли кто несуразной и смешной для солидно-го четырнадцатилетнего человека выходки?

И прошёлся колесом ещё раз...

... - Эта девочка, Света... Она твоя девушка?

Рат смущённо засмеялся и покосился на сидящую рядом мать. Елена Сергеевна с понимающей улыбкой наблюдала за сыном и, не дожидаясь его ответа, притянула и не подумавшего сопротивляться Ратмира к себе:

- Сынуля... а вдруг это сон? - она взялась обеими ладонями за щёки мальчишки, заглянула ему в глаза: - Это не сон?

- Не знаю, ма, - покачал головой Рат. - Если сон, то я хочу поспать подольше... Ма, я скоро уеду... почти сразу, как мы вернёмся.

- Поступать в Суворовское? - спросила Елена Сергеевна. Рат удивлённо моргнул:

- Откуда ты...

- Отец, - женщина вздохнула, запахнула меховой балахон. - Когда мы нашли золото... он даже не обрадовался. Я удивилась... Он же за ним в тайгу пришёл, и вдруг... А Слава и говорит: "Только бы Ратку это не испортило. Он должен стать офицером. Несмотря на то, что сделали со мной."

- Нет доли лучше доли солдата, - сказал Рат и пояснил. - Наш рукопашник в интернате дал мне одну книжку. Она сложная, но я прочитал... Альфред де Виньи, "Неволя и величие солдата." Нет доли лучше доли солдата... Может, я бы и испортился, если бы на меня это золото тогда свалилось. А теперь... Я эти три года... - Рат смешался, но женщина поняла его:

- Ты стал мужчиной, - вздохнула она. - Так рано... очень рано. Жаль, что Слава не видит тебя.

- Этот гад убил его в спину, - Рат покусал губу. - Тот, которого ты застрелила около нас... Ма, ты что?!

Мальчишка почти испугался - глаза женщины блеснули каким-то первобытным ликованием, она встала:

- Так это был он?!

- Да... - Рат смотрел на мать снизу вверх. - Он сам похвастался, когда... в общем, когда допрашивал нас... ма, да что ты?!

- Хо-ро-шо-о... - по складам произнесла Елена Сергеевна, вновь садясь, и Рат перевёл дух. Теперь он понял, кого видели в лесах местные - женщину-кайгука, Хозяйку Волков, жутковатую и всесильную. - Очень хорошо, - удовлетворённо добавила она и стала прежней. Слава будет рад.

- Мстительность - вещь недостойная, - заметил Рат. - Нам так говорили.

- Глупости, - отрезала Елена Сергеевна. - Мстить за подлость, мстить за своих - вещь естественная и нужная... Ты думаешь иначе?

- Нет, - признался Рат. - Ма, Светка и правда моя девчонка. Она немного чудная... но это просто потому, что её недавно звали Синти. Она смелая и хорошая. И... - Рат покраснел,

-...красивая... Ма, - мальчишка подумал и решительно сказал: - Ма, нам всем надо поговорить.

- Что ж, зови всех, если всем, - спокойно согласилась женщина...

...Костёр горел ярко и шумно, с треском и рёвом пожирая смолистые коряжины. Вокруг него сидели на выворотнях женщина в шкурах, трое мальчишек и две девчонки в камуфляжах, а вокруг лежала тёплая ночь конца июля.

- Надо поговорить, - повторил Рат и встал, опираясь на карабин. - Мы богаты, ребята. По нашим здешним меркам - невероятно богаты...

- Да и по центральным... - Егор не договорил, но было ясно, что он хочет сказать. Рат кивнул ему:

- Тем более. Это золото по справедливости принадлежит всем нам поровну.

- На шесть частей, - сказала Ксанка. - Елена Сергеевна ведь... и вообще, если по правде, то это всё её.

- Вообще-то да, - вдруг призналась Светка и с вызовом посмотрела на Егора. Но тот только пожал плечами. А Рат покачал головой:

- Нет. Вы мучились, страдали, чуть не погибли. Будет нечестно решать так... Пять частей, всем поровну... Но я хочу сказать, что... - Рат подбросил карабин в ладонь, покачал им. - Вы можете смеяться. Это не моё золото. Я не чувствую себя его хозяином. Понимаете, - он заторопился, словно боялся быть прерванным, хотя все слушали внимательно, - эти люди, которые его прятали... они могли же его просто растащить. Чего легче - поделить и за кордон, тут же рядом... А они его везли, они его спрятали и погибли из-за него. Потому что... потому что оно было нужно не просто так. Я не буду рассуждать, кто там был прав, кто виноват, белые-красные... И Колчак... сам. Он мог удрать и всё. В самом начале. И как сыр в масле... а он... - Рат непривычно много говорил и начал путаться.

- Будет нечестно, если мы вбухаем его на аквапарки, пиццу и Диснейленд, - сказал Сашка. На него посмотрели, и Рат кивнул:

- Да. Нечестно... Посмотрите, сколько вокруг... сколько плохого, - Рат мучился, давился словами. - Сколько... как много денег у тех, кто... И совсем ничего - у других, кто хорошее делает... Что тут можно... А у нас теперь есть... пусть не миллионы долларов, но... Я... у меня есть руки, голова, я даже если не поступлю... я всегда заработаю... А есть - кто уже не могут... или ещё не могут, а им... Это - нечестно. А я хочу - чтобы честно, даже если так невыгодно... потому что я - я казак, я сын казака, офицера, а это всё, вокруг... это Россия... моя Родина, а не... просто так... даже если говорят... даже если мы никому не нужны, я всё равно буду честно...

- Рат, ты не волнуйся, - спокойно и тихо сказал Егор. - Мы понимаем.

- Да, спасибо... брат, - кивнул Рат и выпрямился строго, став похожим на памятник. - В общем я никому не приказываю, я даже не прошу никого. Но свою долю мы с мамой потратим на то, чтобы тут, у нас, стала чуть лучше жизнь. Мы пока ещё не знаем, как, но на людей, кто правда нуждается, кому помочь надо. Потому что они и есть - Россия. А не те морды по телику. Вот и всё. И никуда я свою долю сдавать не буду, найдём, кому продать. Я не хочу, чтобы мне двадцать пять процентов, а с остального отдавали долги тем, кому я не задолжал. Разным... буржуям зажавшимся. Я сказал.

Он сел. Светка, не вставая, тут же подала голос:

- Тётъ Лен, а у мужа и жены имущество общее? Я просто не знаю...

- По-разному, - удивлённо посмотрела на неё мать Рата. - Что до свадьбы нажили - то у каждого своё... А... что? - в голосе её прозвучала опаска.

Светка встала и поклонилась в пояс женщине, сохраняя абсолютно серьёзное выражение лица.

- Как я есть ваша будущая невестка, - сказала она, - то имущество своё отдаю в вашу семью. И пиндык. То есть это. Аминь. Благословите, свекровь-матушка.

- В каком это смысле? - еле прошелестела Елена Сергеевна. Светка начала:

- Ну, это... - и приняла на лоб брошенную Ратом шишку. - Спасибо, сударь мой муж.

- Сядь, - попросил Рат, - иначе выпорю, согласно "Домострою"...³⁸ Вот, ма, - обратился он к Елене Сергеевне, - это трепло и есть моя девчонка... Не пугайся. В душе она хорошая.

- Ну а теперь я скажу, - Сашка не вставал. - Хотя - что мне говорить. Я, Рат, думаю так же, как ты. Пусть ОНО будет для всех. Тогда потеряет силу проклятье.

- Какое проклятье? - удивился Рат. Сашка смутился:

- Да так... Фантазии, - и посмотрел на Егора.

- Я десять тысяч возьму, - твёрдо сказал тот. - Остальное ладно, но десять тысяч мне нужны. Я отдам их семьям... Семьям пилотов. Это ерунда взамен людей, но всё-таки что-то. Может быть, они меня простят.

- А если отец спросит, где взял? - поинтересовался Рат. Егор вскинул голову:

- Это моё личное дело.

- Ясно, - кивнул Рат. - Ну что ж. Значит, это золото пойдёт людям.

- России, - поправил Сашка. Рат не согласился:

- Людям... Россия - это и есть люди. Потом придумаем, что с ним делать конкретно, а пока ещё кое-что. Завтра надо присмотреть место, где спрячем оружие и барахло. Мы почти пришли.

- Уже?! - изумилась Светка и, когда все засмеялись, вздохнула:

- Честное слово, даже не верится. А?

- Да мне тоже, - признался Рат. А Егор сказал в сторону - и никто не услышал его слов:

- Целая жизнь прошла...

Сашка отошёл ненадолго в сторону от костра, а когда вернулся, то сказал:

- Знаете, уже светает. Надо хоть немного поспать, раз уж всё решено.

- Ничего не решено, - ответил ему Рат. - Решать-то придётся снова и снова. Всю жизнь, Сань. Это я давно и прочно выучил.

- А разве я против? - удивился Сашка. - Это интересно - решать...

А Светка, поднявшись на ноги, неожиданно потянулась и громко запела:

- Ищи меня сегодня среди морских дорог,
За островами, за большой водою,
За синим перекрёстком двенадцати ветров,
За самой ненаглядною зарёю...
Сашка, Ксанка и Егор поддержали:
Здесь горы не смыкают снегов седых одежд,
И ветер - лишь неверности порука.
Я здесь построил остров - страну сплошных надежд
С проливами Свиданье и Разлука...

- Рат обнял мать и слушал с улыбкой, как поют друзья:

- Не присылай мне писем - сама себя пришли,
Не спрашивая тонкого совета.
На нежных побережьях кочующей земли
Который год всё ждут тебя рассветы...

- Светка окликнула Рата: - Ну?! - и тот подхватил тоже:

- Пока качает полночь усталый материк,
Я солнце собираю на дорогах.
Потом его увозят на флагах корабли,

Сгрузив туман у моего порога.
Туман плывёт над морем, в душе моей дурман,
Всё кажется так просто и не просто.
Держись, моя столица, зелёный океан,
Двенадцать ветров, синий перекрёсток! - и они всё впятером
ещё раз пропели, чуть изменив, не сговариваясь, слова:

- Держись, моя Россия, зелёный океан,
Двенадцать ветров, синий перекрёсток!!!

...В два часа дня шесть человек - женщина и пятеро подростков - вышли на берег реки. В полукилометре от них ниже по течению по мосту неспешно ехала "газель". Дальше виднелись домики кафе и станции техобслуживания возле заправки.

Егор засмеялся. Все обернулись на него не без удивления, и он продемонстрировал друзьям потрёпанный непромокаемый бумажник, из которого торчали карточка "Visa" и уголки бумажных рублёвых и еврокупюр.

- Не потерял, - сквозь смех сказал он.

В лоне цивилизации

Хозяин кафе в полном обалдении, даже с некоторым ужасом, смотрел, как на веранду вошла компания, подобной которой он не видал, пожалуй, за последние десять лет ни разу, хотя видывал всякое. Это были женщина неопределённого возраста, одетая в шкуры, с неразличимым под спутанными длиннющими волосами лицом - и пятеро подростков лет по 14-15, трое мальчишек и девчонка, тоже обросшие, немытые, босые, в невообразимых отрепьях вроде бы камуфляжного цвета. Один парень поддерживал под локоть шкандыбающую с самодельным костылём девицу, в лице которой было что-то нерусское - скорее местное. Все шестеро оживлённо пересмеивались, разговаривали и озирались, потом расселись за одним из столиков. Сидевшая за соседним компания, остолбенело за этим наблюдавшая, удалилась на другой конец кафе. Тот парень, который помогал девочонке, что-то сказав остальным (они взорвались хохотом), подошёл к стойке.

- Что там у вас в меню? - осведомился он. Лицо парня украшал недавний, подживший, но хорошо различимый шрам.

- Идите отсюда, - понизив голос, сказал хозяин. - Быстро, ну?

Парень секунду спокойно созерцал лицо хозяина, потом сказал:

- А ты знаешь, что древние боги обожали ходить по гостям, прикинувшись нищими? И горе тем, кто, обманувшись внешним видом, не оказывал им должного почтения... - не сводя глаз с лица хозяина, парень достал из своих отрепьев бумажник, вжикнул "молнией" и сунул в чашку с зубочистками стоевровую купюру. - По полной на шесть человек. Можешь потратить минут пять на проверку подлинности купюры. И поверь, что совсем неподалёку есть места, где за все эти бумажки не купить приличного бутерброда... Ещё мне нужен телефон, свой я всё-таки раздавил.

- Одну минуту... - хозяин выставил руки ладонями вперёд. - Конечно... В заведении есть душевая, не желаете?

- Мы желаем поесть. Если покажется мало - я доплачу, - парень вдруг усмехнулся: - А если бы просто так пришли пятеро подростков и женщина? И попросили бы есть, потому что голодные? Ты бы их всё-таки выгнал?.. Вы-ыгнал бы, вижу. Я сам был... Ладно, где телефон?..

... - По-моему, Егор договорился, - Светка посмотрела в сторону стойки. - О'кей, сейчас будем кушать... Ра-ат!

- Отстань от него, - Сашка хлопнул сестру по затылку, но та не обиделась. Рат держал в

ладонях руку матери и что-то её говорил тихонько, не сводя глаз с её лица, а Елена Сергеевна то и дело касалась пальцами то щеки, то плеч сына и кивала.

- Мне надо в туалет, - коротко и откровенно призналась Ксанка. Светка вскочила:

- Пошли, отведу, - и девочки синхронно ухромали за дверь. Сашка крикнул им вслед:

- Э, побыстрей! А то я один всё съем! - и лениво уставился в потолок, думая, что Егор сейчас, конечно, звонит уже... или даже дозвонился...

Крик Светки ни с каким перепутать было нельзя.

- Пусти, козлина!!! - орала она. - Ну, пусти, я тебе говорю!!!

Сашка бомбой вылетел наружу.

Около туалетной кабинки сидела на земле и со слезами на глазах держалась за больную ногу Ксанка. Возле неё Светка, извиваясь и вопя, вырывала руку у здорового сержанта милиции, который, сопя, выкручивал девочке запястье левой, а правой снимал с пояса наручники. Рядом стоял милицкий УАЗ, около открытой задней двери поигрывал дубинкой и усмехался рядовой, в кабине сидел третий, водитель.

- О, ещё один прётся, подружку бросить не может! - засмеялся тот, с дубинкой. - Ну, сегодня мы план по бомжатам перевыполнили, сейчас этих трёх загрузим... э, ты чё?!

Сашка успел ударить сержанта трижды, прежде чем до рядового дошло, что дела идут как-то не так - ногой в пах, локтем в затылок и коленом в лицо. Сержант рухнул своему напарнику под ноги как раз в тот момент, когда рядовой с матерным воплем бросился на Сашку, вздымая дубинку, и мальчишка, воспользовавшись этим, цинично усугубил контакт его башки с бетоном. Светка, мстительно сопя, выбросила из кобур лежащих без сознания защитников правопорядка пистолеты, потом пропустила наручники через прутья дверцы и замкнула каждое кольцо на запястьях сержанта и рядового - по разные стороны решётки. После этого нагнулась к Ксанке:

- Больно?!

- Ничего, - улыбнулась та сквозь слёзы.

- Сань, представляешь... - Светка начала выпрямляться и округлила глаза: - Ой...

- Руки!!! - раздалась грозная команда. Отличавшийся беззаветным мужеством, как и большинство российских милиционеров, водитель УАЗа героически выскочил из кабины машины и держал двух девочек и пацана на прицеле укороченного "калаша". - Мордами... - он тихо икнул и опустился на землю, как воздушный шарик, из которого осторожно выпустили воздух - Рат, бесшумно подбежавший от кафе, нанёс ему удар полусогнутыми пальцами за ухом, тут же обезоружил водителя и, приподняв, примкнул к опущенному боковому стеклу.

- Так и не позвонил! - крикнул от чёрного хода Егор. - Не ра... э, чего там у вас?! Ксан!

- Ничего, уже всё нормально, - откликнулась та, морщась и украдкой промокая лохмотьями рукава глаза:

- Иди сюда, - Рат присел возле Ксанки, - тут рация есть.

- Дело, - Егор, подбежав, переступил через инертное тело водителя. - А как ей пользоваться?

- Сейчас покажу, - Рат тоже нырнул в УАЗик. Сашка и Светка усадили Ксанку на передок. От кафе уже спешили бледный хозяин и весьма злая Елена Сергеевна.

Сержант застонал и завозился. Сашка сообщил ему:

- Сволочь вы. Редкостная... У неё же нога сломана, слепому ясно! Взрослый мужик - и на двух девочек, руки крутить...

- По-моему, нас будут судить, - заметила Светка уверенно. Егор из машины крикнул:

- Ничего, отец отмажет!.. На чего нажимать-то?.. - а Сашка повторил, обращаясь к сержанту:

- А ещё погоны носите... позорище!

Сержант открыл рот... но так и не произнёс ни слова, с опаской глядя вокруг. Егор внутри уже что-то говорил до невозможности барственным голосом, а Рат вдруг захохотал и вывалился наружу с листом бумаги, на оборотной стороне которого красовались поля для

"морского боя", сплошь покрытые результатами отчаянной битвы:

- Смотрите!!! Это чудо что такое! Сколько же он у них валялся?!

Лист украшали пять монструозных фотографий с шапкой "РАЗЫСКИВАЮТСЯ!". Из-за них было похоже, что разыскиваются малолетние террористы, с детства страдавшие целым букетом болезней, главной из которых являлся хронический отёк лица с нарушением пигментации кожи. Ниже шёл какой-то плохо читаемый текст, одинаково могущий быть и призывом о помощи в поисках и грозным предупреждением об опасности беглецов, но сами снимки были подписаны довольно разборчиво, крупными чёрными буквами с патетическим наклоном:

РАТМИР ПЕРВАКОВ

ЕГОР ПЕРВАКОВ

СВЕТЛАНА КОНДРАТЬЕВА

АЛЕКСАНДР КОНДРАТЬЕВ

ОКСАНА БАРДЖИЕВА

От автора

Я даже не заканчиваю, а просто обрываю эту историю здесь, потому что дальнейшее уже не содержит никаких приключений. Это - классический хэппи-энд на фоне заката, в который уходят не два героя, а целая куча. Даже не уходят, а уезжают на УАЗике, добытом в честном бою. Они добрались до цивилизации и, хотя первая встреча с нею бы-ла не слишком ласковой - можно не сомневаться, что теперь всё у всех будет нормально. Желаящие могут пофантазировать, как будут мои герои вывозить из тайги золото, на что употребят трофейное оружие и чем вообще станут заниматься в дальнейшем. Меня это совершенно не интересует, уж извините. В одном я уверен точно: все они (даже положительный с самого начала Рат!) вышли из тайги более счастливыми и изменившимися в лучшую сторону, чем были до этого. И не в золоте тут дело, хотя некоторые и покривятся: "Как же, не в золоте..."

...Пару слов (на самом деле - намного больше...) уже не об этой истории, а о том, откуда она взялась и почему была написана.

Я склеил эту историю из полудюжины газетных и журнальных статей, рассказов нескольких человек, собственных наблюдений и личной фантазии. В описанном виде она никогда и нигде не происходила полностью.

НО:

Все указанные в повести географические объекты, племена и персонажи действительно существуют (или существовали), хотя в значительной степени сознательно перемешаны и перепутаны мною в пространстве, да и во времени. Не из-за золота, а чтобы не осложнять жизнь людям - и интересней писать повесть.

В тайге действительно каждый год пропадают десятки людей (хотя и намного меньше, чем в наших городах!). Часть из них возвращается, часть - нет, и их судьба остаётся неизвестной. Возвратившиеся же редко рассказывают правду о своих похождениях.

Банды хунхузов действительно терроризируют многие места Дальнего Востока и на самом деле пользуются негласной поддержкой из-за рубежа и действуют по чёткому плану, предусматривающему китайское заселение всего Приморья и земель юга Сибири до Байкала. Наши власти им практически не противодействуют.

Тайга на самом деле огромна. Тайга нашей страны - это шестнадцатая часть всей суши планеты, целый материк (или море, как кому нравится), на котором таятся сотни и тысячи загадок и тайн - от неведомых науке животных до остатков цивилизаций более древних, чем пирамиды Египта. Именно где-то в таёжных просторах - самая первая, самая древняя родина

пра-предков русского народа и всего населения Европы вообще.

Жуткие (да и просто необычные) существа, обитающие в тайге - не моя выдумка и не выдумка вообще. Ими занимается наука криптозоология, а люди, обитающие в тех местах, могут рассказать намного больше любого учёного. На три четверти они врут. Но - только на три четверти.

Многие считают, что золото в самом деле имеет над человеком странную власть и способно толкать на убийства и предательства. Я в это не верю. Мне кажется, что золото - как и любое испытание, оно просто высвобождает в человеке его настоящее "я".

То, что на территории даже СССР существовали племена, живущие как бы в каменном веке и минимально пользовавшиеся достижениями цивилизации - правда. В РФ число таких племён увеличилось. Частично к ним относятся и русские.

Абсолютной правдой является и тот страшный факт, одним из основных врагов подростка в России (отмечу - любого подростка, а не малолетнего преступника или правонарушителя!) выступает родная милиция. Беззаконные задержания и аресты, помещение в одни камеры со взрослыми уголовниками, моральное давление, побои, издевательства, провокации, подлоги и оговоры, "припаянные" ни за что срока, а так же и настоящие пытки - вот те средства, которыми пользуются правоохранительные органы в работе с подрастающим поколением России. При этом милиция демонстрирует не беспомощность, а простое и наглое нежелание заниматься поисками детей, исчезающих десятками и сотнями по всей

России совершенно бесследно - и не в тайге! Бездушие, тупость и пренебрежение - вот то, с чем сталкиваются родители таких детей со стороны славных героев "Убойной Силы".

Я верю в такие вещи, как верная дружба и настоящая любовь. Как верю и в то, что без суровых испытаний, прожив лет до 18-20 без бед, страданий и борьбы - человеком не станешь. Сколько ни покупай новых машин и как не гордись количеством "съеденных" конкурентов... Уверен я и в том, что преступно оберегать мальчишку от оружия, драк и конфликтного максимализма - только через близкое знакомство со всем этим мальчик станет мужчиной.

Я никогда не любил техноприключений, книг, действие которых происходит в больших городах, и героев, проводящих время за экраном компьютера, хотя и понимаю, что немало количеству наших подростков, к сожалению, близки именно такие персонажи. (А ещё есть Гарри Поттер, от воздействия книг о котором на детей даже для меня, человека неверующего, веет откровенным сатанизмом!) В определённой степени "Перекрёсток двенадцати ветров" появился как результат моей сохранившейся подростковой любви к Майн Риду, Генри Хаггарду и - особенно! - Луи Буссенару, авторам, о которых нынешние дети почти ничего не знают. Жаль.

В книге присутствуют жестокие (по меркам детской литературы, конечно!) сцены. Более того - я позволил главным героям убивать врагов не на экране компьютера, а в реальности, в настоящем бою. Отлично понимаю, какую бурю возмущения это может вызвать среди бдительных товарищей. Сам ничего придумывать не буду в ответ, отвечу словами Владислава Крапивина, который со злой иронией говорил о такой "критике": "Это непедагогичный финал. Уже из-за одного этого эпизода книгу следовало запретить. Мальчики не должны стрелять во взрослых. Взрослые-то могут стрелять в мальчиков, а те не имеют права..." И стрелять, и издеваться, и красть, и продавать, и калечить жизни - всё это разрешено просто потому, что негодяи зачастую сильнее своих жертв. Но какими же жалкими и трусливыми они становятся, если нарываются вдруг на неожиданный квалифицированный и беспощадный отпор! Мне известно немало таких историй в реальности. И я глубоко убеждён - подросток должен уметь защитить себя, друзей, девчонку, близких, в любой ситуации. Если придётся - то и силой оружия. Потому что мальчишка - это всегда будущий солдат. Особенно - в нашей стране...

Прототипы пяти главных героев живут и здравствуют в реальности - по крайней мере, на момент написания книги. "Рат Перваков" учится в Суворовском. "Светка" скоро окончит

школу, как и её брат "Сашка" - она по-прежнему встречается с "Ратом" и, кажется, собирается продолжать встречи и дальше, он - идёт напрямик к своей мечте о Рязанском училище ВДВ. "Ксанка Барджиева" учится в интернате в... ну, не там, где написано в книге и переписывается по личному Интернету с человеком, который ей его подарил. Этот человек не бросил своей школы в Англии, но, по мнению некоторых педагогов и многих одноклассников, стал совершенно невыносим и крайне нетерпим. На каникулах "Егор Перваков" бывает только в одном месте - думаю, понимаете, где и с кем, а все свои планы связывает с Россией, как это ни смешно прозвучит для многих сильно продвинутых людей. Каковы на самом деле обстоятельства знакомства этих пятерых и что их сдружило - я сам толком не знаю. Скорей всего - история не менее интересная и загадочная, чем описанная мною... Дальнейшая их судьба едва ли сложится легко - уж очень они не умеют вписываться в условия жизни, что так ценится в нынешнем мире.

Большая часть золота Колчака и правда не найдена до сих пор.

Примечания

1. Бичами восточней Байкала называют тех, кого в Центральной России называют бомжами. И, если бомжи у нас появились последние пятнадцать лет, то бичи в тех местах были всегда.

2. На самом деле - не море, а водохранилище, созданное на реке Зея и её многочисленных притоках. На болотистых берегах "моря" стоят города Зея (на юге) и Верхнезейск (на северо-востоке).

3. Так называются фантастические представления, которые ходят о России за рубежом - типа пятидесятиградусных морозов, медведей на улицах городов и морей водки, выпиваемых русскими после ныряния в проруби с балалайками в руках.

4. Хунхузы - обобщённое название китайских бандитов в XIX - начале XX в.в., носивших через русскую границу спирт, сахар, опиум, ткань, золото и прочую контрабанду. В наше время хунхузы тоже есть - они занимаются браконьерством и той же контрабандой, почти не изменившейся с XIX века. Это очень опасные и жестокие люди, вступающие в бой даже с пограничными нарядами.

5. Кержаками иначе называли раскольников-староверов, бежавших в Сибирь от преследований властей.

6. Оружие Рата - тульский штуцер - "вертикалка" - имеет верхний ствол самозарядный, нарезной, калибра 5,6 мм. под спортивный патрон, с восьмизарядным магазином (из этого ствола стреляют птицу и мелкого зверя), а нижний - однозарядный и гладкий 16-го охотничьего калибра, из которого стреляют пулями и картечью по любым животным, до кабана и медведя включительно, а так же дробью. Весит такое оружие около трёх с половиной килограммов.

7. Сорт бездымного пороха для охотничьих ружей.

8. Лёгкий самолёт, созданный в России в середине 90-х годов. Предназначен для патрулирования границ, охоты за контрабандистами и браконьерами - но из-за хронического безденежья армии производится на заказ как прогулочный самолёт.

9. Самое безопасное место в самолёте при аварии - хвост. По статистике, большинство выживших в них занимали место именно там.

10. Одна из первых моделей джипа, поставлявшаяся в СССР из США в качестве военной помощи в годы Великой Отечественной Войны.

11. Переход в ближний бой.

12. Боковой удар на короткой дистанции.

13. Женщина-индеанка. Следует сказать, что к женщинам индейцы относились, не в пример тому, что показывают в фильмах и пишут в книжках, как к вьючному скоту.

14. Джек Лондон - практически забытый на родине в США и некогда очень популярный в нашей стране писатель-романтик. Прославился в первую очередь суровыми

рассказами о мужественных и честных покорителях американского Севера в конце XIX - начале XX века.

15. Валентин Саввович Пикуль - русский писатель-историк, автор множества романов, повестей и миниатюр. В сущности зачинатель и долго время едва ли не единственный представитель военно-патриотического направления в прозе. Горячий патриот России, участник войны (юнга Северного Флота), ярый противник "беспристрастного" взгляда на историю и псевдоисторических сказок, порочащих достоинство России. Именно за это часто подвергался критике. Скончался в 1990 году. Один из его последних романов - "Честь имею!" - посвящён судьбе русского разведчика.

16. Хирургическая пила-струна, названная по фамилии своего изобретателя.

17. Лекарство, применяемое, в числе прочего, для дезинфекции воды.

18. Орывки из сатирической поэмы Л.Филатова "Про Федота-стрельца, удалого молодца".

19. Канадский писатель, в числе прочих книг о Севере написавший дилогию, в первой части которой - "В стране снежных бурь" - герои-мальчишки, англичанин Джейми и индеец Эуэсин, вынуждены зимовать в Заполярье.

20. Пессимистичный, проникнутый неверием в человека и человечество роман английского писателя Уильяма Голдинга о быстрой и полной деградации до первобытного состояния группы английских школьников, оказавшихся после аварии самолёта на необитаемом острове.

21. Знаменитый английский хард-рок-музыкант 80-х годов XX века.

22. Стихи барда А.Городницкого.

23. На жаргоне альпинистов - скала с отрицательным - больше 90 градусов - наклоном.

24. Майкл Муркок - английский фантаст, работающий в жанре "фэнтези". Наиболее известна его эпопея о Вечном Герое, под разными именами сражающемся за справедливость во множестве различных миров и времён. Фантастика Муркока отличается мрачностью и намеренным пренебрежением законами логики, приближающим её к народным кельтским сказаниям.

25. Джунгли в Южной Америке возле реки Амазонки и её притоков.

26. Стихи Ю.Визбора.

27. Человек, нарочито пренебрегающий понятием "Родина".

28. Это слово, почему-то считающееся ругательством и чуть ли не синонимом фашиста, на самом деле означает племена, ещё до нашей эры занимавшие территорию от Байкала до Тихого океана. Именно арийцы позже стали предками практически всех народов Европы - переместившись на запад, они дали начало в том числе и русским.

29. Воин (принято думать, что только викинг; на самом деле подобное встречалось у всех северных народов), в бою впадающий в безумие, при котором он не ощущает боли, может сражаться голыми руками против нескольких вооружённых противников, не воспринимает опасности. Документально зафиксировано, что берсерки в одиночку разгоняли отряды из 20-50 вооружённых людей, сражались с отрубленной рукой или вспоротым животом, пронзённые копьём или несколькими стрелами. Легенда о том, что берсерки якобы жевали мухоморы или пили отвар из них, чтобы ввести себя в нужное состояние, недостоверны - тут речь идёт о психотехническом самовнушении, подобном тому, которое используется настоящими профессиональными бойцами в наше время. Как правило, берсерк внушал себе, что он медведь или волк.

30. Десятизарядная модель самозарядного карабина на базе автомата Калашникова калибра 7,62x39.

31. Русский.

32. Эвен.

33. Ксанка не ошибается, говоря о себе "бурят" - она просто называет свой народ на родном языке. Что до неприязненного отношения старого эвена к бурятам - оно вполне обосновано. Являясь более развитыми, чем их соседи, буряты до прихода русских (да и

позже, но в меньших масштабах) не раз притесняли более слабых соседей - хакасов, якутов, эвенков, эвенов, нанайцев, удэгейцев и других.

34. И всё (нем.)

35. К сожалению, это правда, хотя так было не всегда - ещё недавно всё обстояло иначе и "способность русских снайперов... попадать противнику между глаз с расстояния 700-800 метров... помнят до сих пор... Задачей армейского снайпера стало не поражение пулей головной цели между глаз на дистанции 400 м., а попадание на том же расстоянии в любую точку мишени "пулемёт со вторым номером". " (А.Потапов. Искусство снайпера.) Большинство солдат нашей армии просто-напросто не умеет стрелять. Между тем, снайпера наших западных "друзей" попадают в голову человеку на расстоянии до километра!

36. Теория эволюции Дарвина в части, касающейся происхождения человека якобы от обезьян-приматов, не выдерживает никакой критики с точки зрения современной науки. Проще говоря, *homo sapiens sapiens* европейского типа произошёл не от обезьяны, а от кого - одна из загадок истории.

37. Во время многочисленных встреч людей с так называемыми "снежными людьми" не отмечено ни единого случая явной агрессии с их стороны - да и в случае агрессии со стороны обычных людей ответная реакция снежного человека либо откровенно труслива, либо направлена лишь на то, чтобы защититься и убежать.

38. "Домострой" - произведение русской литературы, написанное в XVI веке и касающееся правил поведения в семье, воспитания детей, управления хозяйством. В "Домострое" зафиксированы очень строгие рамки обращения мужа с женой.